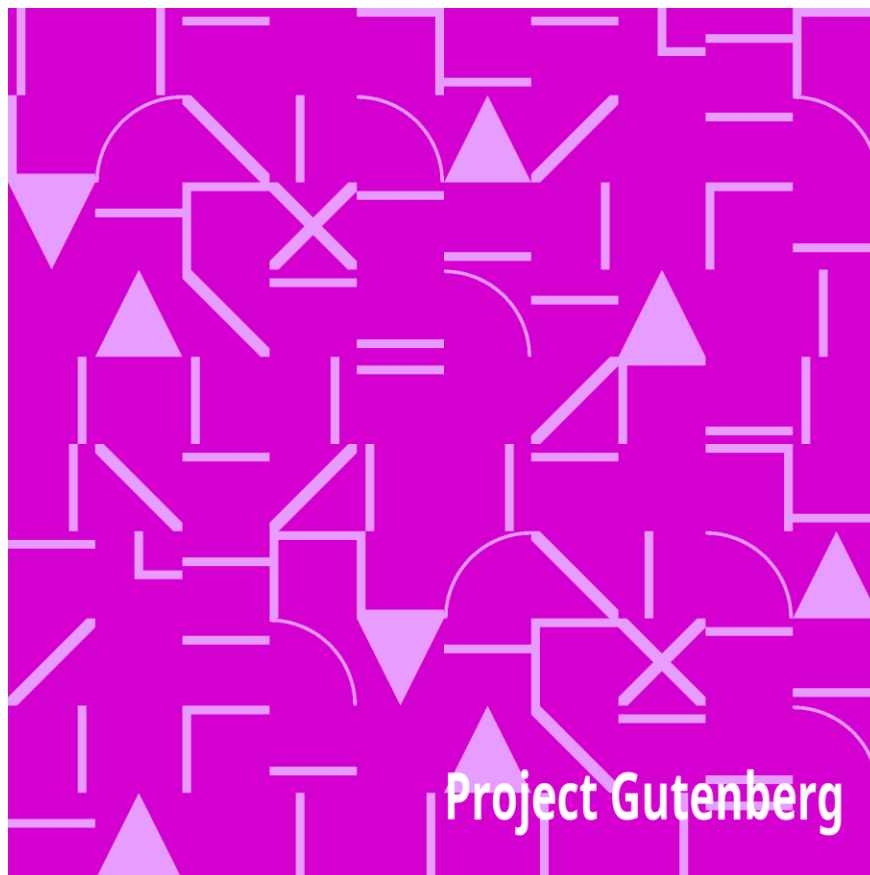

Доколумбово открытие Америки норманнами, иллюстрированное переводами исландских саг

Б. Ф. ДеКоста

**The Pre-Columbian Discovery of America by
the Northmen**

B. F. DeCosta

Электронная книга проекта Гутенберга о доколумбовом открытии Америки норманнами

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Доколумбово открытие Америки норманнами

Автор: Б. Ф. ДеКоста

Дата выхода: 29 октября 2012 г. [Электронная книга № 41221]

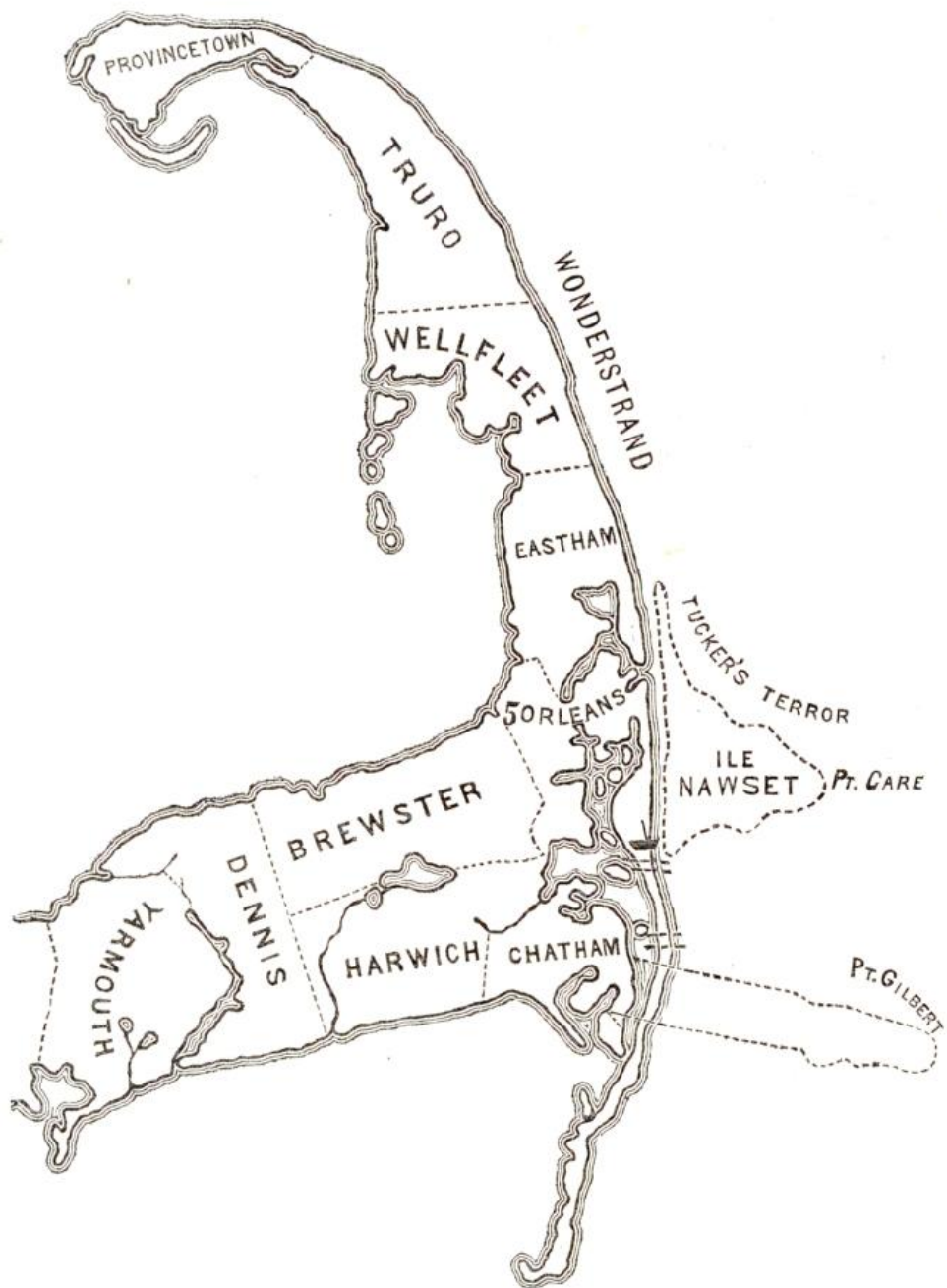
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Греггом Бергквистом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДОКОЛУМБОВО ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ НОРМАННАМИ" ***

Примечание переписчика: Очевидные орфографические и пунктуационные ошибки были исправлены.

КАРТА КЕЙП-КОДА В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОНА ПОЯВИЛАСЬ В НАЧАЛЕ 17 ВЕКА.

См. [страницу 30](#).

ДОКОЛУМБОВО ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ НОРМАННАМИ, ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ переводами исландских саг, ОТРЕДАКТИРОВАННОЕ С ПРИМЕЧАНИЯМИ И ОБЩИМ ВВЕДЕНИЕМ,

Б. Ф. ДЕ КОСТА.

ОЛБАНИ:
ДЖОЭЛ МАНСЕЛЛ.
1868 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель настоящей работы - сделать доступными для изучающего историю англичанина все отрывки исландских саг, по существу относящиеся к доколумбову периоду открытия Америки норманнами. Эти Саги, в основном, рассказывают свою собственную историю; хотя, с необходимыми вступлениями, были добавлены примечания, либо для устранения неправильных представлений, либо для предоставления информации о людях и местах, либо для того, чтобы показать идентичность описываемых местностей.

Еще в 1838 году выдающийся автор в "*Североамериканском обозрении*", завершая ценную и одобрительную статью о сагах, относящихся к Америке, сказал: "Мы надеемся, что немедленно найдется какой-нибудь ревностный исследователь этих предметов, который переоденет исландские власти в английское платье и подготовит их с надлежащим литературным аппаратом для прочтения обычным читателем".

Тем не менее, до сих пор никто в нашей стране по-настоящему не взялся за эту задачу; ибо диалоги Джошуа Тулмина Смита, какой бы ценной они ни были на момент их публикации, ни в

кчем случае нельзя рассматривать как представляющий собой строгий исторический труд, о котором идет речь. Английский трактат Бимиша был задуман в правильном духе; но, хотя он был перегружен множеством не относящихся к делу материалов, он не завершал тему и вместе с работой Смита давно вышел из печати. Несколько кратких рассказов также приведены Лэйнгом в приложении к его ценному переводу *"Хеймскринглы"*; но труды этих авторов сейчас недоступны, и, если их объединить, они не удовлетворят нынешним потребностям. Таким образом, автор воспользовался благоприятным случаем, чтобы представить то, что, возможно, можно рассматривать как изложение всего вопроса. При этом он свободно использовал материалы вышеупомянутых авторов, которые считал ценными для этой цели. Краткие переводы Лэйнга, выполненные хорошо, были приведены полностью, за исключением того, что отдельные выражения были улучшены; но те части неудовлетворительной и не совсем простой работы Смита, которые были использованы, были несколько основательно переработаны. Работе Бимиша можно было бы найти лучшее применение, если бы автору удалось раздобыть копию до того, как он собирался закрыть свою работу.

Автор не претендует на критическое знание исландского языка, однако он надеется, что текст Саг здесь не был неверно истолкован или оставлен неясным, тем более что саги, относящиеся к доколумбовым путешествиям, приведены в работе профессора Рафна "Древности Америки", сопровождаемой версиями на латыни и датском. Во всем, что касается последнего языка, автор пользовался бесценной помощью и советом человека, говорившего на нем с детства.

Грамматическая структура исландского языка проста, и целью было сохранить эту простоту в переводах, насколько это позволял гений нашего собственного языка. Это произведение является строго историческим как по духу, так и по замыслу, поэтические отрывки, которые встречаются здесь и там, переведены настолько буквально, насколько это возможно, без каких-либо попыток украсить их метром и рифмой. Тем не менее, в примечаниях иногда приводятся версии в рифму, написанные другими руками.

Будет видно, что автор по некоторым пунктам расходится с профессором Рафном; однако считается, что если бы он мог вернуться к этому предмету еще раз, изучая его на месте и среди сцен, в которых совершались столь многие подвиги норманнов, он изменил бы свои взгляды по некоторым пунктам.

С другой стороны, автор стремился усилить некоторые выводы этого благородного и кропотливого исследователя, и особенно за счет более полного раскрытия правдивости исландских описаний побережья Кейп-Код, которые столетия назад представляли собой аспект, которого у них сейчас нет.

И давайте помнить, что, защищая северян, мы чтим тех, кто не только дал нам первые знания об американском континенте, но и кому мы обязаны многим помимо того, что считаем ценным. Ибо мы в значительной степени выдумываем, когда говорим о нашем "саксонском наследии". Скорее всего, именно от северян мы почерпнули нашу жизненную энергию, нашу свободу мысли и, в какой-то мере, о которой мы пока не подозреваем, нашу силу слова. И все же, к счастью, люди быстро начинают осознавать свой долг; так что остается надеяться, что недалеко то время, когда норманны будут признаны по праву социальными, политическими и литературными персонажами и в то же время как мореплаватели займут свое истинное место в доколумбовом открытии Америки.

Содержание.

	I. Предисловие.	
	II. Общее введение. Исторические фантазии; Море тьмы; Экспедиция Джубы; Традиции; Северяне; Колонизация Исландии; Заселение Гренландии; Организация Церкви; Памятники и руины; Исследования в Гренландии; Упадок Гренландии; Потерянная Гренландия найдена; Характер и достижения северян; Корабли северян; Литература Исландии; Рукописи; Правдивость повествований; Отсутствие памятников и останков в Винланде.	
	III. Гуннбьерн и его Скалы.	
	IV. Путешествия Эрика Рыжего в Гренландию и заселение ,	983-986 гг. н.э..
Против	Путешествия Бьярне Хериульфссона к берегам Америки,	986 г. н.э..
	VI. Путешествие Лейфа Эриксона в Винланд,	1000-1001 гг. н.э..
	VII. Путешествие Торвальда Эриксона в Винланд,	1002 г. н.э..
	VIII. Попытка Торстейна Эриксона отыскать Винланд,	1005 г. н.э..
	IX. Поселение Торфинна Карлсефне в Винланде,	1006-1009 гг. н.э..
	X. Путешествие Фрейдис и поселение в Винланде,	1010-1012 гг. н.э..
	ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ.	
	I. Пребывание Марсона в Хвитрамманленде,	983 г. н.э..
	II. Путешествие Биорна Асбрандсон,	999 г. н.э..
	III. Путешествие Гудлейфа	1027 г. н.э..

Гудлансона,

- IV. Упоминания о путешествиях, найденные в древних рукописях.
- V. Географические фрагменты.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ.

ОТКРЫТИЕ ДОКОЛУМБОВОЙ ЭПОХИ.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ.

Прежде чем равнины Европы или даже пики Чумаларии поднялись над первобытными морями, Континент Америка возник из водной пустыни, окружавшей весь земной шар, и стал ареной живой жизни. Так называемый Новый Свет на самом деле является Старым и имеет множество свидетельств седой старости. Но в какой период он стал обителью человека, мы не можем даже предположить. Вплоть до конца десятого века христианской эры у него не было письменной истории. Здесь нет недостатка в следах примитивной цивилизации, которые предполагают глубокую древность. Памятники и курганы по-прежнему указывают на периоды, при созерцании которых у самого Хроноса закружилась бы голова; однако среди всех этих великих и часто впечатляющих памятников нет ни одного памятника, надписи или скульптурного фриза, которые разгадали бы тайну их происхождения. Традиция сама по себе нема, и тема в основном загорается, когда переносится в область воображения. Мы можем только сделать вывод, что век за веком нации и племена продолжали подниматься к величию, а затем приходить в упадок, и что варварство и грубая культура попеременно господствовали.

Тем не менее, люди получали немалое удовлетворение, придумывая теории, объясняющие происхождение ранних рас на Западном континенте. Какое очарование таится в предполагаемых трансатлантических путешествиях отважного финикийца, роскошных моряков Тира и, позже, отважных басков. О каких историях могут рассказать утраченные фотографии Мексики и хроники Дьеппа? Теперь перед нами открывается великолепный вид на великие флоты, остатки какой-то завоеванной расы, пересекающие океан, чтобы воссоздать в новых и неизвестных землях города и памятники, которые они навсегда оставили позади; [1] а теперь это просто история о каком-то выброшенном штормом моряке, который вслепую направляется к

западному берегу и закладывает фундамент империи. Опять же, это приверженец маммоны в поисках прибыльной торговли или золотого руна. Как романтична картина его маленького одинокого барка, отправляющегося в путь во времена римского величия или в блистательный век Карла Великого, доверчиво плывущего между Геркулесовыми столбами и несущегося к Островам Блаженных и Источникам Вечной Юности. Со временем *Крайний Предел* известного мира миновал, и попутные ветра уносят моряка-торговца к новым и чудесным землям. Мы видим, как он плывет вдоль неизвестных берегов, переходя от мыса к мысу и от бухты к заливу, любуясь чудесами Нового Света, торгуя с бронзовокожими индейцами, обменивая диковинные товары на варварское золото; а затем снова берет курс на рынки далекого Востока, чтобы влить странные истории в недоверчивые уши. И все же, возможно, это не так уж и фантастично.

МОРЕ ТЬМЫ.

В древние времена на Атлантический океан, как и на все, что не имеет известных границ, человек смотрел со смешанным чувством страха и благоговения. Его называли Морем Тьмы. И все же, тем не менее, были те, кто заявлял, что обладает некоторыми знаниями о его масштабах и о том, что лежит за их пределами. Самое раннее упоминание об этом море принадлежит Феопомпу в четвертом веке до нашей эры, приведенном во фрагменте Элиана, [2], где описывается обширный остров, лежащий далеко на западе и населенный странными расами. К этому мы можем добавить ссылку Платона [3] на остров под названием Атлантида, который лежал к западу от Геркулесовых столбов и который, по оценкам, был больше Азии и Африки вместе взятых. Аристотель [4] также считал, что за Атлантикой существует множество других земель. Платон предположил, что Атлантида была потоплена землетрясением, и Крантор говорит, что он нашел то же самое сообщение, переданное жрецами Саиса через триста лет после времен Солона, от которого дед Крития получил свою информацию. Платон говорит, что после исчезновения Атлантиды навигация стала слишком затруднительной из-за ила, образовавшегося в результате затопления суши. Вероятно, он имел в виду огромные поля дрейфующих морских водорослей, обнаруженные в этой местности и которые, по оценкам Гумбольдта, покрывают часть Атлантического океана, в шесть раз превышающую площадь всей Германии.

Считается, что Гомер [5] получил представление о своем Элизиуме в Западном океане из путешествий финикийцев, которые, как хорошо известно, регулярно плавали к Британским островам. Некоторые также предполагают, что они продвинули свои открытия так далеко, что достигли Западного континента. Кадис, расположенный на берегу Андалусии, был основан тирийцами за двенадцать веков до Рождества Христова; и когда Кадису, древнему Гадиру, исполнилось полных пятьсот лет, греческий торговец Колей закупил там редкие товары, поскольку продолжительный и сильный шторм загнал его корабли за Геркулесовы столбы.

ФИНИКИЙЦЫ.

В девятом веке до нашей эры финикийцы основали колонии на западном побережье Африки; а триста лет спустя, согласно Геродоту, фараон Нехо, сын Псаммитика, отправил экспедицию, укомплектованную финикийскими моряками, вокруг всего побережья Африки. Вивьен де Сен-Мартен устанавливает дату этой экспедиции в 570 году до н.э. Святой Мартин в своем отчете о путешествии немного развивает взгляды Карла Мюллера, и за ним следует Бугенвиль. [6] Это

путешествие, совершенное Ганноном под руководством фараона, было написано на пуническом языке в карфагенском храме, впоследствии переведено на греческий и, таким образом, сохранилось.

В том, что Канарские острова были открыты и колонизированы финикийцами, сомневаться не приходится. Согласно традиции, острова всегда располагались в этой близости. Страбон говорит об островах Блаженных, лежащих недалеко от Мавритании, напротив Гадира или Кадиса. И он отчетливо говорит, "Что те, кто указал на эти вещи, были *финикийцами*, которые до времен Гомера владели лучшей частью Африки и Испании". [7] И если мы вспомним, что финикийцы стремились монополизировать торговлю и держали в секрете информацию о своих коммерческих курортах, неудивительно, что мы больше ничего не слышали об Островах Счастья примерно за восемьдесят два года до Рождества Христова, когда римлянин Серторий встретил на побережье Испании нескольких лузитанских моряков, которые только что вернулись с Островов Счастья. Они описываются как два восхитительных острова, разделенных узким проливом, удаленные от Африки на пятьсот лиг. Через двадцать лет после смерти Сертория Стаций Себоз составил карту группы из пяти островов, каждый из которых упомянут по имени и которые Плиний называет Гесперидами, включая острова Удачи. Это упоминание о Канарах относится к шестидесяти трем годам до Рождества Христова.

ЭКСПЕДИЦИЯ ДЖУБЫ.

Когда король Джуба II вернулся в Мавританию, он отправил экспедицию на острова Удачи. Фрагмент повествования об этой экспедиции до сих пор сохранился в трудах Плиния. Они описаны как расположенные к юго-западу, в шестистах двадцати пяти милях от Пурпурарии. Чтобы добраться до них из этого места, они сначала проплыли двести пятьдесят миль на запад, а затем триста семьдесят пять миль на восток. Плиний говорит: "Первый называется Омбриос и не содержит никаких следов построек. Там есть пруд посреди гор и деревьев, похожих на ферулы, из которых можно выжимать воду, горькую от черных сортов, но приятную для питья от светлых. Второй называется Юнония, и в нем находится небольшой храм, полностью построенный из камня. Рядом с ним находится еще один остров поменьше с таким же названием. Затем идет Капрария, где полно крупных ящериц. В пределах видимости от них находится Нивария, названная так из-за снега и туманов, которыми она всегда покрыта. Недалеко от Ниварии находится Канария, названная так из-за большого количества обитающих там крупных собак, двух из которых привезли королю Джубе. На этих островах сохранились следы построек. Все острова изобилуют яблоками, птицами всех видов, финиковыми пальмами и кедровыми орехами. Здесь также много рыбы. Там растет папирус, а в реках водится силурская рыба. [8] Автор книги "*Принц Генрих Мореплаватель*", [9] говорит, что в Омбрии мы узнаем плювиалии Себозуса. Конваллис Себосский у Плиния превращается в Ниварию, пик Тенерифа, который вздымается на величественную высоту в девять тысяч футов, его заснеженная вершина, кажется, пронзает небо. Планария вытеснена канарией, термин, впервые примененный к большому центральному острову, теперь дает название всей группе. Омбриос, или Плювиалия, очевидно, означает остров Пальма, на котором был "бассейн посреди гор", ныне представленный кратером потухшего вулкана. Это, очевидно, видели моряки короля Джубы. Майор говорит: "Расстояние этого острова [Пальмы] от ФуэртеVENTУРЫ совпадает с расстоянием в двести пятьдесят миль, указанным мореплавателями Джубы как существующие между Омбриосом и Пурпурари. Уже было видно, что последние согласуются с Лансероте и ФуэртеVENTУРОЙ в отношении их удаленности от континента и друг от друга, как

описано Плутархом. О том, что пурпурии не относятся, как предполагал г-н Бори де Сент-Винсент, к мадейрской группе, свидетельствует не только малочисленность жителей последней, но и то, что орхил, из которого получают пурпурный краситель, добывается в основном на Канарах, а не в мадейрской группе, хотя его и можно найти там. Юнония, - продолжает он, - ближайшая к Омбрию - Гомера. Можно предположить, что храм, расположенный там, был, как и остров, посвящен Юноне. Капрария, что подразумевает остров коз, правильно согласуется с островом Ферро, ... поскольку эти животные водились там в большом количестве, когда остров был захвачен Жаном де Бетанкуром в 1402 году. Но еще более поразительным доказательством тождества этого острова с Капрарией является сообщение о большом количестве найденных там ящериц. Капелланы Бетанкура, описывая свое посещение островов в 1402 году, заявляют: "Там водятся ящерицы размером с кошку, но они безвредны, хотя и очень отвратительны на вид". "" [10]

Таким образом, мы видим, что мореплаватели Джубы посещали Канарские острова [11] в ранний период, как свидетельствует Страбон, так было с финикийцами, которые, несомненно, построили храм на острове Юнония. И, насколько нам известно, ранние мореплаватели, возможно, перебрались на Западный континент и заложили основы тех странных народов, памятники которых сохранились до сих пор. Путешествия финикийцев и тирийцев на Западный континент горячо пропагандировались; в то время как лорд Кингсборо опубликовал свои великолепные тома о мексиканских древностях, чтобы показать, что евреи заселили этот континент в незапамятные времена. [12] И если это правда, что все племена земли произошли от одной центральноазиатской семьи, то более чем вероятно, что исконные обитатели американского континента пересекли Атлантику, вместо того, чтобы проникнуть через замерзшие районы севера и попасть сюда через Берингов пролив. От Канарских островов до побережья Флориды путь неблизкий, и отважным морякам Средиземноморья, причалившим к Канарским островам, достаточно расправить паруса перед размеренно дующим муссоном, чтобы оказаться в безопасности у западного берега.

ТРАДИЦИИ.

Существовало даже предание, что Америку посетил святой Колумба, [13] а также апостол Святой Фома, [14] который проник даже в Перу. Это мнение основано на сходстве, существующем между определенными обрядами и доктринами, которые, *кажется*, были общими у христиан и первых жителей Мексики. Первые испанские миссионеры были удивлены, обнаружив, что мексиканцы с благоговением склоняются перед фигурой креста, и пришли к выводу, что эти люди христианского происхождения. Однако этот вывод не имеет особой ценности, если вспомнить, что христианство гораздо менее древнее, чем символ креста, который также существовал у египтян и других древних народов.

Претензии были предъявлены и к ирландцам. Бротон приводит отрывок, в котором святой Патрик представлен посылающим миссионеров на острова Америки. [15] Выдвигалось другое утверждение более респектабельного характера, которое подтверждается яркими, хотя и не убедительными намеками в "хрониках Севера", в которых далекая земля упоминается как "Ирландия Великая". Ирландцы в древности могли легко перебраться на Западный континент, для этого путешествия у них, несомненно, были все возможности. И профессор Рафн, сославшись на хорошо известный факт, что ирландцам предшествовали норманны в Исландии, говорит, что ни в коем случае не невероятно, что ирландцы также должны были предвосхитить

их в Америке. Ирландцы были морским народом, и Мур и другие, изучавшие этот вопрос, приписали им финикийское происхождение. [16] Если это так, то традиция, по-видимому, несколько укрепилась. Говорят, что еще в 296 году ирландцы вторглись в Данию с большим флотом. В 396 году Найл совершил высадку на побережье Ланкашира со значительным флотом, где его встретил римлянин Стилихон, чьи достижения были воспеты Клавдианом во времена римской оккупации Англии. В тот период ирландцы во многих отношениях опережали северян, еще не придя в упадок, и с такой же вероятностью, как и любой другой существовавший тогда народ, могли смело отправиться в опасное морское путешествие. [17] Исландские документы, возможно, относящиеся к ирландцам, будут приведены в надлежащем месте, а пока нужно только добавить, что приведенная Бимишем цитата из такого авторитетного источника, как *турецкий шпион*, вряд ли укрепит их претензии, особенно там, где ее автор, Джон Пол Марана, говорит, что в Мексике "британский язык настолько распространен", что "сами города, мосты, звери, птицы, реки, холмы и т.д. Называются британцами или уэльсцами [18] имена". [19] По правде говоря, поскольку желание так часто является отцом мысли, было бы несложной задачей найти сходство в языках аборигенов практически с любым языком, на котором говорят в наши дни.

Но, несмотря на *вероятности* этого случая, у нас нет веских оснований принимать какое-либо из этих предполагаемых путешествий за факты. Этой теме было уделено много внимания, однако ранняя история американского континента по-прежнему покрыта тайной, и только в конце десятого века нашей эры мы сможем указать на подлинное трансатлантическое путешествие.

СЕВЕРЯНЕ.

Первое путешествие в Америку, о котором у нас есть какие-либо сведения, было совершено норманнами. Но кто были норманны?

Норманны были потомками расы, которая в незапамятные времена мигрировала из Азии и двигалась на север, в конце концов обосновавшись на территории нынешнего королевства Дания. Оттуда они вторглись в Норвегию и Швецию, а затем колонизировали Исландию и Гренландию. Их языком был древнедатский (*Dönsk túnga*), на котором когда-то говорили по всему северу, [20] но который сейчас сохранился только в Исландии и называется исландским или старым Севером, [21] на котором основан современный шведский, датский и норвежский языки.

После того, как норманны продвинулись из Дании в Норвегию, состояние общественных дел постепенно стало таким, что значительная часть высших классов сочла свою жизнь невыносимой. В правление Гарольда Харфагра (Светловолосого) королем была предпринята попытка лишить мелких ярлов их древних удельных или феодальных прав и узурпировать всю власть короны. Этому гордые ярлы не подчинились; и, чувствуя себя униженными в глазах своих вассалов, они решили покинуть эти земли и дома, которые теперь едва ли могли назвать своими. Куда же тогда им следует идти?

КОЛОНИЗАЦИЯ ИСЛАНДИИ.

В холодном северном море, немного ниже полярного круга, лежал большой остров. Еще в 860 году он был известен северянам датчанином шведского происхождения по имени Гардар, который назвал его островом Гардара, а четыре года спустя пиратом Надоддом, который

приплыл туда в 864 году и назвал его Снежной страной. Представляя в основном форму неправильного выступа, этот остров занимает площадь около ста тридцати семи квадратных миль, представляя собой унылое разнообразие долин без зелени и гор без деревьев. [22] Там обосновалось запустение. Он бродит среди долин и смотрит сверху вниз на мрачные фиорды. Местность пронизана ручьями и усеяна озерами, однако геолог находит в структуре земли лишь мало свидетельств, указывающих на действие воды. С другой стороны, каждая скала и склон холма покрыты знаками, которые доказывают их магматическое происхождение и указывают на то, что весь остров в какой-то отдаленный период уже кипел и пузырился от нестерпимой жары в ожидании давно обещанной *Палингенезии*. Даже сейчас земля дрожит в муках землетрясения, гейзер извергает обжигающую воду, а равнина изрыгает грязь; в то время как великий джокулл, облаченный в белые одежды из вечных снегов — истинный жрец Ормузда — размахивает своим вулканическим факелом и угрожает стать небесным зажигалкой.

Большая часть суши является местом обитания северного оленя и лисы, которые делят свои владения с редким белым медведем, который может приплыть из Гренландии на каком-нибудь айсберге. Только два четвероногих, лиса и лось, являются местными. Жизнь здесь приобретает борьбой. Действительно, соседний океан более гостеприимен, чем суша, поскольку из тридцати четырех видов млекопитающих двадцать четыре находят себе пищу в ревущем море. То же самое можно сказать и о пернатых племенах: пятьдесят четыре из девяноста - водоплавающие птицы. Тут и там можно увидеть участки лугов и несколько пастбищ для овец, а также участки пахотных земель, прогретых до плодородия коротким летним солнцем; однако в целом почва настолько бедна, что человек, подобно низшим слоям общества, вынужден добывать скудное пропитание, прибегая к морю.

Именно к этой земле, которую поселенцы называли Исландией, обратил свой взор гордый норвежский ярл, и там он решил основать дом.

Первым поселенцем был Ингольф. Он приблизился к побережью в 875 году, выбросил за борт свои подседельные штыри, [23] и ждал, когда они коснутся земли. Но в этом он был разочарован, и те священные колонны, на которых были вырезаны изображения богов, исчезли из виду. Тем не менее он высадился на красивом мысу на юго-восточной оконечности острова и построил свое жилище на месте, которое и по сей день называется Ингольфсхофди. Три года спустя его слуги нашли опорные столбы в юго-западной части острова, и сюда, повинувшись тому, что считалось выраженным желанием богов, он перевез свой дом, заложив основание Рейкьявика, столицы этого скованного льдами острова. За ним быстро последовали другие, и за короткое время здесь собралось немалое население.

Но первые поселенцы не обнаружили, что эта бесплодная страна полностью лишена людей. Ари Фроде, [24], выше которого нет авторитетов, говорит: "Тогда здесь были христиане, которых норманны называли папами, но впоследствии они ушли, потому что не хотели находиться здесь среди язычников; и оставили после себя ирландские книги, и колокольчики, и посохи, по которым можно было видеть, что они были ирландцами". Он повторяет по существу то же самое в *книге Ланданамы*, авторитет которой никто, знакомый с предметом, не подвергнет сомнению, добавляя, что книги и другие реликвии были найдены на островах Папей и Папили, и что это обстоятельство также упоминается в английских книгах. Упомянутые английские труды принадлежат достопочтенному Беде. Об этом также говорится в издании "Саги о короле Олафе Трюггвессоне", сделанном ближе к концу четырнадцатого века. [25]

Монахи или кульди, которые пришли сюда из Ирландии и с островов Иона, чтобы побыть наедине с Богом, все ушли с прибытием языческих последователей Одина и Тора, и норманны, таким образом, остались в бесспорном владении этой землей. Примерно за двадцать лет остров стал довольно густо заселен, хотя волна иммиграции продолжала прибывать в течение пятидесяти лет, так что в начале десятого века население Исландии, по разным оценкам, составляло от шестидесяти до семидесяти тысяч душ. Но немногие предприняли это путешествие, кто не был в состоянии купить свои собственные суда, на которых они перевозили свой собственный скот, рабов и предметы домашнего обихода. Число людей, покинувших Норвегию с самого начала, было настолько велико, что король Гарольд пытался предотвратить эмиграцию королевской властью, хотя, как и можно было предсказать, его усилия оказались совершенно напрасными. Таким образом, здесь сформировалось большесоборное общество, принявшее форму аристократической республики, которая установила свои собственные законы и долгое время сохраняла подлинную независимость вопреки всем предположениям и угрозам норвежского короля.

ЗАСЕЛЕНИЕ ГРЕНЛАНДИИ.

Но время шло, и жители Исландии почувствовали новый импульс к колонизации незнакомых земель, и волна эмиграции начала клониться к Гренландии на западе. Главным инициатором этого был человек по имени Эрик Рыжий, родившийся в Норвегии в 935 году. Из-за непредумышленного убийства он был вынужден бежать из Джардара и поселиться в Исландии. Дата переезда в Исландию не указана, хотя говорят, что в то время остров был в основном заселен. Здесь, однако, он не мог жить спокойно, и в начале 982 года он снова был объявлен вне закона общественным судом за непредумышленное убийство и приговорен к изгнанию. Соответственно, он снарядил корабль и объявил о своей решимости отправиться на поиски земли, лежащей в океане на западе, которую, как было сказано, Гуннборн, [26] Сын Ульфа Краге, видел, когда в 876 году его штормом унесло в море. Эрик поплыл на запад и нашел землю, где остался и исследовал страну в течение трех лет. В конце этого периода он вернулся в Исландию, дав вновь открытой земле название Гренландия, [27] для того, чтобы, по его словам, привлечь поселенцев, на которых произвело бы благоприятное впечатление столь приятное название.

Летом после своего возвращения в Исландию он снова отплыл в Гренландию, взяв с собой флот из тридцати пяти кораблей, только четырнадцать из которых достигли места назначения, остальные были либо отброшены назад, либо потеряны. Это событие произошло, как говорится в Саге, за пятнадцать зим [28] до введения христианства в Исландии, которое, как мы знаем, было совершено в 1000 году нашей эры. Следовательно, датой второго путешествия Эрика следует считать 985 год. [29]

Но, прежде чем перейти к следующему этапу исландского приключения, необходимо будет дать краткий обзор развития гренландской колонии вместе с описанием обстоятельств, приведших к ее окончательному исчезновению.

РАЗВИТИЕ ГРЕНЛАНДСКИХ КОЛОНИЙ.

В истории исландской оккупации Гренландии мало преемственности. Мы уже видели, что второе путешествие Эрика Рыжего состоялось в 985 году. Колонисты, по-видимому, последовали за ним в значительном количестве, и лучшие участки земли вскоре были

присвоены главными людьми, которые дали главным бухтам и мысам названия, указывающие на их обитателей, по примеру Эрика, который жил в Браттахлиде, в Эриксфьорде.

В 999 году Лейф, сын Эрика, отплыл в Норвегию и провел зиму при дворе короля Олафа Трюггвессона, где принял христианскую веру, которую в то время ревностно пропагандировал король. Он был соответствующим образом крещен, и когда наступила весна, король попросил его заняться введением христианства в Гренландии, мотивируя это тем, что ни один человек не подходит для этой задачи лучше. Соответственно, он отплыл из Норвегии со священником и несколькими членами религиозного ордена и без каких-либо происшествий прибыл в Браттахлид в Гренландии. [30] Его отец-язычник был разгневан привлечением христианского священника, который, по его мнению, был чреват злом; тем не менее, после некоторых уговоров со стороны Лейфа, он отрекся от язычества и номинально принял христианство, приняв крещение у священника. Его жена Торхильд меньше сопротивлялась и, похоже, приняла новую веру с большой готовностью. Одним из ее первых поступков было строительство церкви, которая была известна повсюду как церковь Торхильд. [31] Этим примерам, по-видимому, очень широко следовали, и христианство было принято как в Исландии, так и в Гренландии примерно в один и тот же период, [32] хотя его принятие не сразу привело к каким-либо очень серьезным последствиям. радикальные перемены в духовной жизни народа. Со временем было построено несколько церквей, руины которых сохранились до наших дней.

В 1003 году гренландцы стали данниками Норвегии. Основное поселение было образовано на западном побережье, а то, что было известно как восточный округ, не простиралось дальше южной оконечности в направлении мыса Прощания. Долгое время предполагалось, что восточный округ расположен на восточном побережье Гренландии; но исследования капитана Грааха, чья экспедиция отправилась под эгидой датского правительства, весьма убедительно доказали, что на восточном берегу никогда не существовало поселений, которые на протяжении веков оставались заблокированными огромными скоплениями льда, припльвшего из арктических морей. В древние времена, как нам сообщают Саги, восточное побережье было более доступным, но западные берега были настолько привлекательны, что колонист поселился там. Восточное поселение находилось на территории современного района Джулианс Хоуп, ныне занятого датской колонией. Западное поселение представлено населенными пунктами Фредериксхаб, Годтааб, Суккертоппен и Хольштейнборг.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ.

Со временем христиане в Гренландии размножились до такой степени как за счет обращения, так и за счет иммиграции из Исландии, что в начале двенадцатого века было сочтено необходимым принять некоторые меры для улучшения управления церковью, тем более что они не могли надеяться на регулярные визиты епископов Исландии. Поэтому они решили приложить усилия, чтобы заполучить собственного епископа. На этот пост был избран Эрик Гнупсон из Исландии, который отправился в Гренландию примерно в 1112 году, не будучи должным образом рукоположенным. Он вернулся в Исландию в 1120 году, а затем отправился в Данию, где был рукоположен в Лунде архиепископом Адзером. Тем не менее, он, вероятно, так и не вернулся к своим обязанностям в Гренландии, но вскоре после этого оставил это епископство и принял другое, [33] таким образом, Гренландия осталась без духовного наставника.

В 1123 году Сокке, один из главных людей Гренландии, собрал народ и объяснил им, что как благополучие христианской веры, так и их собственная честь требуют, чтобы они последовали примеру других народов и сохранили епископа. Эту точку зрения они единодушно одобрили, и Эйнар, сын Сокке, был назначен делегатом при дворе короля Норвегии Сигурда. Он привез в подарок слоновую кость и меха, а также прошение о назначении епископа. Его миссия увенчалась успехом, и в 1126 году Арнальд, преемник Эрика, [34] прибыл в Гренландию и основал епископскую резиденцию в Гардаре. [35] Торфей и барон Хольберг, [36] приводится список из семнадцати епископов, правивших в Гренландии, заканчивающийся Эндрю. Последний был освящен и отправился туда в 1408 году, после чего о нем никто никогда не слышал.

История Древней Гренландии содержится в *Церковных анналах* и состоит всего лишь из набора фактов. Как и в Исландии и Норвегии, беспорядкам и кровопролитию не было конца. Очевидно, что между этой страной и Норвегией велась очень значительная торговля, как в настоящее время обстоит дело с Данией. Поскольку суша не давала материалов для постройки кораблей, они в значительной степени зависели от других в плане связи с метрополиями, что в конечном итоге оказалось катастрофическим.

ПАМЯТНИКИ И РУИНЫ.

Их деревни и фермы были многочисленны. Вместе их, вероятно, насчитывалось несколько сотен, а руины, оставшиеся сейчас, были обильными и обширными. Недалеко от Игалико, который, как предполагается, является таким же, как древний Эйнарсфьорд, находятся руины церкви, вероятно, кафедрального собора Гардара. Он называется церковью Какортк. Это была простая, но массивная архитектура, а материал был взят с соседних утесов. Камень грубо обтесан, и на нем видно лишь несколько следов строительного раствора. Его длина составляет пятьдесят один фут, а ширина - двадцать пять. Толщина северной и южной стен превышает четыре фута, а торцевые стены еще массивнее.

Нет недостатка и в других памятниках. В Игаликко, в девяти милях от Джулианс-Хоуп, гренландец, однажды занятый добычей камней для ремонта своего дома, нашел среди груды обломков гладкий камень, на котором, как ему показалось, были написаны иероглифы. Он упомянул об этом обстоятельстве мистеру Матисону, директору колониальной службы Джулианс Хоуп, который предположил, что это, должно быть, рунический камень. Ему посчастливилось найти его впоследствии, и он соответственно отправил его в Копенгаген, куда оно прибыло в 1830 году. Совершенно отчетливые руны указывали на то, что это был надгробный камень. Надпись была переведена следующим образом:

- Здесь покоится дочь Марса Вигдис.
Да возрадует Господь Ее душу.

На другом, найденном в 1831 году преподобным мистером Де Фрисом, главой Моравской миссии, была следующая надпись руническим письмом:

- Здесь покоится Хроар Колгримссон.

Этот камень, ныне находящийся в музее Копенгагена, был найден встроенным в стену над входом в гренландский дом, взятый для этой цели из груды развалин примерно в двух милях к северу от Фридерихсталя. Этот камень более трех футов в длину, восемнадцати дюймов в ширину в самой узкой части и около пяти дюймов в толщину. На нем есть все признаки глубокой древности.

Но одним из наиболее интересных памятников, свидетельствующих об исландской оккупации Гренландии, является рунический камень, найденный Парри в 1824 году на острове Кингикторсоак, расположенном между 72 ° 55 северной широты и 56 ° 51 Западной. На нем была довольно пространная надпись, и копии ее были разосланы трем первым ученым того времени, Финну Магнуссону, профессору Раску и доктору Брайниульфсону, которые, не посоветовавшись, сразу пришли к тому же выводу и объединились, дав следующий перевод:

"Эрлинг Сигватсон, Бьорн Тордарсон и
Эйндрид Оддсон в субботу перед
неделей Вознесения подняли эти
отметки и расчистили
землю. 1135". [37]

Исландские колонисты в Гренландии, по-видимому, не ограничивались небольшим участком территории. Мы находим значительное упоминание об этом предмете в хронике, приписываемой Ивару Берту, [38] наместнику одного из епископов Гренландии; однако, хотя Торфейус широко использовал ее, современные исследования в этой стране доказывают, что она в некоторых отношениях ошибочна. В этой хронике, как и в Сагах, говорится, что у колонистов были лошади, овцы и быки; а их церкви и религиозные обители, по-видимому, хорошо содержались.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРЕНЛАНДИИ.

По-видимому, многое было сделано для изучения крайних северных районов страны, известных как *Северный Сетур*. В 1266 году под покровительством нескольких священников было совершено путешествие, и искатели приключений проникли к северу от пролива Ланкастер, достигнув примерно той же широты, которой достиг Пэрри в 1827 году. Эта экспедиция была достаточно важной, чтобы оправдать некоторое упоминание о ней здесь. Отчет находится в "*Древностях Америки*" (стр. 269), и в нем утверждается, что рассказ об экспедиции был отправлен Халдором, священником, Арнальду, капеллану короля Магнуса в Норвегии. Они отплыли из Кроксфьярдархейди на открытой лодке и столкнулись с южными ветрами и непогодой, которые вынудили их пустить лодку вперед по ветру. Когда погода прояснилась, они увидели несколько островов, а также китов, тюленей и медведей. Они забрались в самую отдаленную часть моря и увидели ледники к югу от себя, насколько хватало глаз. Они также видели признаки присутствия туземцев, которых называли скреллингами, но они не высаживались на берег из-за численности медведей. Поэтому они развернулись и почти три дня держали курс на юг, находя все новые острова со следами пребывания туземцев. Они увидели гору, которую они называют Снайфелл, и в день Святого Иакова, 25 июля, у них была суровая погода, из-за которой им приходилось много и очень усердно грести. Ночью в этом

регионе похолодало, но солнце стояло над горизонтом и днем, и ночью. Когда солнце находилось на южном меридиане, и человек ложился крест-накрест в шестивесельной лодке, тень от планшира по направлению к солнцу достигала его ног, что, конечно, указывает на то, что солнце стояло очень низко. После этого все они благополучно вернулись в Гардар. [39] Rafn фиксирует положение точки, достигнутой экспедицией, на параллели 75° 46. Такое достижение в тот день указывает на удивительную степень смелости.

ЗАКАТ ГРЕНЛАНДИИ.

В реальности и важности гренландской колонии нет никаких сомнений, несмотря на то, что записи столь скудны и фрагментарны. [40] Она сохраняла свою связь с метрополией не менее четырехсот лет, но в конце концов исчезла и была почти забыта.

Причины, приведшие к прекращению связи, несомненно, были различными, хотя трудно объяснить полное вымирание колонии, которая, по-видимому, никогда не подвергалась большой опасности со стороны скреллингов. Говорят, что однажды, в 1349 году или позже, туземцы напали на западное поселение и убили восемнадцать гренландцев исландского происхождения, захватив в плен двух мальчиков.

Мы получаем известия о восточной колонии уже в середине пятнадцатого века. Торговля с Данией велась почти до конца четырнадцатого века, хотя рейсы не были регулярными. Последний епископ, Андреас, был отправлен в отставку в 1406 году, и профессор Финн Магнуссен установил тот факт, что он служил в соборе в Гардаре в 1409 году. [41]

С этого времени торговля между Норвегией и Гренландией, по-видимому, прекратилась, хотя Вормиус сказал Пейреру, что он прочитал в датской рукописи, что вплоть до 1484 года в норвежском Бергене находилась компания из более чем сорока моряков, которые все еще вели торговлю с Гренландией. [42] Но поскольку доход в то время принадлежал королеве Дании Маргарите, никто не мог отправиться в Гренландию без королевского разрешения. Одна компания моряков, которых выгнали на побережье Гренландии, по возвращении едва не понесла наказание по закону. Кранц [43] говорит, что "примерно в 1530 году епископ Эймунд Скальхольтский в Исландии, как говорят, был загнан штормом по возвращении из Норвегии, так близко от побережья Гренландии, что он мог видеть людей, гнавших свой скот. Но он не приземлился, потому что как раз в это время поднялся хороший ветер, который в ту же ночь отнес корабль в Исландию. Исландец Бирнвон Скардфа, рассказывающий об этом, также говорит далее, что гамбургского моряка по имени Джон Гренландер трижды приводнили на остров Гренландия, где он видел такие же рыбацкие хижины для сушки рыбы, как в Исландии, но не видел людей; далее, что куски разбитых лодок, более того, в 1625 году целую лодку, скрепленную сухожилиями и деревянными колышками и набитую тюленьим жиром, время от времени выбрасывали на берег в Исландии; и с тех пор они были найдены там. нашел однажды весло с предложением, написанным руническими буквами: "*Часто вар эк даса, дур элк дротик*", то есть "*Часто я уставал, когда рисовал тебя*"." [44]

ПОТЕРЯННАЯ ГРЕНЛАНДИЯ НАЙДЕНА.

Но, какова бы ни была ценность приведенного выше отрывка, ясно, что Гренландия никогда не была полностью забыта. Первым человеком, предложившим возобновить общение, был Эрик

Валкендорф, архиепископ Дронтейма, который ознакомился с этим вопросом и сделал все необходимые приготовления для восстановления колонии; но, попав под неудовольствие короля Кристиана II, он покинул страну и отправился в Рим, где и умер в 1521 году. Таким образом, его планы рухнули. [45] Кристиан III отменил указ королевы Маргариты, запрещавший торговлю с Гренландией без королевского разрешения, и поощрял морские путешествия, снарядив судно для поиска Гренландии, которое, однако, найдено не было. В 1578 году Фредерик II отправил Магнуса Хеннингсена. Он появился в поле зрения земли, но, похоже, не набрался смелости продвинуться дальше. Кранц в своей работе о Гренландии рассказывает о ряде путешествий, предпринятых к побережью, но говорит, что "в конце концов Гренландия была настолько предана забвению, что трудно поверить, что такая земля, как Гренландия, была населена норвежцами-христианами". [46]

Таким образом, Хансу Эгеду, [47] в 1721 году, оставалось возобновить общение и продемонстрировать реальность предыдущей оккупации. Сам Колумб не сталкивался с большими испытаниями и унижениями, чем этот добрый человек, на протяжении одиннадцати лет, в течение которых он трудился, чтобы убедить власти предпринять повторное открытие. Но его вера и рвение в конце концов преодолели всю враждебность и насмешки, и второго мая 1721 года он поднялся на борт "Надежды" со своей женой и четырьмя маленькими детьми и третьего числа следующего месяца высадился на реке Боллс в Гренландии. Здесь он провел лучшую часть своей жизни, обучая местных жителей христианству, которое впервые было введено семь веков назад, и проводя те исследования, результаты которых удивили умы европейцев и подтвердили правдивость исландских саг.

ХАРАКТЕР И ДОСТИЖЕНИЯ СЕВЕРЯН.

Давайте теперь вернемся к рассмотрению исландских путешествий на Американский континент, хотя и не без того, чтобы сначала поближе познакомиться с людьми, которые их совершали.

Мы уже видели, что норманны были народом ничуть не меньших достижений. Действительно, они составляли наиболее предприимчивую часть человечества, и, исходя из общих принципов, мы должны поэтому рассматривать их как наиболее приспособленных из всех людей своего времени для важной работы по исследованию за океаном. Они сделали себя известными во всех частях цивилизованного мира [48] своей отвагой солдат и мореплавателей. Удаляясь на далекий восток, откуда они изначально пришли, мы видим, как они закладывают фундамент Российской империи, размахивают своими боевыми топорами на улицах Константинополя, вырезают свои мистические руны на Львах Ареопага и наполняют сердце даже великого Карла Великого тревогой. Подводя итог их достижениям, Дасент говорит: "В Византии они являются руководителями личной охраны греческого императора и главной опорой его шатающегося трона. У Франции, возглавляемой Ролло, они отняли ее самую прекрасную провинцию и основали длинную череду королей. В саксонской Англии они - закадычные друзья таких королей, как Ательстан, и заклятые враги Этельреда Неготового. В датской Англии они являются передовыми среди танов Канута, Свейна и Хардиканута и железной пятой подавляют местное население. В нормандской Англии, - продолжает он, - самое серьезное сопротивление, с которым сталкивается завоеватель, исходит от колонистов его собственной расы, обосновавшихся в Нортумбрии. Он опустошает их земли огнем и мечом и гонит их через границу, где мы все еще находим их энергию, их упорство и их речь, существующую в

шотландской низменности. В Норвегии они ныряют в реку вместе с королем Олафом Трюггвессоном, лучшим и сильнейшим чемпионом своего времени, и держат его под водой так долго, что прохожие гадают, всплывут ли когда-нибудь на поверхность король или исландец. [49] Некоторые следуют за святым Олавом в его крестовых походах против старой [языческой] веры. [50] Некоторые являются его заклятыми врагами и помогают ему принять мученическую смерть. Многие следуют за Гарольдом Суровым в Англию, когда он отправляется за своими "семью футами" английской земли, и почти все они получают свою долю той же земли, в то время как их имена становятся яркими в песнях и историях ". И, наконец, "С Исландии как базы они продвигаются к Гренландии и колонизируют ее: более того, они открывают Америку на этих полупалубных барках". [51]

КОРАБЛИ СЕВЕРЯН.

Северяне были превосходными мореплавателями. Более того, утверждалось, что они были первыми, кто научился искусству плавания по ветру. У них были хорошие морские суда, некоторые из которых были больших размеров. В "Саге об Олафе Трюггвессоне" у нас есть рассказ об одном, который в некоторых отношениях был замечательным. Говорится, что "зимой после того, как король Олаф Трюггвессон пришел из Халогалендии. У него был отличный корабль, построенный в Ледехаммере, [52] который был больше любого корабля в стране, и у которого до сих пор видны колена балки. Длина киля, покоившегося на траве, составляла семьдесят четыре локтя. Торберг Скафтинг - так звали человека, который был главным строителем корабля, но кроме него было много других; кто-то рубил лес, кто-то придавал ему форму, кто-то делал гвозди, кто-то таскал бревна, и все, что использовалось, было лучшим. Корабль был одновременно длинным, широким, с высокими бортами и крепко обшитым деревом.... Корабль представлял собой дракона, построенного по образцу того, который король захватил в Халогаленде, но он был гораздо длиннее и более тщательно собран во всех своих частях. На "Длинной Змее" (так ее звали) было тридцать четыре скамьи для гребцов. Голова и изогнутый хвост были позолочены, а фальшборт был таким же высоким, как на морских кораблях. Этот корабль был лучшим и самым дорогостоящим из когда-либо построенных в Норвегии". [53]

Лэйнг подсчитал, что тоннаж этого корабля составляет около девятисот сорока двух тонн, что дает длину около ста футов, что почти соответствует размеру сорокадвухпушечного корабля. По тоннажу пара это дало бы мощность чуть меньше трехсот тонн и сто двадцать лошадиных сил. Однако мы предполагаем, что оценка достаточно велика; однако мы не стремимся показать какую-либо большую вместимость исландских кораблей. Все суда, использовавшиеся в ранние времена у берегов Америки, были небольшими. Кэбот плавал в Баффиновом заливе на тридцатитонном судне, а "Анна Пинк", судно, сопровождавшее лорда Энсона в его кругосветной экспедиции, весило всего шестнадцать тонн. [54] Суда, которыми владели норманны, были во всех отношениях приспособлены для океанского путешествия.

В морских знаниях они также не отставали от своего времени. Важность развития изучения навигации была полностью осознана. Раудульф из Эстердаля в Норвегии научил своего сына вычислять движение солнца и луны, а также измерять время по звездам. В 1520 году Олаус Магнус пожаловался, что знания людей в этом отношении уменьшились. В этом благородном труде под названием *Speculum Regale* исландца учат особо изучать торговлю и мореплавание,

деление времени и движение небесных тел, а также арифметику, такелаж судов и *мораль*. [55] Без высокого уровня знаний они никогда не смогли бы совершить свое путешествие на восток.

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ.

Мы обнаруживаем, что норманны были хорошо знакомы с другими частями света и что они обладали всеми средствами достижения континента на западе. Таким образом, мы подходим к вопросу: действительно ли норманны открыли и исследовали побережье страны, ныне известной как Америка?

Никто не может сказать, что идея носит какой-либо вид *невероятности*; ибо в этом подвиге, безусловно, нет ничего замечательного. И после признания того факта, что колонии северян существовали в Гренландии по меньшей мере триста лет, мы должны подготовиться к чему-то подобному. Действительно, было бы почти, если не совсем неразумно предполагать, что такой мореплавательный народ, как норманны, мог прожить три столетия в пределах короткого плавания вокруг этого огромного континента и никогда не узнать о его существовании. Подобное предположение подразумевает редкую доверчивость, и тот, кто способен поверить в это, должен быть способен поверить почти во что угодно.

Но на этот счет нам не остается строить догадки. Все решение, в отсутствие памятников, подобных гренландским, основывается на *факте*. Вопрос вот в чем: *относятся ли рукописи, описывающие эти путешествия, к доколумбовой эпохе?* Если это так, то северянам принадлежит заслуга предшествующего открытия Америки. То, что эти рукописи относятся к доколумбовой эпохе, столь же убедительно, как и тот факт, что сочинения Гомера существовали до эпохи Христа. Прежде чем разумные люди станут отрицать любой из этих пунктов, они должны сначала преуспеть в вычеркивании бесчисленных страниц хорошо известной истории. Рукопись, в которой мы располагаем версиями всех Саг, относящихся к Америке, находится в знаменитом *Codex Flatöiensis*, работе, которая была закончена в 1387 или, самое позднее, в 1395 году. Эта коллекция, изготовленная с особой тщательностью и выполненная в высочайшем стиле искусства, теперь сохраняется в целости [56] в архивах Копенгагена. Какое-то время считалось, что эти рукописи утеряны, но в конечном итоге они были найдены в целости и сохранности в монастырской библиотеке острова Флате, откуда их перевезли в Копенгаген вместе с большим количеством других литературных материалов, собранных в различных местах. Если бы эти Саги, относящиеся к Америке, были интерполяцией, это стало бы очевидным раньше, поскольку существует множество средств для выявления мошенничества; однако те, кто исследовал весь вопрос в целом, не нашли никаких доказательств, опровергающих их исторические утверждения. Следовательно, в отсутствие убедительных свидетельств обратного, мы принимаем как факт, что Саги, относящиеся к Америке, являются произведениями людей, которые передали их в их нынешнем виде почти, если не совсем, за целое столетие до эпохи Колумба.

Можно было бы также возразить, если бы это было вообще необходимо, что, если бы эти Саги были сочинениями послеколумбового периода, составленными исландцами, которые завидовали славе генезисного мореплавателя, мы, безусловно, смогли бы указать на что-то в их структуре, манере изложения или стиле, что указывало бы на это. Однако это не так. В этих писаниях нет стремления показать связь норманнов с великой землей, лежащей на западе. Авторы вообще не видят ничего примечательного или достойного внимания в исследованиях, которые проводились просто с целью наживы. Те отметки, которые, несомненно, произвели бы

впечатление на более современного писателя, создавшего историческую композицию, призванную показать заселение страны до времен Колумба, совершенно отсутствуют. Здесь нет особой мольбы или соперничества, равно как и желания продемонстрировать предварительное и превосходное знание страны, в которую время от времени плавали мореплаватели. Мы обнаруживаем лишь прямое, честное стремление рассказать историю жизни определенных людей. Это делается простым, бесхитростным способом и со всеми признаками желания вершить справедливое правосудие для всех. А искренние читатели, которые подходят к этой теме с умом, свободным от предрассудков, будут глубоко впечатлены верой в то, что они читают подлинные истории, написанные честными людьми. [57]

ЛИТЕРАТУРА ИСЛАНДИИ.

Прежде чем говорить конкретно о сути Саг, необходимо вкратце проследить происхождение и историю исландской литературы в целом.

Мы уже упоминали тот факт, что Исландия была заселена в основном норвежцами выдающихся качеств. И это превосходство всегда сохранялось, хотя оно несколько медленно проявлялось в форме литературы. До 1000 года рунический алфавит существовал в Исландии, но обычно им пользовались для простейших целей поэты. [58] История и литература не получили никакого преимущества, поскольку руны использовались в основном для монументальных надписей, а также для девизов и амулетов на таких предметах, как чаши для питья, жертвенные сосуды и мечи. И все же люди не были лишены своеобразного интеллектуального стимула. Издавна существовал обычай сохранять семейные и общие истории и пересказывать их по памяти, когда того требовал случай. Это было сделано с поразительной степенью точности людьми, более или менее подготовленными для этой цели, и чьи действия временами были совершенно неожиданными. У них также были свои скальды или поэты, которые привыкли как повторять старые песни и стихи, так и импровизировать новые. Ожидалось, что каждый хороший боец проявит себя поэтом, когда этого потребует чрезвычайная ситуация. Эта профессия всячески поощрялась. Говорят, что когда Эйвинд Скъялдеспилдер спел свою великую песню во славу Исландии, каждый крестьянин на острове пожертвовал три серебряных монеты, чтобы купить застёжку для своей каминной доски весом в пятьдесят марок. Эти скальды иногда использовались политиками, и однажды сатира так задела Гарольда, короля Дании, что он послал флот опустошить остров и объявил повторение преступления караемым смертью. Эти поэты также побывали в Англии, на Оркнейских островах и в Норвегии, где при королевском дворе они пользовались высочайшим уважением, изливая поэтические излияния по каждому общественному или частному поводу, требовавшему применения их дарований. Степень, до которой они развили свои воспоминания, была удивительной. Старый Слепой скальд Стаф мог повторить от двухсот до трехсот стихотворений без остановки; в то время как люди Саг обладали такой же силой памяти, которая, как мы знаем, может быть улучшена почти до любой степени путем совершенствования. Но с приходом христианства появился латинский алфавит, который оказался простым методом выражения мыслей. Христианство, однако, на этом не остановилось. Его служение было разумным служением и требовало от своих приверженцев высокого интеллекта. Жрецу Одина ничего не нужно было делать, кроме как произнести короткий обет или пробормотать краткую молитву. У него не было божественных записей, которые он мог бы читать и объяснять. Но служитель новой религии пришел с системой, которая требовала более широкого обучения и культуры, чем те, которые подразумеваются в импровизированных песнях. Его призвание требовало помощи книг, и сам вид таких вещей

оказался умственным стимулом для этой упрямой расы. Кроме того, христианство открыло умам людей новые области мысли. Эти грубые сыны войны вскоре начали понимать, что есть определенные победы, которыми нельзя пренебрегать, которые можно одержать с помощью мира, и вскоре письма стали кое-чем знакомы общественному сознанию. Самые ранние письменные труды, естественно, были связаны с житиями Святых, которые по воскресеньям и страстным дням читались публично в назидание людям. В одиннадцатом веке эти упражнения привлекали внимание общественности наряду с упражнениями профессиональных сагистов, которые все еще трудились над передачей устных версий национальной истории и традиций. Но в начале двенадцатого века использование букв расширилось, и вскоре автор Саг обнаружил, что его занятие ушло в прошлое, а национальная история теперь усердно собиралась ревностными учениками и переписчиками и была передана на более длительное хранение написанным страницам. Среди них был Ари Фроде, который начал составление исландской *Книги судного дня*, в которой содержались записи обо всех первых поселенцах. Едва ли менее полезным был Семунд Мудрый, который собрал поэтическую литературу Севера и собрал ее в хороший том. Примеру этих великих людей последовали, и к концу двенадцатого века все Саги, относящиеся к языческому периоду существования страны, были сведены к письменной форме. Это была эпоха большой литературной активности, и следующее столетие демонстрировало такое же рвение. Наконец, Исландия обладала обширной прозаической литературой, превосходящей по количеству и ценности любую другую современную нацию своего времени. [59] Действительно, у коренных жителей Европы в этот период не было прозы или других видов литературы, едва ли достойных этого названия; и, взятые вместе, Саги сформировали первую литературу в прозе на любом современном языке, на котором говорят люди. [60] Говорит сэр Эдмунд Хед: "Без сомнения, были переводы на англосаксонский с латыни Альфредом более раннего времени, но на самом деле не было народной литературы. Я не могу назвать, - говорит он, - ни одного произведения в верхненемецкой или нижненемецкой прозе, которое можно было бы отнести к этому периоду. Нельзя сказать, что во Франции написание прозы началось раньше времен Вильгардуэна (1204) и Жуанвиля (1202). Кастильская проза, безусловно, зародилась не раньше времени Альфонсо X (1252). Дон Хуан Манвель, автор "*Конде Луканора*", родился только в 1282 году. *Генеральная хроника Испании* была составлена по крайней мере до середины XIII века. Примерно в то же время итальянский язык приобрел ту мягкость и силу, которым суждено было так ярко проявиться в прозе Боккаччо и писателей следующего столетия". [61]

Однако, в то время как у других народов не было литературы, интеллект Исландии активно развивался, и были созданы произведения, подобные *Эдде* и *Хеймскрингле*, произведения, которые, будучи вдохновлены высоким гением, будут стоять в одном ряду с трудами Гомера и Геродота, пока длится само время.

Но в начале шестнадцатого века литература Исландии окончательно достигла периода своего наивысшего расцвета и начала приходить в упадок. Книги в значительном количестве всегда продолжали писаться, хотя произведений позитивного гения не хватало. Тем не менее, в Исландии никогда не было недостатка в литературной индустрии, в то время как в последнее время национальная репутация поддерживалась Финном Магнуссенем и подобными великими именами. За сто лет до того, как плимутские колонисты, следуя по стопам Торвальда Эриксона,

высадились на песках Кейп-Кода, исландцы установили печатный станок и выпустили множество произведений как на родном, так и на латыни.

Именно этому народу, на которого Саксон Грамматик указывает как на народ, отличающийся своей приверженностью к литературе, мы обязаны рассказами о доколумбовых путешествиях в Америку. Хотя сначала эти Саги предназначались для устного чтения, впоследствии они были переведены в рукопись, самые ранние из которых в настоящее время не существуют, и, наконец, были сохранены в знаменитой коллекции Флэте почти за столетие до повторного открытия Америки Колумбом.

Но больше нет необходимости тратить много времени на этот вопрос, поскольку характер и ценность исландских писаний стали общепризнанными, и особенно с тех пор, как ученые и антиквары, такие как Гумбольдт, полностью признали их подлинность и авторитет.

Здесь уместно отметить тот факт, что многие вообразили, что претензии северян были выдвинуты для умаления славы Колумба; [62] тем не менее, ничто не может быть дальше от истины, поскольку никто не отрицает, что именно благодаря открытию Америки Колумбом континент впервые приобрел ценность для Старого Света. Норманны приходили и уходили, не совершив ничего ценного; и все же, поскольку мир в целом не извлек никакой пользы из их открытия, безусловно, несправедливо отрицать его реальность.

Тот факт, что северяне знали о существовании Западного континента до эпохи Колумба, был широко известен жителям этой страны в 1837 году, когда Королевское общество северных антикваров в Копенгагене опубликовало свою работу о древностях Северной Америки под редакторским руководством великого исландского ученого, профессора Рафна. Но мы не должны предполагать, что именно тогда был дан первый общий отчет об этих путешествиях, поскольку всегда было известно, что история некоторых ранних путешествий норманнов в Америку сохранилась в библиотеках Дании и Исландии. [63] Торфей еще в 1706 году опубликовал свою работу о Гренландии, которая пролила много света на эту тему. Мы находим описания этих открытий в работах Эгgede и Кранца. Очень толковый очерк, по крайней мере для тех времен, был дан Дж. Рейнхольдом Форстером, который откровенно признает доколумбову эпоху открытия Америки в *Истории путешествий и открытий, сделанных на Севере*. Робертсон говорит о них в своей *Истории Америки*, но говорит, что не может высказать разумного мнения. Действительно, большинство более старых и всесторонних авторов признают северян. Тем не менее, из-за того факта, что исландский язык, хотя и простой по конструкции и легко усваиваемый, был языком, непонятным ученым, этому предмету до недавних лет позволяли оставаться на заднем плане и позволяли, из-за отсутствия интереса, в определенной степени разделять отношение, применяемое к расплывчатым и неопределенным сообщениям. Но хорошо направленные усилия датских антикваров с Севера, поддерживаемые просвещенным рвением ученых и историков Англии, Франции и Германии, многое сделали для того, чтобы рассеять невежество населения и представить весь вопрос в его истинном свете перед народами всех основных цивилизованных наций. В нашей собственной стране работа профессора Рафна, на которую уже ссылались, породила глубокое и широко распространенное убеждение в реальности заявлений северянина и вызвала признания, подобные признанию Палфри, который вынужден сказать об исландских записях, что "их древность и подлинность, по-видимому, хорошо установлены, и нет ничего, что могло бы поставить под сомнение их

достоверность, за исключением общего сомнения, которое всегда возникает по отношению ко всему новому или странному". [64]

ПОВЕСТВОВАНИЯ.

Теперь остается дать читателю некоторый общий отчет о содержании повествований, которые в большей или меньшей степени относятся к открытию Западного континента. При этом порядок следования будет таким, какой указан в оглавлении в начале тома.

Приведенные первые выдержки очень кратки. Они взяты из *Книги Ланданамаи* относятся к распространенному отчету, в котором некто Гуннбьорн указан как первооткрыватель Гренландии, событие, которое было зафиксировано в 876 году. В этих фрагментах также рассказывается о путешествии к так называемым Скалам Гуннбьерна, где искатели приключений провели зиму и нашли в яме или раскопе денежную сумму, которая указывала на то, что до них там побывали другие.

Следующее повествование относится к повторному открытию Гренландии преступником Эриком Рыжим в 983 году, который провел три года в изгнании, а затем вернулся в Исландию. Примерно в 986 году он вывел в Гренландию значительную колонию поселенцев, которые обосновались в Браттахлиде, в Эриксфьорде.

Далее следуют две версии путешествия Бьярне Хериульфсона, который в том же 986 году во время плавания в Гренландию был унесен штормом и увидел на юге новую землю, которую он не посещал.

Далее приводятся три рассказа о путешествии Лейфа, сына Эрика Рыжего, который в 1000 году отплыл из Браттахлида, чтобы найти землю, которую видел Бьярне. Два из этих отчетов едва ли являются чем-то большим, чем упоминаниями о путешествии, но третий довольно длинный и подробно описывает успехи Лейфа, который нашел и исследовал эту новую землю, где провел зиму, вернувшись в Гренландию следующей весной.

После этого следует путешествие Торвальда Эриксона, брата Лейфа, который приплыл в Винланд из Гренландии, которая была отправной точкой во всех этих путешествиях. Эта экспедиция была начата в 1002 году, и это стоило ему жизни, так как стрела одного из туземцев пронзила его бок, вызвав смерть.

Торстейн, его брат, отправился на поиски Винланда с намерением привезти домой его тело, но потерпел неудачу в попытке и был отброшен назад, проведя зиму в части Гренландии, удаленной от Браттахлида, где он умер до того, как полностью открылся источник.

Самым выдающимся исследователем был Торфинн Карлсефне, Полный Надежд, исландец, чья генеалогия восходит к старым северным анналам, через датских, шведских и даже шотландских и ирландских предков, некоторые из которых были королевской крови. В 1006 году он отправился в Гренландию, где встретил Гудрид, вдову Торстейна, на которой женился. В сопровождении своей жены, которая подтолкнула его к этому начинанию, весной 1007 года он отплыл в Винланд с тремя судами и ста шестьюдесятью людьми, где пробыл три года. Здесь родился его сын Снорре. Впоследствии он стал основателем великой исландской семьи, которая дала острову нескольких первых епископов. В конце концов Торфинн покинул Винланд, потому что ему было трудно противостоять нападениям местных жителей. Большую часть

времени они проводили в окрестностях залива Маунт-Хоуп в Род-Айленде. Об этой экспедиции у нас есть три рассказа, все они приведены здесь.

Следующей, кто предпринял путешествие, была злая женщина по имени Фрейдис, сестра Лейфа Эриксона, которая отправилась в Винланд в 1011 году, где некоторое время жила с командами двух своих кораблей в тех же местах, что занимали Лейф и Торфинн. Прежде чем вернуться, она жестоко убила экипаж одного корабля, помогая в боине своими собственными руками.

После этого у нас есть так называемые Второстепенные повествования, которые не являются существенными, однако они даны для того, чтобы читатель мог ознакомиться со всем, что относится к предмету. Первое из них относится к путешествию Аре Марсона в страну к юго-западу от Ирландии, называемую Хвитрамман-ленд, или Великая Ирландия. Это было до путешествия Лейфа в Винланд, или Новую Англию, которое состоялось в 983 году. Предполагается, что Бьорн Асбрандсон отправился в то же место в 999 году. Путешествие Гудлейва, отправившегося туда, отнесено к 1027 году. Рассказ Эсбрандсона приводится ради аллюзии в конце.

Наконец, у нас есть несколько исторических отрывков, в которых говорится о путешествии епископа Эрика в Винланд в 1121 году, о повторном открытии Хеллуланда (Ньюфаундленда) в 1285 году и о путешествии в Маркленд (Новая Шотландия) в 1347 году, куда норманны пришли рубить лес. На таких кратких уведомлениях отчеты заканчиваются.

ПРАВДИВОСТЬ РАССКАЗОВ.

Читатель иногда найдет в этих повествованиях примеры чудесного и сверхъестественного характера, но в них нет ничего мифологического, как предполагали люди, несведущие в их природе. Кроме того, существует множество повествований более позднего времени, которые можно найти на всех языках, которые содержат столько же удивительных утверждений, сколько и эти Саги, которые, тем не менее, считаются содержащими существенную и надежную основу истины. Все ранние истории изобилуют сверхъестественным, и эти вещи настолько хорошо известны, что иллюстрации здесь вряд ли нужны. Отношение к вундеркиндам никоим образом не подрывает достоверности исторического утверждения. Если бы это было не так, мы были бы вынуждены отбросить большую часть хорошо известной истории и даже заподозрить очевидные факты в трудах таких людей, как доктор Джонсон, потому что этот великий ученый полностью верил в реальность явления, известного в Лондоне как Призрак Кок-Лейн. Саги так же свободны от суеверий и воображения, как и любые другие достоверные повествования той эпохи, и в такой же степени заслуживают доверия.

В некоторых случаях также будут обнаружены противоречия. Утверждения различных повествований не всегда совпадают. Разногласия, однако, не являются ни очень многочисленными, ни примечательными. Расхождения - это именно то, что мы должны ожидать найти в серии повествований, написанных в разное время и разными руками. Люди, описавшие различные экспедиции в Новую Англию в XI веке, в целом соглашались с этим так же, как и писатели наших дней, которые с гораздо большими преимуществами берутся описывать события второй колонизации в XVII веке. [65]

Таким образом, эти удивительные заявления и случайные противоречия ни в коей мере не умаляют исторической ценности самих документов, которые, даже при их полной соответствии

времени, являются всеми доказательствами подлинности и огромной ценности. К этой общей видимости правдивости мы можем, однако, добавить силу этих непреднамеренных совпадений между авторами, находящимися далеко друг от друга и лишенными каких-либо средств узнать, что уже было сказано. Тот же аргумент может быть использован и в отношении Саг, который так убедительно использовался Пейли и другими для подтверждения исторического характера Нового Завета. В этих повествованиях, как и в повествованиях Павла и Иоанна, оно может быть использовано с ошеломляющим эффектом. И все же мы не боимся обойтись без всех вспомогательных средств. Мы готовы *поставить весь вопрос о ценности этих повествований в зависимость от их возраста*; ибо, если Саги восходят к периоду, задолго до путешествия Колумба, тогда северянам принадлежит честь быть первыми европейцами, высадившимися на этих берегах. Но дата этих повествований в настоящее время установлена вне всяких разумных сомнений. Сомнения самых способных критических умов как в Европе, так и в Америке были окончательно развеяны, и единственный ответ, который теперь дается северному антиквару, - это какой-нибудь слабый абзац, отмеченный насмешкой.

Поэтому нам не нужно появляться перед публикой и плакаться: "Место для северян". Они могут завоевать свое *собственное* место, как и прежде. Сегодня они так же сильны в идеях, как в древности в оружии.

ОТСУТСТВИЕ ПАМЯТНИКОВ И ОСТАНКОВ.

То, что северяне не оставили памятников или архитектурных остатков в Новой Англии, верно, несмотря на предположение профессора Рафна о том, что он обнаружил в знаменитой Дайтонской скале [66] и каменная мельница в Ньюпорте, несомненные свидетельства исландской оккупации. Любые серьезные попытки отождествить дайтонскую надпись и Ньюпортскую мельницу с эпохой северян могут только навредить благому делу. Если бы профессор Рафн мог сам увидеть эти памятники, он, несомненно, был бы одним из первых, кто усомнился бы в истинности выдвинутой им теории.

Что касается сооружения в Ньюпорте, профессор Рафн говорит, что он склонен полагать, "что у него было священное предназначение и что оно принадлежало какому-то монастырю или христианскому месту поклонения одного из главных приходов Винланда. В Гренландии, - говорит он, - по соседству с церквями можно найти руины нескольких круглых зданий. Один из таких описаний, диаметром около двадцати шести футов, расположен на расстоянии трехсот футов к востоку от большой церкви в Игаллико; другой, диаметром сорок четыре фута, на расстоянии четырехсот сорока футов к востоку от церкви в Каркортоке; ... третий, диаметром тридцать два фута, среди руин шестнадцати зданий в Каницоке. [67] Он предполагает, что все эти древние останки исландцев, которые сегодня можно увидеть в Гренландии, являются баптистериями, подобными итальянским.

Согласно этой точке зрения, в Винланде должно было существовать значительное церковное учреждение, на что четко не указывают Саги, из которых мы узнаем не более того простого факта, что епископ Эрик отправился в путешествие к этому месту в 1121 году. Но возможно ли, что норманны воздвигли бы такой баптистерий, как этот, и в то же время не оставили бы никакого другого памятника? Это вряд ли разумно. Кроме того, тот, кто исследует это древнее сооружение, должен быть впечатлен его современным видом, что особенно заметно по сохранности строительного раствора, на котором нет следов семи столетий. Перемещение

части каменной кладки, возможно, выявило бы какую-то особенность, которая эффективно разрешила бы вопрос о ее древности ко всеобщему удовлетворению. [68]

При рассмотрении этого вопроса мы столкнемся с ненужными ошибками и трудностями, если возьмемся за задачу обнаружения памятников норманнов в Новой Англии. В Гренландии этих свидетельств их оккупации предостаточно, потому что они регулярно обосновывались на земле на протяжении поколений и строили свои общественные и частные здания из единственного подручного материала, который был почти нетленен. Но их визиты в Новую Англию были сравнительно редкими и растянулись на многие годы. Из-за малочисленности они сочли невозможным создание постоянных колоний. Торфинн Карлсефне намеренно отказался от попытки в конце трехлетнего эксперимента, заявив, что было бы невозможно противостоять более многочисленным группам аборигенов. Их жилища были временными. Различные компании, пришедшие в Винланд, вместо того чтобы строить новые дома, завладели киосками Лейфа и просто добавили другие, подобные им, когда у них не хватило помещений. Поэтому просить о памятниках северянам неразумно, поскольку их деревянные хижины и деревянные кресты, должно быть, вскоре исчезли. Единственный памятник, на который мы имеем право рассчитывать, - это какая-нибудь пустяковая реликвия, возможно, монета или амулет, которые случай еще может подбросить на пути антиквара. [69] Тем временем среди ученых исландские повествования неуклонно завоевывают себе безоговорочную веру. Это тем более отраднo в эпоху, подобную нынешней, когда значительная часть истории отодвигается в область седых сказок, а все анналы прошлого изучаются в критическом духе, с истинными целями и чистым рвением.

ОСНОВНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ.

ОТКРЫТИЕ ДОКОЛУМБОВОЙ ЭПОХИ.

I. ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЛАНДНАМА-БОК.

Следующие выдержки из *Landnama*, [70] дают нам самую раннюю из известных сведений о перемещениях исландцев на запад. Упомянутые люди были хорошо известны, и упоминание их имен и подвигов в этой великой работе, выше которой не могло быть представлено никакого авторитета, вызывает удовлетворение. Эти выдержки, приведенные в том порядке, в каком они расположены в первом томе "*Исторического размышления*" Гренланда, большая часть работы которого принадлежит Финну Магнусену, вероятно, никогда раньше не появлялись в английском платье. В первом отрывке просто упоминается Гуннбьорн и его Скалы; во втором показано, что Эрик Рыжий узнал о существовании Гренландии через этого человека; в третьем снова упоминается имя Гуннбьорна, а в четвертом приводится краткий отчет о раннем

путешествии к Скалам. Из этих упоминаний следует, что до отплытия Эрика Рыжего о существовании земли на западе было хорошо известно, и слух о приключении Гуннбьорна был широко распространен среди людей.

1. Был человек по имени Гримкель, [876 г. н.э.] сын Ульфа Хрейдарсона по имени Краге и брат Гуннбьорна, [71] в честь которого названы камни Гуннбьорна [72]. Он вступил во владение тем участком земли, который простирается от Беревигс-Ройн до Несс-Ройн и огибает мыс. И он жил на Саксавале. Он прогнал Сакса, сына Альфарина Валесона, и тот жил на Рейне Саксаваль. Альфарин Валесон первым овладел мысом между Беревигс-Ройном и Энне.

2. Эрик Ред [983 г. н.э.] сказал, что намеревался найти землю, которую видел Гуннбьорн, [73] Сын Ульфа Краге, когда шторм унес его на запад от Исландии, и нашел Скалы Гуннбьорна. [876 год н.э.] В то же время он сказал, что если не найдет землю, то вернется к своим друзьям.

3. Двух сыновей Гуннбьорна, сына Ульфа Краге, в честь которого были названы Скалы Гуннбьорна, звали Гунштейн и Хальдор. Они овладели Скетуфиорденом, Лейгарделеном и Огурсвигеном до Мьорфьорда. Берс был сыном Халдора, отцом Тормода Кальбрунарскальда.

Снебьорн (сын Хольмштейна) по имени Галте владел кораблем [970 г. н.э.], который стоял в устье Гримсара (в Боргафьордене). Рольф из Редезанда купил половину корабля. Каждая из сторон насчитывала по двенадцать человек. Со Снебьорном были Торкель и Сумарлайд, сыновья Торгьера Рыжего, сына Эйнара, из Стаффольдта.

Снебьорн также забрал у Тингнесса Торода, своего отчима и пятерых его сыновей, а Рольф забрал Стербьорна. Последний по имени прочитал следующий стих после того, как ему приснился сон:

Обоих наших
я вижу мертвыми;
все они пусты
в Северо-Западном море;
холодная погода,
большие страдания,
я ожидаю
смерти Снебьорна. [74]

Они искали Скалы Гуннбьорна и нашли землю. Снебьорн никому не разрешал выходить на берег ночью. Несмотря на это, Стербьорн приземлился и нашел кошелек [75] с деньгами в земляной яме и спрятал его. Снебьорн ударил его топором так, что кошелек упал.

Они построили хижину для жилья, и она была вся покрыта снегом. Сын Торкеля Реда обнаружил, что на полке, которая выступала из окна хижины, была вода. Это было в месяце Ге. [76] Они разгребали снег. Снебьорн снаряжал корабль; Тород и пятеро из его отряда были в хижине, а также Стербьорн и несколько человек из отряда Рольфа. На некоторых охотились. [77] Стербиорн убил Торода, но и он, и Рольф убили Снебиорна. Сыновья Реда и все остальные были

вынуждены принести клятву верности, чтобы спасти свои жизни. По возвращении они прибыли в Хельгеланд, Норвегия, а позже в Вадил в Исландии. [78]

II. КОЛОНИЗАЦИЯ ГРЕНЛАНДИИ.

Первый документ, касающийся заселения Гренландии норманнами, взят из "Саги об Эрике Рыжем", приведенной в *"Древностях Америки"* профессора Рафна. Помимо истории Эрика и его сыновей, эта Сага содержит упоминания о других путешествиях. Ниже приведены просто выдержки. Вся Сага не обязательно относится к рассматриваемому предмету — Открытию Америки. Вторая выдержка, в которой приводится больше подробностей, взята из *книги Гренланда "Историческое мышление"*, том. ii, стр. 201. Третье также взято из того же великого исторического хранилища.

ПЕРВОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Жил-был человек по имени Торвальд, сын Освальда, сына Ульфа-Эксны-Торериссона. Торвальд и его сын были вынуждены покинуть Джардар [79] и отправиться в Исландию из-за непредумышленного убийства. В то время Исландия была в целом колонизирована. [80] Сначала они жили в Дрангее, где умер Торвальд. Затем Эрик женился на Торхильд, дочери Йорунда и Торбьярг Кнаррабринга, на которой впоследствии женился Торбьорн из Хаукдейла. Эрик переехал с севера и поселился в Эрикстаде напротив Ватсхорна. Сына Эрика и Торхольда звали Лейф. Но после убийства Эйюльфа Соерса и Холм-Ганга Рафна Эрик был изгнан из Хаукдейла. Эрик отправился на запад, в Брейдафьорд, и жил в Эксни в Эрикстаде. Он одолжил Торгесту свои подседельные штыри, [81] и он не смог получить их снова. Затем он потребовал их. Затем начались споры и вражда между ним и Торгестом, о которых рассказывается в истории Эрика. Сын Стира Торгрима, Эйюльф из Свиноэ, сыновья Бранда Аптельфиордского и Торбьорна Вифильссона защищают Эрика; Тордер Геллурсон и Торгейр из Хитардейла защищают Торгеста. Эрик был объявлен Тварью вне закона и подготовил свой корабль к выходу в море в заливе Эрика. Стир и другие отправились с ним за пределы острова. [982 г. н.э.] Тогда Эрик объявил о своем решении искать землю, которую видел Гуннбьорн, сын Ульфа Краге [876 г. н.э.], когда его загнали в Западный океан, где он нашел Скалы Гуннбьорна, сказав, что если он не найдет землю, то вернется к своим друзьям. Эрик отплыл из Снаэфелльсйокуля и нашел землю, которую из-за ее высоты он назвал Мидйокуль, а сейчас она называется Блазерк. Оттуда он поплыл вдоль берега в южном направлении, отыскивая ближайшую обитаемую землю. Первую зиму он провел в Эриксее, [82] недалеко от центра восточного округа. На следующий год он приехал в Эриксфьорд, где обосновался. Тем же летом он исследовал западную пустыню и дал названия многим местам. Следующей зимой он прошел по холму напротив Рафнсгнипы, а на третий год прибыл в Исландию и привел свой корабль в Брейдафьорд. Землю, которую он нашел, он назвал Гренландией, сказав, что людей убедят отправиться в страну с таким хорошим названием. Эрик оставался в Исландии той зимой и летом после того, как он отправился в землю, которую нашел, и поселился в Браттахлиде в Эриксфьорде. [986 г. н.э.] Люди, знакомые с делами, говорят, что тем же летом, когда Эрик отправился поселяться в Гренландии, тридцать пять кораблей отплыли из Брейдафьорда и Богафьорда, из которых прибыли только четырнадцать, а остальные были отброшены назад или потеряны. Это событие произошло за пятнадцать зим [83] до установления христианской религии в Исландии. Тем же летом епископ Фредерик и Торвольд Кодрансоны уехали из Исландии. [84] Среди тех, кто эмигрировал с

Эриком и утвердился, были Хериульф Хериульфсфьорд, который принял Хериульфнесс и поселился в Хериульфнесе, Кетиль Кетильсфьорд, Рафн Рафнсфьорд, Солви Солвидейл, Хельги Торбрандсон Альптафьорд, Торбьернглора Сиглефьорд, Эйнар Эйнарсфьорд, Хафгрим Хафгримсфьорд и Ватнахвер, Арнлауг Арнлаугсфьорд; и другие мужчины отправились в западный округ.

Крещение Лейфа Удачливого.

И когда прошла шестая [85] зима [999 г. н.э.] с тех пор, как Эрик Рыжий уехал жить в Гренландию, Лейф, сын Эрика, перешел из Гренландии в Норвегию, а осенью прибыл в Тронхейм и отправился на север к королю Олафу Трюгвессону, [86] из Гегеланда. Он привел свой корабль в Нидарос и сразу же отправился к королю Олафу. Король приказал Лейфу и некоторым другим язычникам прийти к нему. Их призвали принять религию, о чем король легко договорился с Лейфом, он и все его матросы приняли крещение и провели зиму с королем, щедро развлекаясь.

ВТОРОЙ РАССКАЗ.

Торвольд, сын Усвольда, сына Ульфа, сына Эксне-Торера, и его сын Эрик Рыжий покинули Джардар в Норвегии из-за непредумышленного убийства и завладели участком земли в Хорнастранде [Исландия] и жили там в Дрангее. Там Торвольд умер. Затем Эрик женился на Торхильд, дочери Йорунда Атлесона и Торбьярга Кнаррабринга, которая затем была замужем за Торборном из Хаукдейла. Затем Эрик приехал с севера и вспахал поля в Хаукдейле. Затем он жил в Эрикштадте у Ватсхорна. Там его рабы [87] позволили куску скалы упасть на дом Валтиофа в Валтиофштадте. Но его родственник, Эйюльф Серс, убил рабов в Кнайде-Бринке над Ватсхорном. По этой причине Эрик убил Эйюльфа Серса. Он также убил Хольм-Ганга Рафна в Лейкскаале. Гейрстайн и Одд из Йорунда, родственники Эйюльфа Серса, подали иск против убийцы. Затем Эрик был изгнан из Хоксдейла и завладел островами Брокке и Эксно, но первую зиму прожил в Тодуме в Сидеро. Затем он одолжил Торгесту свои подседельные штыри. Затем Эрик переехал в Эксно и жил в Эрикштадте. Затем он потребовал свои подседельные штыри, но не получил их. После этого Эрик увел их из Бредобольстада, но Торгест последовал за ним. Они сражались возле дома в Дрангее. Пали два сына Торгеста и еще несколько человек. После этого они оба оставили при себе своих сторонников. Стир, Эйульф из Свиньо, сыновья Торбранда из Альптефьорда и Торборн Вифильссон были в отряде Эрика. Но Торд Геллейрсон, Торгейр из Хитардейла, Аслак из Лангедейла и сын Иллуги помогли Торгесту. Эрик и его группа были приговорены к изгнанию в Торснесе. Он снарядил корабль в Эриксфьорде, но Эйульф спрятал его в Димонсвааге, в то время как Торгест и его люди искали его в высокогорье. Торборн, Эйюльф и Стир последовали за Эриком в море за островами. Он сказал, что намеревался найти землю, которую видел Гуннборн, сын Ульфа Краге [876 г. н.э.], когда шторм унес его на запад от Исландии, и нашел Скалы Гуннборна; хотя в то же время он сказал, что, если найдет эту землю, вернется к своим друзьям. [982 год н.э.] Эрик взял курс на запад от Снафилднесса и приблизился к [Гренландии] с моря, чтобы высадиться в Мидйокуле, в том месте, которое называется Блесарк. Оттуда он отправился вдоль побережья на юг, чтобы посмотреть, пригодна ли земля для жизни. В первый год он всю зиму прожил в Эриксе, почти в середине западного побережья. Следующей весной [983 г. н.э.] он отправился в Эриксфьорд и там нашел жилище. Следующим летом он отправился в западный бигд и дал определенные названия многим местам. Вторую зиму он прожил в Эриксхольме, в Хварфо Фидспиде, а третье лето [984 г. н.э.] он

направился на север, к Снэфилду, внутри Рафнсфьорда. Тогда он подумал, что место, где изгибался Эриксфьорд, находилось напротив того места, откуда он пришел. Затем он вернулся и провел третью зиму в Эриксе, напротив устья Эриксфьорда. Следующим летом [985 г. н.э.] он отправился в Исландию и высадился в Брейдафьорде. Следующую зиму он провел в Хольмштатере, у Ингольфа. Следующей весной он сражался с Торгестом и проиграл битву. Тем летом Эрик начал заселять землю, которую он открыл [986 г. н.э.] и которую он назвал Гренландией, потому что, по его словам, люди не хотели бы переезжать туда, если бы у этой земли не было хорошего названия. Ученые люди говорят, что двадцать пять кораблей отправились тем летом в Гренландию из Брейдафьорда и Боргафьорда, но прибыли только четырнадцать. Из остальных часть была отброшена назад, а другие потерпели крушение. Это произошло за пятнадцать зим до того, как в Исландии было введено христианство.

ТРЕТЬЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Земля, которую некоторые называют Гренландией, была открыта и заселена выходцами из Исландии. Эрик Рыжий - так звали жителя Брейдафьорда, который [986 г. н.э.] отправился отсюда [Исландия] туда и завладел той частью земли, которая позже была названа Эриксфьорд. Он дал название этой земле и назвал ее Гренландией, и сказал, что это побудило бы людей приезжать туда, если бы у этой земли было хорошее название. Они обнаружили там, как на востоке, так и на западе, руины домов и обломки лодок, а также начатую каменную кладку. Из которого видно, что за народ жил в Винланде, и которого гренландцы называют скрелингами, и кто там был. Он [Эрик] начал заселять эти земли за четырнадцать или пятнадцать лет до введения христианства в Исландии. Впоследствии об этом рассказал Торкелю Геллерсону человек, который сам следовал за Эриком Редом.

III. ПУТЕШЕСТВИЕ В БЬЯРНЕ.

Путешествие Бьярне в Гренландию сопровождалось многими трудностями. Его судно отклонилось от курса во время шторма, и в это время он увидел берега американского континента, но не предпринял попытки высадиться. У нас есть две версии этого путешествия. Первый представляет собой перевод отрывка из *Codex Flatöiensis*, приведенного в *"Древностях Америки"*, стр. 17. Второй взят из книги Гренланда *"Историческое мышление"*. Дата этого путешествия установлена тем фактом, что Бьярне отплыл в тот же сезон, когда его отец поселился в Гренландии, что, как мы узнаем из рассказа Эрика, было в 985 году. Существует полное согласие между этой учетной записью и предыдущей.

ПЕРВОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Хериульф был сыном Барда, сына Хериульфа, который приходился родственником Ингольфу Землевладельцу. [88] Ингольф отдал Хериульфу земли между Вогом и Рейкианессом. Хериульф сначала поселился в Дропстоке. Его жену звали Торгирд, а их сына звали Бьярне. Он был многообещающим молодым человеком. В ранней юности у него было желание уехать за границу, и вскоре он обзавелся имуществом и репутацией; поочередно он проводил год за границей и год со своим отцом. Вскоре у Бьярне появилось собственное торговое судно. Прошлой зимой [985 г. н.э.], находясь в Норвегии, Хериульф приготовился отправиться в Гренландию с Эриком и оставил свое жилище. Вместе с Хериульфом к Хебудам принадлежал

христианин, который сочинил песнь под названием "*Хафгердингар*" [89] Песня, в которой есть этот стих:

Пусть тот, чья рука так хорошо защищает
простого монаха в одинокой келье,
А над миром возвышается небо,
Его собственный голубой чертог, все еще будет рядом со мной. [90]

Хериулф поселился в Хериулфнесе [985 г. н.э.] и стал очень выдающимся человеком. Эрик Рыжий поселился в Братталиде, и все его очень уважали. Это были дети Эрика: Лейф, Торвальд и Торстейн; а его дочь звали Феридис. Она была замужем за человеком по имени Торвальд, и они жили в Гардаре, который сейчас является резиденцией епископа. Она была надменной, гордой женщиной, а он был всего лишь подлым человеком. Она была увлечена накоплением богатства. В то время жители Гренландии были язычниками. Бьярне прибыл тем же летом [985 г. н.э.] со своим кораблем на стрэнд [91], с которого его отец весной отплыл за границу. Он был сильно поражен этой новостью и не захотел разгружать свое судно. Когда его команда спросила его, что он намерен делать, он ответил, что решил последовать своему старому обычаю и поселиться на зиму у своего отца. "Итак, я направляюсь в Гренландию, если вы пойдете со мной". Они все, как один, согласились пойти с ним. - Наше путешествие сочтут глупым, - сказал Бьярне, - поскольку никто из нас раньше не бывал в Гренландском море. Тем не менее они вышли в море, как только были готовы, и плыли три дня, пока не потеряли из виду землю, которую покинули. Но когда ветер стих, поднялся северный ветер с туманом, и они не знали, куда плывут; и это продолжалось много дней. Наконец они увидели солнце и смогли различить четверти неба; тогда они снова подняли паруса и плыли целый день и ночь, пока не пристали к берегу. Они поговорили между собой, какой могла бы быть эта земля, и Бьярне сказал, что, по его мнению, это не могла быть Гренландия. На вопрос, следует ли ему подплыть поближе к ней, он сказал: "Мой совет, чтобы мы подплыли поближе к суше". Они так и сделали; и вскоре увидели, что на этой земле нет гор, она покрыта лесами и что внутри страны есть небольшие холмы. Они оставили сушу по левому борту и легли на швартов со стороны суши. Затем они плыли два дня и ночи, прежде чем снова увидели землю. Они спросили Бьярне, не думают ли они, что это Гренландия; но он высказал свое мнение, что эта земля была не более Гренландией, чем та, которую они видели раньше. "Ибо в Гренландии, как говорят, есть большие снежные горы". Вскоре они приблизились к земле и увидели, что она плоская и покрыта деревьями. Теперь, когда ветер стих, люди с корабля поговаривали о том, что было бы разумнее направиться к берегу, но Бьярне на это не соглашался. Они думали, что им понадобятся дрова и вода, но Бьярне сказал: "Вы не нуждаетесь ни в том, ни в другом". И мужчины обвинили его в этом. Он приказал им поднять парус, что и было сделано. Теперь они повернули нос корабля от берега и держались в море три дня и ночи при хорошем юго-западном бризе. Затем они увидели третью землю, которая была высокой и гористой, со снежными горами. Затем они спросили Бьярне, не хочет ли он приземлиться здесь, но он наотрез отказался: "Потому что, по моему мнению, эта земля - не то, что нам нужно". [92] Теперь они подняли паруса, держались вдоль берега и увидели, что это остров. Затем они отвернули от берега и вышли в море с тем же бризом; но шторм усилился, и Бьярне приказал взять риф и плыть не сильнее, чем корабль и его снасти могли легко выдержать. Проплыв три дня и три ночи, они в четвертый раз пристали к берегу; и когда они спросили Бьярне, думает ли он, что это Гренландия или нет, Бьярне ответил: "Это больше всего похоже на то, что мне рассказывали о

Гренландии; и здесь мы выйдем на сушу". Они так и сделали и вечером вышли на сушу под навесом, где нашли лодку. На этой земле жил отец Бьярне, Хериульф; и от этого она называется Хериульфнесс. Бьярне уехал к своему отцу, бросил морское дело и после смерти отца продолжал жить там, когда бывал дома.

ВТОРОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Человек по имени Хериульф, сын Барда, сына Хериульфа, родственник ланднамсмена Ингольфа, который подарил последнему по имени Хериульф участок земли, лежащий между Ваагом и Рейкианессом. Младший Хериульф отправился в Гренландию, когда там начал селиться Эрик Рыжий, и на его корабле был христианин с Южных островов [Гебридских], который был автором стихотворения "*Хавгердингар*", в котором был следующий стих:

Я молюсь покровителю монаха,
Чтобы он даровал моему путешествию удачу!
Великий Правитель небес
Спаси меня от опасности.

Хериульф завладел Хериульфсфьордом и стал одним из главных людей. Эрик Рыжий забрал себе Эриксфьорд и жил в Браттахлиде, а Лейф, его сын, после его смерти. Те люди, которые в то же время ушли с Эриком, завладели следующими участками земли: Хериульф Хериульфсфьорд, и он жил в Хериульфнесе, Кетиль Кетильсфьорд, Рафн Рафнсфьорд, Сельве Сельведале, Снорро Торбрандсон Альптефьорд, Торбьорнглора Сиглефьорд, Эйнар Эйнарсфьорд, Хавгрим Хавгримсфьорд и Ватнахверф, Арнлауг Арнлаугфьорд; но некоторые ушли на запад быгд. Человек по имени Торкель Форсарк, двоюродный брат Эрика Реда по материнской линии, отправился с Эриком в Гренландию и завладел Хвалсефьордом вместе с большей частью участка земли между Эйольфсфьордом и Эйнарсфьордом и жил в Хвалосефне. От него произошли люди Хвальсефьорда. Он был очень сильным. Однажды его посетил Эрик Рыжий, и он приветствовал своего гостя наилучшим из возможных способов, но у него не было под рукой лодок, которыми он мог бы воспользоваться. Он был вынужден доплыть до Хвалсе и добыть взрослую овцу, [93] и отнести ее на спине домой. Это было добрых полмили. Торкель был похоронен в пещере на поле Хвальсефьорд.

IV. ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕЙФА В ВИНЛАНД.

Это путешествие описано в рукописи *Flatö* и приведено в "*Древностях Америки*", стр. 26-40. В нем содержится отчет о путешествии Лейфа, сына Эрика Рыжего, который, следуя подсказкам Бьярне, отправился открывать новую землю, которую он назвал Винландом из-за количества виноградных лоз, которые, как он обнаружил, росли в диком виде. Несколько выдержек прилагаются из-за интереса к данной теме.

[984 г. н.э.] Далее следует рассказать, что Бьярне Хериульфсон приехал из Гренландии в Норвегию с визитом к графу Эрику, который хорошо его принял. Бьярне рассказывает об этой своей экспедиции, в ходе которой он открыл неизвестные земли; и люди думали, что ему было

не очень любопытно получить знания, поскольку он не мог дать никакого отчета об этих странах, и его в чем-то обвиняли по этому поводу. [986 год н.э.] Бьярне был назначен придворным графа, и следующим летом он отправился в Гренландию; и впоследствии было много разговоров об открытии неизвестных земель. Лейф, сын Эрика Реда из Браттахлида, перешел по [94] к Бьярне Хериульфсону, купил у него корабль и укомплектовал его экипажем, так что всего на борту было тридцать пять человек. Лейф умолял своего отца Эрика отправиться в качестве командира экспедиции, но тот извинился, сказав, что стареет и уже не так способен, как раньше, переносить трудности морского путешествия. Лейф настаивал, что из всех их родственников он, скорее всего, получит удачу в такой экспедиции; и Эрик согласился и поехал из дома с Лейфом, когда они были полностью готовы к выходу в море; но когда они приближались к кораблю, [95] лошадь, на которой ехал Эрик, споткнулась, и он упал с лошади [96] и повредил ногу. "Так суждено, - сказал Эрик, - что я никогда не открою больше земель, чем эта Гренландия, на которой мы живем; и теперь мы не должны поспешно пускаться в это приключение". [97] Эрик соответственно вернулся домой в Браттахлид, но Лейф со своими товарищами, всего тридцатью пятью мужчинами, оснастили их судно. С экспедицией был человек с юга по имени Тайркер, [98]. [1000 год н.э.] Они привели корабль в порядок и вышли в море, когда были готовы. Сначала они подошли к земле, которую Бьярне открыл последним, подплыли к ней, бросили якорь, спустили лодку и сошли на берег; но там не было видно ни травинки. Там были большие заснеженные горы [99] вверх по стране; но на всем пути от моря до этих заснеженных хребтов земля представляла собой одно снежное поле, и оно казалось им страной без преимуществ. Лейф сказал: "О нас не скажут, как это было о Бьярне, что мы не ступали на эту землю; ибо я дам стране имя и назову ее Хеллуланд". [100] Затем они снова поднялись на борт и вышли в море, и нашли другую землю. Они подплыли к ней, спустили лодку и высадились. Местность была плоской, [101] и заросшей лесом; а полоса далеко вокруг состояла из белого песка и низко спускалась к морю. Тогда Лейф сказал: "Мы дадим этой земле имя в соответствии с ее видом и назовем ее Маркленд". [102] Затем они поспешили на борт и снова вышли в море при северо-восточном ветре, пробыли в море два дня и пристали к берегу. Они поплыли к нему и подошли к острову [103], который лежал на северной стороне суши, где они высадились [104], чтобы дожидаться хорошей погоды. На траве была роса; и, случайно попав немного росы на руки и положив ее в рот, они подумали, что никогда не пробовали ничего более сладкого, чем это было. [105] Затем они поднялись на борт и направились в пролив [106] который находился между островом и мысом [107] который отходил от суши на север и направлялся на запад [108] мимо цели. Там было очень мелко [109] вода во время отлива была очень мелкой, так что их корабль стоял сухим; и между их кораблем и водой было большое расстояние. Им так хотелось добраться до суши, что они не стали ждать, пока их корабль поплывет, а побежали на сушу, к месту, где река выходит из озера. Как только их корабль оказался на плаву, они взяли лодки, доплыли до корабля, отбуксировали его вверх по реке, [110] а оттуда в озеро, [111] там они бросили якорь, вынесли с корабля свои кровати и поставили палатки. Они решили навести там порядок для зимовки и построили большой дом. Им не нужен был лосось, [112] как в реке, так и в озере; и они подумали, что лосось крупнее любого, кого они когда-либо видели прежде. Местность показалась им настолько хорошей, что не было необходимости заготавливать корм для скота на зиму. [113] Зимой морозов не было, [114] и трава не сильно пожухла. День и ночь были более равными, чем в Гренландии и Исландии; ибо в самый короткий день солнце находилось в небе между Эйктарстадом [115] и Дагмаластадом. Теперь, когда они были готовы к строительству своего дома, [1001 год н.э.] Лейф сказал своим попутчикам: "Теперь я разделю команду на две части, и отправлюсь исследовать страну. Половина останется дома и будет

выполнять работу, а другая половина будет обыскивать землю; но так, чтобы они не уходили дальше, чем смогут вернуться вечером, и чтобы они не расходились друг от друга". Это они продолжали делать еще некоторое время. Лейф менялся, иногда с ними, а иногда с теми, кто был дома. Лейф был плотным и сильным мужчиной с мужественной внешностью; и, кроме того, был благоразумным и проницательным человеком во всех отношениях.

Однажды вечером случилось так, что пропал человек из нашей компании; и это был житель южной провинции Тиркер. Лейф очень сожалел об этом, потому что Тиркер долгое время жил в доме его отца, и он любил Тиркера с детства. Лейф очень винил своих товарищей и предложил отправиться с двенадцатью людьми в экспедицию, чтобы найти его; но они прошли совсем немного от станции, когда им навстречу вышел Тайркер, и его радостно приняли. Лейф вскоре понял, что его приемный отец [116] был довольно веселым. [117] У Тайркера был высокий лоб, острые глаза, маленькое лицо, он был небольшого роста и уродлив; но был очень ловок во всех подвигах. Лейф сказал ему: "Почему ты так задержался, мой приемный отец? и почему ты оставил своих товарищей?" Сначала он долго говорил по-немецки, закатывая глаза и хмуря брови, но они не могли разобрать, что он говорит. Через некоторое время он сказал по-норвежски: "Я зашел ненамного дальше, чем они; и все же я могу рассказать кое-что совершенно новое, потому что я нашел виноградные лозы". [118] "Это правда, мой приемный отец?" - спросил Лейф. "Да, это правда, - ответил он, - ибо я родился там, где не было недостатка в винограде". Теперь они проспали всю ночь, а на следующее утро Лейф сказал своим людям: "Теперь у нас будет два занятия на весь день, а именно: собирать виноград или подрезать лозы и рубить в лесу дрова для снаряжения нашего судна". И этому совету последовали. Рассказывают, что их кормовую лодку наполнили виноградом, а затем обтесали дерево для судна. [119] Ближе к весне они приготовились и отплыли восвояси, и Лейф дал стране название по ее продуктам и назвал ее Винланд. [120] Теперь они плыли в открытое море при попутном ветре, пока не увидели Гренландию и земли за ледяными горами. [121] Затем один человек замолвил словечко и сказал Лейфу: "Почему ты держишь курс так близко к ветру?" Лейф ответил: "Я слежу за своим штурвалом и занимаюсь другими вещами; ты что-нибудь замечаешь?" Они сказали, что не увидели ничего примечательного. "Я не знаю, - сказал Лист, - вижу ли я корабль или скалу". Тогда они посмотрели и увидели, что это была скала. Но он видел намного лучше, чем они, и обнаружил на скале людей. "Теперь я хочу, - сказал Лейф, - чтобы мы держались по ветру, чтобы мы могли подойти к ним, если им понадобится помощь; и если они не будут настроены дружелюбно, в нашей власти поступать так, как нам заблагорассудится, а не в их". Теперь они проплыли под скалой, спустили паруса, бросили якорь и спустили на воду еще одну маленькую лодку, которая была у них с собой. Тогда Тиркер спросил, кто их предводитель. Он сказал, что его зовут Торер, и сказал, что он северянин; [122] "Но как тебя зовут?" - спросил он. Лист назвал свое имя. "Ты сын Эрика Рыжего из Браттахлида?" он спросил. Лист сказал, что это так. "Теперь я, - сказал Лейф, - возьму вас всех на борт своего корабля и столько товаров, сколько на нем поместится". Они приняли это предложение и отплыли с грузом в Эрикфьорд, а оттуда в Браттахлид, где разгрузили корабль. Лейф предложил Тореру, его жене Гудрид и еще троим остановиться у него, а остальным людям, как из команды Торера, так и из своей собственной, предложил остановиться в другом месте. Лейф взял со скалы пятнадцать человек, и с тех пор его называли Лейф Счастливец. С тех пор Лейф значительно преуспел в богатстве и уважении. Той зимой среди людей Торера началась болезнь, и он сам и большая часть его команды умерли. Той же зимой умер Эрик Рыжий. Об этой экспедиции в Винланд много говорили, и брат Лейфа, Торвальд, считал, что страна недостаточно исследована в разных

местах. Тогда Лейв сказал Торвальду: "Ты можешь отправиться, брат, на моем корабле в Винланд, если хочешь; но сначала я пошлю корабль за бревнами, которые Торер оставил на скале". Так оно и было сделано.

ВТОРОЙ РАССКАЗ.

Той же весной король Олаф, как говорилось ранее, отправил Гиссура [123] и Хиалте [124] в Исландию. Король также отправил Лейфа в Гренландию, чтобы провозгласить там христианство. Король послал с ним священника и нескольких других религиозных деятелей крестить людей и учить их истинной вере. Тем же летом Лейф отплыл в Гренландию; он подобрал из океана людей с корабля, потерпевшего крушение, полностью уничтоженных и в плачевном состоянии. И в этом же путешествии он открыл Винланд Добрый, [125] и в конце лета прибыл в Браттахлид, к своему отцу Эрику. С тех пор люди называли его Лейф Удачливый; но его отец Эрик сказал, что эти две вещи противоречат друг другу; что Лейф спас команду корабля и избавил их от смерти, и что он [привел] этого плохого человека в Гренландию, так он называл священника; но после долгих уговоров Эрик был крещен, [126] так же, как и все люди из Гренландии.

ТРЕТЬЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Той же зимой Лейф, сын Эрика Рыжего, был в большом фаворе у короля Олафа и принял христианство. Но в то лето, когда Гиссур отправился в Исландию, король Олаф отправил Лейфа в Гренландию провозглашать христианство. Тем же летом он отплыл в Гренландию. Он нашел в море несколько человек, потерпевших крушение, и помог им; в том же плавании, [127] он открыл Винланд Добрый и прибыл во время сбора урожая в Гренландию. Он привел с собой священника и других религиозных [128] мужчин и переехал жить в Браттахлид к своему отцу Эрику. Впоследствии его называли Лейф Удачливый. Но его отец Эрик сказал, что эти две вещи противоречат друг другу, потому что Лейф спас команду корабля и привел в Гренландию злых людей, имея в виду священников.

ЭКСПЕДИЦИЯ против ТОРВАЛЬДА ЭРИКСОНА.

Большая часть этого путешествия, по-видимому, была проделана в течение двух летних периодов, и экспедиция, наконец, вернулась в Гренландию из-за смерти своего руководителя. Повествование взято из *Codex Flatöiensis*, как приведено в "*Древностях Америки*".

Теперь Торвальд [1002 г. н.э.] приготовился к путешествию с тридцатью людьми, посоветовавшись со своим братом Лейфом. Они снарядили свой корабль и вышли в море. Ничего не известно об этой экспедиции до тех пор, пока они не прибыли в Винланд, к шалашам, поставленным Лейфом, где они закрепили корабль и снасти, и спокойно оставались там всю зиму, живя рыбной ловлей. Весной [1003 г. н.э.] Торвальд приказал снарядить судно и нескольким людям отправиться в баркасе на запад вдоль побережья и исследовать его в

течение лета. Они считали местность красивой и густо поросшей лесом, расстояние между лесом и морем небольшим, а берег был полон белого песка. Там также было много островов и очень мелководье. Они не нашли пристанища ни для человека, ни для животного, но на острове далеко на западе они нашли деревянный амбар для кукурузы. Они не нашли других следов человеческой работы и осенью вернулись в палатки Лейфа. Следующей весной [1004 г. н.э.]. Торвальд со своим торговым кораблем направился на восток, а затем на север вдоль суши. [129] Напротив мыса [130] они столкнулись с плохой погодой, наехали на сушу и сломали киль, и оставались там долгое время, чтобы отремонтировать судно. Торвальд сказал своим спутникам: "Мы поставим киль здесь, на мысе, и назовем это место Киаларнессом", что они и сделали. Затем они отплыли на восток вдоль страны, к точке суши, [131] которая повсюду была покрыта лесом. Они пришвартовали судно к берегу, спустили на берег сходни, и Торвальд со всей своей корабельной командой высадился на берег. Он сказал: "Здесь прекрасно, и я бы охотно поселился здесь". Потом они поднялись на борт и увидели три пятнышка на песке внутри мыса, подошли к ним и обнаружили там три лодки из кожи, в каждой из которых находилось по три человека. Они разделили своих людей и взяли их всех в плен, кроме одного человека, который сбежал на своей лодке. Они убили восьмерых из них, а затем отправились на мыс и осмотрелись. В пределах этой бухты они увидели несколько возвышенностей, которые приняли за жилища. Затем на них напала сильная сонливость, и они не могли бодрствовать, но все они заснули. Внезапно до них донесся крик, и все они проснулись; и вперемешку с этим криком им показалось, что они услышали слова: "Проснись, Торвальд, и все твои товарищи, если хочешь спасти свои жизни. Поднимайтесь на борт своего корабля так быстро, как только сможете, и без промедления покиньте эту землю". В тот же миг неисчислимое множество людей из глубины залива приплыли в кожаных лодках и расположились у борта. Затем Торвальд сказал: "Мы установим наши боевые экраны [132] вдоль планширей и будем защищаться так хорошо, как сможем, но не будем часто использовать против них наше оружие". Они сделали это соответствующим образом. Скреллинги [133] Некоторое время стреляли в них, а затем убежали так быстро, как только могли. Тогда Торвальд спросил, не ранен ли кто-нибудь, и они сказали, что никто не пострадал. Он сказал: "У меня рана под мышкой. [134] Стрела пролетела между планширем и щитом у меня под мышкой: вот стрела, и это будет моя смертельная рана. Теперь я советую вам как можно скорее готовиться к возвращению; но вы должны доставить меня в то место, которое, как я думал, было бы так удобно для жилья. Может быть, то, что я сказал, было правдой, и я хотел бы пожить здесь некоторое время. Ты похоронишь меня там, поставишь крест у моего изголовья и еще один у моих ног и назовешь это место Кросснесс". В это время в Гренландии утвердилось христианство; [135] но Эрик Ред был мертв [136] до введения христианства. Теперь Торвальд умер, и они сделали все, как он приказал. Затем они отправились на поиски своих товарищей по путешествию; и они рассказали друг другу все новости. Они оставались в своем жилище всю зиму, собирали виноградные лозы и гроздья винограда и грузили их на борт своих кораблей. Ближе к весне они приготовились вернуться в Гренландию, куда прибыли на своем судне и высадились в Эриксфьорде, принеся Лейфу тяжелые вести.

VI. ПОПЫТКА ТОРСТЕЙНА ЭРИКСОНА НАЙТИ ВИНЛАНД.

Эта версия взята из *Codex Flatöiensis* и приведена в "*Древностях Америки*", стр. 47-55. Экспедиция оказалась совершенно безуспешной, и ее руководитель в конце концов умер, так и

не достигнув желанной земли. Несмотря на описанные удивительные события, нельзя отделаться от ощущения, что в основе этого рассказа лежат достоверные факты. Основное повествование, скорее всего, не было придумано самозванцем.

Тем временем в Гренландии случилось так, что Торстейн из Эриксфьорда женился и взял в жены [1005 г. н.э.]. Гудрид, дочь Торбьорна, которая, как уже говорилось, была замужем за Торером, выходцем с Востока. [137] Теперь Торстейн Эриксон вспомнил, что поедет в Винланд за телом своего брата Торвальда. Он снарядил такое же судно и подобрал способную и крепкую команду. С ним было двадцать пять человек и его жена Гудрид; и как только они были готовы, он вышел в море, и они быстро потеряли землю из виду. Они разъезжали по океану все лето, не зная, где находятся; и в первую неделю зимы, [138] они высадились в Лисифиорде в Гренландии, в западном поселении. Торстейн искал жилье для своих людей и разместил всю команду своего корабля, но не себя и жену; так что несколько ночей им приходилось спать на борту. В то время христианство в Гренландии было совсем недавно. Однажды, ранним утром, несколько человек пришли к их палатке, и предводитель спросил их, что за люди были в палатке? Торстейн отвечает: "Два; кто это спрашивает?" "Торстейн, - был ответ, - а меня зовут Торстейн Черный, и это мое поручение здесь - предложить тебе и твоей жене остановиться рядом со мной". Торстейн сказал, что поговорит об этом со своей женой, и поскольку она дала свое согласие, он согласился. "Тогда я приеду за тобой завтра со своими лошадьми, [139] ибо мне не нужны средства, чтобы развлекать тебя; но мало кто хочет жить в моем доме, потому что я и моя жена живем одиноко, и я очень меланхоличен. У меня также есть религия, отличающаяся [140] от вашей, хотя я думаю, что та, что есть у вас, лучшая." На следующее утро он приехал за ними с лошадьми, и они поселились у Торстейна Блэка, который относился к ним очень дружелюбно. У Гудрид была приятная внешность, она была знающей и хорошо понимала, как вести себя с незнакомцами. В начале зимы среди людей Торстейна Эриксона свирепствовала болезнь, и многие из его корабельщиков умерли. Он приказал изготовить гробы для тел умерших, доставить их на борт и тщательно уложить; ибо он сказал: "Летом я перевезу все тела в Эриксфьорд". Вскоре в доме Торстейна Блэка началась болезнь, и его жена, которую звали Гримхильд, заболела первой. Она была очень дородной и сильной, как мужчина, но все же не могла противостоять болезни. Вскоре после этого Торстейн Эриксон тоже заболел, и они оба лежали больные в постели в одно и то же время; но Гримхильд, жена Торстейна Блэка, умерла первой. Когда она умерла, Торстейн вышел из комнаты за шкурой, чтобы накрыть труп. Тогда Гудрид сказала: "Мой дорогой Торстейн, ненадолго уезжай", что он и пообещал. Тогда Торстейн Эриксон сказал: "Наша домохозяйка замечательная, потому что она приподнимается на локтях, перегибается через спинку кровати и нащупывает свои туфли". В тот же миг вернулся Торстейн Добрый Человек, и Гримхильд тут же легла так, что все балки, которые были в доме, затрещали. Теперь Торстейн сделал гроб для тела Гримхильд, вынес его наружу и похоронил. Он был крепким человеком, но ему потребовались все его силы, чтобы вынести тело из дома. Теперь болезнь Торстейна Эриксона усилилась, и он умер, что Гудрид, его жена, восприняла с большим горем. Все они были в комнате, и Гудрид села на табурет перед скамьей, на которой лежало тело ее мужа Торстейна. Теперь Торстейн добрый человек взял Гудрид со стула на руки и сел с ней на скамейку прямо напротив тела Торстейна, [141] и много говорил с ней. Он утешил ее и пообещал летом поехать с ней в Эриксфьорд вместе с трупом ее мужа Торстейна и членов его команды. "И, - сказал он, - я возьму с собой много слуг, которые будут утешать и помогать". Она поблагодарила его за это. Затем Торстейн Эриксон поднялся и спросил: "Где Гудрид?" И

трижды повторил он это; но она молчала. Тогда она спросила Торстейна Доброго Человека: "Отвечать мне или нет?" Он велел ей не отвечать. Тогда Торстейн Добрый Человек пересек комнату и сел в кресло, а Гудрид устроилась у него на коленях; и Торстейн Добрый Человек сказал: "Что ты хочешь сообщить?" Через некоторое время труп отвечает: "Я хочу заранее сообщить Гудрид о ее судьбе, чтобы она смогла лучше перенести мою смерть, ибо я пришел в благословенное место упокоения. И вот что я должен сказать тебе сейчас, Гудрид, что ты выйдешь замуж за исландца, и вы будете долго жить вместе; и от тебя произойдет много мужчин, храбрых, галантных и мудрых, и у тебя будет приятное потомство. Вы отправитесь из Гренландии в Норвегию, а оттуда в Исландию, где и будете жить. И долго вы будете жить вместе, но ты переживешь его; а потом ты отправишься за границу, на юг, и вернешься в свой дом в Исландии. И там должна быть построена церковь, и ты должна остаться там, и быть постриженной в монахини, и там закончить свои дни". [142] И затем Торстейн откинулся назад, а его труп привели в порядок и перенесли на корабль. Добрый Человек Торстейн сделал все, что обещал. Весной [1006 г. н.э.] он продал свою землю и скот и отправился с Гудрид и всем ее имуществом; подготовил корабль, набрал на него людей, а затем отправился в Эриксфьорд. Тело было похоронено в церкви. [143] Гудрид отправилась к Лейфу в Браттахлид, а Торстейн Черный поселился в Эриксфьорде и жил там, пока был жив; и считался способным человеком.

VII. ЭКСПЕДИЦИЯ ТОРФИННА КАРЛСЕФНЕ В ВИНЛАНД.

Это была во многих отношениях самая важная экспедиция в Новую Англию, как с точки зрения численности задействованных, так и полученной информации и опыта. У нас есть три разных отчета об этой экспедиции. Первая из них взята из несколько пространной Саги о Торфинне Карлсефне из *Собрания Арне-Магнаев*; вторая - из Саги об Эрике Рыжем, которая называется "Рассказ о Торфинне", а третья - более краткое изложение из *Codex Flatöensis*. Два первых можно найти в "*Древностях Америки*" Рафна, стр. 75-200; в то время как последнее также приведено в той же работе, на стр. 55-64.

"Сага о Карлсефне" в начале в основном посвящена различным вопросам, связанным с общественной жизнью; однако, поскольку такие темы не являются существенными для рассмотрения предмета, все они опущены, за исключением рассказа о браке Торфинна с вдовой Торстейна Эриксона.

Примечания к повествованию об экспедиции Лейфа, которые предшествуют этому в хронологическом порядке, отменяют необходимость рассмотрения ряда важных моментов, вновь предложенных в настоящем повествовании.

Считается, что основная рукопись Торстейна Карлсефне является подлинным автографом одного из его потомков, знаменитого Хаука Эрландера, губернатора или лагмана Исландии в 1295 году, который также был одним из составителей *Ланднама-бок*. Эрландер был девятым по происхождению от Торфинна. Торфей, который предположил, что эта рукопись утеряна, знал о ней только по искаженным отрывкам из собрания Бирна Джонсона.

Будет обнаружено существенное совпадение между различными отчетами, несмотря на то, что они не являются работой очевидцев. Различия, очевидно, таковы, что не проявились бы в

случае с тремя писателями, объединившимися с целью осуществления исторической фальсификации. Сага о Торфинне была написана в Исландии, а сага об Эрике - в Гренландии. Отчет из *рукописи Флэте*, разумеется, был написан на острове, носящем это название, и является чрезвычайно кратким, без многих существенных подробностей.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОРФИННЕ КАРЛСЕФНЕ.

Был человек по имени Торд, который жил в Хефде, на Хефда-Странде. Он женился на Фридгерде, дочери Торера Праздного, и на Фридгерде, дочери Киарвала, короля Ирландии. Торд был сыном Бьярне Бердусмьера, [144] сын Торвальда, сына Аслака, сына Бьярне Железнобокого, сына Рагнара Лодброка. У них родился сын по имени Снорре, который женился на Торхильд Куропатке, дочери Торда Геллера. У них родился сын по имени Торд Лошадиная Голова. Торфинн Карлсефне был его сыном, мать которого звали Торуна. Торфинн проводил время в торговых путешествиях и считался хорошим торговцем. Однажды летом он снарядил свой корабль для путешествия в Гренландию в сопровождении Снорре Торбрандсона из Альптафиорда и команды из сорока человек. Был человек по имени Бьярне Гримольфсон из Брейдафьорда, и еще один по имени Торхолл Гамласон из Остфьорда. В то же время мужчины снарядили корабль для путешествия в Гренландию. У них также была команда из сорока человек. Этот корабль и корабль Торфинна, как только они были готовы, вышли в море. Не говорится, как долго они находились в пути; сообщается только, что оба корабля прибыли в фиорд Эрикс осенью того же года. Лейф [145] и другие люди спустились к кораблям, и состоялся дружеский обмен мнениями. Капитаны попросили Листа взять все, что он пожелает, из их товаров. В свою очередь, Лист хорошо их развлек и пригласил главных матросов обоих кораблей провести зиму с ним в Браттахлиде. Купцы с благодарностью приняли его приглашение. Впоследствии их товары были перевезены в Браттахлид, где у них были все развлечения, какие только они могли пожелать; поэтому зимние квартиры им очень понравились. Когда начался рождественский пир, Лейф был молчалив и более подавлен, чем обычно. Затем Карлсефне сказала Лейфу: "Ты болен, друг Лейф? ты, кажется, не в своем обычном расположении духа. Вы развлекли нас самым щедрым образом, за что мы желаем оказать вам все услуги, которые в наших силах. Расскажи мне, что тебя беспокоит." "Ты принял то, что я смог тебе предложить, - сказал Лейф, - в самой доброй манере, и у меня и в мыслях нет, что тебе не хватало вежливости; но я боюсь, что, когда ты уйдешь, могут сказать, что ты никогда не видел святочного [146] пир, отмечаемый так скверно, как тот, который устроил Лейф. приближается время, на котором тебя будет развлекать Лейф из Браттахлида". "Чего никогда не случится, друг, - сказала Карлсефне, - у нас на корабле достаточно припасов; бери из них все, что пожелаешь, и устраивай пир так великолепно, как тебе заблагорассудится". Лист принял это предложение, и начались Святки; и так хорошо были составлены планы Листа, что все были удивлены, что в такой бедной стране можно было приготовить такой обильный пир. После святочного пира Карлсефне начала обсуждать с Лейфом вопрос о браке Гудрид, [147] Лейф был человеком, которому принадлежало право обручения. Любисток дал благоприятный ответ и сказал, что она должна исполнить то предназначение, которое предначертано судьбой, и что он не слышал ни о ком, кроме хороших отзывов о нем; и в конце концов оказалось, что Карлсефне женился на Гудрид, и их свадьба состоялась в Браттахлиде той же зимой.

[1007 г. н.э.] В Браттахлиде разговор часто заходил об открытии Винланда Доброго, и все говорили, что путешествие туда сулит большие выгоды. И после этого Карлсефне и Снорре приготовились отправиться туда следующей весной. Бьярне и Торхалль Гамласон, упомянутые

ранее, присоединились к нему на корабле. Был человек по имени Торвард, который женился на Фрейдис, внебрачной дочери Эрика Рыжего, и он решил пойти с ними, как и Торвальд, сын [148] Эрика. И Торхолл, обычно называемый Охотником, который летом был егерем Эрика, а зимой - его управляющим, тоже ушел. Этот Торхалль был человеком огромного роста и огромной силы, смуглым и неразговорчивым, а когда он говорил, то всегда в шутку. Он всегда был склонен давать Лейфу дурные советы и был врагом христианства. Он много знал о пустынных землях; и был на одном корабле с Торвордом и Торвальдом. Они воспользовались кораблем, который привез Торбьорна из Исландии. Всего их было от сорока до ста человек. [149] Они приплыли в Западный округ [Гренландии], а оттуда в Бьярни; [150] отсюда они плыли на юг ночь и день. Затем показалась земля, и они спустили на воду лодку и исследовали землю; они нашли большие плоские камни, многие из которых были шириной в двенадцать локтей. Там водилось большое количество лисиц. Они называли эту землю Хеллуланд. [151] Затем они плыли день и ночь южным курсом и прибыли на землю, покрытую лесами, в которых водилось много диких животных. За этой землей, к юго-востоку, лежал остров, на котором они убили медведя. Они называли остров Медвежий остров, [152] а землю - Маркленд. Оттуда они плыли на юг два дня и подошли к мысу. Земля лежала по правому борту корабля, и там были длинные песчаные берега. Они вышли на сушу и нашли на мысе киль корабля, от которого они называли это место Киарларнесс, [153] и берега, которые они также называли Чудо-стрэнд, потому что они казались такими длинными, проплывая мимо. Затем суша стала изрезана бухтами, и они загнали корабль в бухту, [154] куда они направили свой курс. Король Олаф Трюггвессон дал Лейфу двух шотландцев, [155] мужчину по имени Хаки и женщину по имени Хекия; они были быстрее диких животных. Они были на корабле Карлфсефне. И когда они миновали Уандер-стрэнд, они высадили этих шотландцев на берег и велели им пробежать три дня по земле к юго-западу и изучить природу этой земли, а затем вернуться. У них было что-то вроде одежды, которую они называли киафал, сшитой таким образом, что сверху была шляпа, расстегнутая по бокам и без рукавов; застегивалась между ног пуговицей и ремешком, в остальном они были голыми. Когда они вернулись, у одного в руке была гроздь винограда, а у другого - початок кукурузы. Они поднялись на борт, и после этого путь им преградил другой залив. [156] За этим заливом был остров, [157] по обе стороны от которого протекало быстрое течение, которое они называли Островом течений. [158] Там было так много уток-гагарок [159], что они едва могли ступить, не наступив на свои яйца. Они называли это место Стрим-Бэй. [160] Здесь они причалили к берегу на своих кораблях и приготовились остаться. У них был с собой всевозможный скот. Обстановка в этом месте [161] была приятной, но их ничего не интересовало, кроме как исследовать землю. Здесь они перезимовали без достаточного количества пищи. Следующим летом [1008 г. н.э.], когда им не удалось поймать рыбу, они начали нуждаться в пище. Затем Торхолл, Охотник, исчез.

Они нашли Торхалля, которого искали три дня, на вершине скалы, где он лежал, дыша, сморкаясь через нос и рот и что-то бормоча. Они спросили, зачем он туда поехал. Он ответил, что их это не касается. [162] Они сказали, что он должен пойти с ними домой, что он и сделал. Впоследствии кит был выброшен на берег [163] в том месте; и они собрали и разделали его, не зная, что это за кит. Они сварили его с водой, съели и заболели. Тогда Торхолл сказал: "Теперь вы видите, что Тор [164] более готов оказать помощь, чем ваш Христос. Это было выброшено на берег в награду за гимн, который я сочинил моему покровителю Тору, который редко покидает меня." Когда они узнали это, они выбросили все останки кита в море и препоручили свои дела

Богу. После чего воздух стал мягче, и появились возможности для рыбной ловли; и с того времени пищи стало в избытке; и на суше появились звери, на острове - яйца, а в море - рыба.

Говорят, что Торхолл хотел отправиться на север вокруг Уандер-стрэнда, чтобы исследовать Винланд, но Карлсефне пожелала пройти вдоль берега на юг. Тогда Торхалль приготовился на острове, но во всем его отряде было не более девяти человек, а все остальные отправились в сопровождении Карлсефне. Когда Торхолл нес воду на свой корабль, он спел этот куплет:

"Люди говорили, когда сюда я
Пришел, что лучшего
Напитка у меня не было бы, но земля
В этом справедливо винит меня;
Я, воин, теперь обязан
Нести ведро;
Вино не касается моих губ,
Но я склоняюсь перед источником".

И когда они были готовы к отплытию, Торхолл запел:

"Давайте вернемся
Туда, где [наши] соотечественники радуются,
Пусть корабль попробует
плавные морские пути;
Пока сильные герои
Живут на Уандер-стрэнд
И там варят китов,
Что является честью для страны".

После этого он отплыл на север, чтобы обогнуть Уандер-стрэнд и Кьярларнесс, но когда он захотел плыть на запад, их встретил шторм с запада и загнал в Ирландию, где они были избиты и превращены в рабов. И, как сообщили торговцы [165], там Торхолл умер.

Говорят, что Карлсефне со Снорре, Бьярне и его товарищами плыли вдоль побережья на юг. Они долго плыли, пока не добрались до реки, впадающей с суши через озеро в море, где были песчаные отмели, пройти мимо которых было невозможно, разве что во время самого высокого прилива. Карлсефне приплыл со своим народом к устью реки и назвал это место Хопом. [166], имеющих прийти на землю, они увидели, что там, где земля была низкая кукуруза [167] выросла, и где он был выше, лозы были найдены. Все реки были полны рыбы.

Они вырыли ямы там, где начиналась суша и где она была выше всего; и когда спадал прилив, в ямах оказывались священные рыбы [168]. В лесу было великое множество всевозможных диких зверей. Они пробыли там полмесяца и наслаждались жизнью, ничего не замечая; с ними был их скот. И однажды рано утром, когда они огляделись, они увидели великое множество лодок из кожи, и на них были натянуты шесты, и это звучало, как тростник, колеблемый ветром, и они указывали на солнце. Тогда Карлсефне спросила: "Что это может значить?" Снорре Торбрандсон ответил: "Возможно, это знак мира, поэтому давайте возьмем белый щит и направим его к ним". Они так и сделали. После этого они поплыли к ним, удивляясь им, и

пристали к берегу. Эти люди были смуглыми и свирепыми, с густыми волосами на головах; у них были очень большие глаза и широкие щеки. Какое-то время они оставались там и смотрели на встречающих, а потом поплыли на веслах на юг вокруг несса.

Карлсефне и его люди построили свои дома над озером, и некоторые из домов стояли рядом с озером, а другие - дальше. Они перезимовали там, и снега не было, и весь их скот питался травой. [169] Но однажды ранним утром [1009 г. н.э.] они увидели, что с юга вокруг несса плывет множество каноэ; их было так много, как будто море было усеяно углем; на каждой лодке также были раскачаны шесты. Затем Карлсефне и его люди подняли щит, и когда они собрались вместе, то начали торговать; и эти люди предпочли бы красную ткань; за это они предлагали шкуры и настоящие меха. Они также покупали мечи и копья, но Карлсефне и Снорре запретили это. Вместо целой меховой шкуры скреллинги взяли кусок красной ткани длиной в пядь и обвязали им свои головы. Так продолжалась их торговля некоторое время; затем ткани стало не хватать Карлсефне и его людям, и они разрезали ее на мелкие кусочки, которые были не шире мизинца, и все же Скреллинги давали столько же, сколько и раньше, и даже больше.

Случилось так, что бык, который был у Карлсефне, выбежал из леса и громко зарычал; это напугало скреллингов, и они бросились к своим каноэ и поплыли на юг; и после этого их не видели целых три недели. Но по прошествии этого времени было замечено огромное количество кораблей Скреллинга, приближавшихся с юга подобно стремительному потоку, все полюса были повернуты к солнцу, и все они очень громко кричали. Затем люди Карлсефне взяли красный [170] и поднесли его к себе. Скреллинги выпрыгнули из своих кораблей, и после этого они пошли друг против друга и сразились. Последовал горячий ливень из оружия, потому что у скреллингов были пращи. Люди Карлсефне увидели, что они подняли на шесте очень большой шар, что-то вроде овечьего брюшка синего цвета; они запустили им с шеста над людьми Карлсефне, лежащими на земле, и он с громким шумом упал вниз. [171] Это вызвало большой страх у Карлсефне и его людей, так что они думали только о бегстве, и они отступили вдоль реки, ибо им казалось, что скреллинги теснят их со всех сторон; они не останавливались, пока не добрались до каких-то скал, где и заняли стойку. Фрейдис вышла и увидела, что люди Карлсефны отступили, и она закричала: "Почему вы, такие сильные мужчины, бежите перед этими жалкими созданиями, которых, я думала, вы собьете с ног, как скот? И если бы у меня было оружие, думаю, я бы сражался лучше любого из вас. Они не обратили внимания на их слова. Фрейдис хотела пойти с ними, но она шла медленнее, потому что была беременна; тем не менее она последовала за ними в лес. Она нашла в лесу мертвеца; это был Торбранд Снорресон, и в его голове торчал плоский камень; обнаженный меч лежал рядом с ним. Она взяла это в руки и приготовилась защищаться. Тогда к ней подошли Скреллинги; она обнажила свои груди из-под одежды и ударила ими об обнаженный меч; [172] этим скреллинги испугались, убежали на свои корабли и уплыли. Карлсефне и его люди подошли и похвалили ее за храбрость. Двое мужчин пали на стороне Карлсефне, но несколько скреллингов. Группа Карлсефне была превзойдена по численности. И теперь они разошлись по домам и перевязали свои раны; и рассмотрели, что это была за толпа, которая давила на них со стороны суши, и теперь им казалось, что это вряд ли могли быть настоящие люди с кораблей, но что это, должно быть, были оптические иллюзии. Скреллинги тоже нашли мертвеца, и рядом с ним лежал топор; один из них взял топор и нарубил им дров; а потом один за другим сделали то же самое, и им показалось, что это хорошая вещь, и они хорошо нарубили. После этого один из них взял его и рубанул по камню, так что топор сломался, и тогда они подумали, что от него нет пользы, потому что он не режет камень, и они выбросили его.

Карлсефне и его люди теперь думали, что, хотя у этой земли было много хороших качеств, они видели, что они все равно всегда будут подвергаться там нападениям со стороны исконных обитателей. [173] Поэтому они решили уйти и вернуться на свою землю. Они направились на север вдоль берега, [174] и нашли пятерых скреллингов, одетых в шкуры, спящих у моря. У них были с собой сосуды, содержащие костный мозг животных, смешанный с кровью. [175] Люди Карлсефне думали, что эти люди были изгнаны с земли; они убили их. После этого они пришли к яме, и там было много диких зверей, и яма была вся покрыта навозом зверей, которые пролежали там ночь. Теперь они вернулись в Страумфиорд, и там было вдоволь всего, что они хотели иметь. (Таким образом, некоторые люди говорят, что Бьярне и Гудрид остались там, и с ними сто человек, и не пошли дальше; но что Карлсефне и Снорре отправились на юг, и с ними сорок человек, и пробыли в Хо́пе не дольше двух месяцев, и вернулись тем же летом.) [176] Затем Карлсефне отправился на одном корабле на поиски Торхалля Охотника, но остальные остались позади, и они поплыли на север мимо Кьярларнесса, а оттуда на запад, и земля оказалась по левую руку от них. Повсюду, насколько они могли видеть, были дикие леса и почти не было открытых мест. И когда они долго плыли, река вытекла из земли с востока на запад. Они заплыли в устье реки и легли на ее берегу. [177]

Случилось однажды утром, что Карлсефне и его люди увидели напротив, на открытом месте в лесу, пятнышко, которое сверкнуло у них перед глазами, и они позвали его, и это был Односкоростной, [178] который после этого поспешил вниз к берегу реки, где они и залегли. Торвальд Эриксон стоял у руля, и Одноногий пустил стрелу ему в живот. Торвальд вытащил стрелу и сказал: "Она убила меня! Мы пришли в богатую страну, но вряд ли извлечем из нее какую-либо пользу". Торвальд вскоре после этого умер [179] от раны. После этого Одноногий убежал на север; Карлсефне и его люди пошли за ним и видели его время от времени, и в последний раз, когда они видели его, он убежал в бухту. Затем они повернули назад, и какой-то мужчина спел эти стихи:

Люди гнались за
одноногим
До самого пляжа.
Смотри, он бежал
Прямо над морем —
Слышишь ли ты, Торфинн!

Они двинулись на север и увидели страну одноногих; тогда они больше не хотели подвергать своих людей опасности. Они рассматривали горный хребет, который был в Хо́пе, и тот, который они сейчас нашли, [180] как одно целое, и также оказалось, что он одинаковой длины от Страумфиорда до обоих мест. Третью зиму они провели в Страумфиорде. Теперь они сильно разделились из-за партийных чувств, и причиной этого были женщины, потому что те, кто не был женат, причиняли вред тем, кто был женат, и, следовательно, возникало большое беспокойство. Первой осенью родился Снорре, сын Карлсефны, и ему было три года, когда они уехали. Когда они отплыли из Винланда, у них был южный ветер, и затем они прибыли в Маркланд и нашли там пятерых скреллингов, и один был бородатый; две женщины и два мальчика; они забрали мальчиков, но остальные сбежали, и Скреллинги зарылись в землю.

[181] Этих мальчиков они взяли с собой; они научили их языку, и они были крещены. Они называли свою мать Вательди, а своего отца Увеге. Они говорили, что Скреллингами правили два короля, и что одного звали Аваллдания, а другого Вальдидия. Они сказали, что там не было домов; люди лежали в пещерах или в норах. Они сказали, что на другой стороне, прямо напротив их страны, есть земля, где живут люди, которые носят белую одежду и несут перед собой шесты, к которым прикреплены флаги, и они громко кричат; и люди думают, что это земля Белых людей, или Великая Ирландия. [182]

Бьярне Гримольфсона загнали вместе с его кораблем в ирландский океан, и они попали в море червей, [183] и вскоре корабль начал тонуть под ними. У них была лодка, смазанная морским маслом, чтобы черви не нападали на нее. Они вошли в лодку и тут увидели, что она не может вместить их всех. Тогда Бьярне сказал: "Поскольку лодка не вмещает больше половины наших людей, я советую бросить жребий тем, кто сядет в лодку, ибо это будет не по рангу". Это предложение показалось всем им настолько щедрым, что никто не стал бы возражать. Затем они сделали так, что был брошен жребий, и сесть в лодку выпало Бьярне и половине людей вместе с ним, потому что в лодке больше не было места. Но когда они сели в лодку, исландец, который был на корабле и прибыл с Бьярне из Исландии, сказал: "Ты хочешь, Бьярне, оставить меня здесь?" - Похоже на то, - сказал Бьярне. Тогда другой сказал: "Совсем иным было обещание, данное моему отцу, когда я уезжал с тобой из Исландии, чем вот так оставить меня, ибо ты сказал, что нас обоих постигнет одна и та же участь". Бьярне сказал: "Так не будет; спускайся в лодку, а я поднимусь на корабль, раз я вижу, что ты так хочешь жить". [184] Затем Бьярне взошел на корабль, а этот человек спустился в лодку, и после этого они отправились в свое путешествие, пока не прибыли в Дублин, в Ирландии, и там рассказали все это; но большинство людей считают, что Бьярне и его спутники пропали в море червей, поскольку с тех пор о них ничего не было слышно.

РАССКАЗ О ТОРФИННЕ.

Той же зимой [1006-7 гг. н.э.] было много дискуссий о делах Браттахлида; и они затеяли игру в шахматы и искали развлечения в пересказе истории, [185] и во многих других вещах, и смогли радостно проводить жизнь. И Карлсефне и Снорре решили искать Винланд, но об этом было много споров. Но оказалось, что Карлсефне и Снорре подготовили свои корабли для поиска Винланда следующим летом. [1007 год н.э.] И в этом предприятии Бьярне и Торхолл присоединились как товарищи со своим собственным кораблем и командой, которые были их последователями. Был человек по имени Торвальд, родственник [186] Эрика. Торхолла звали Охотником; он долго охотился с Эриком летом и заботился о многих вещах. Торхолл был высокого роста, с крупным и смуглым лицом, жесткого характера, неразговорчивый, мало говорил о делах и, тем не менее, хитрый и злобный, всегда склонный ко злу и настроенный против христианской религии с момента ее первого появления в Гренландии. Торхалль позволял себе мелочи, но тем не менее Эрик привык к его фамильярности. Он плавал на корабле с Торвальдом и был хорошо знаком с необитаемыми местами. Он воспользовался кораблем, на котором прибыл Торбьорн; и Карлсефне нанял товарищей для экспедиции; и с ним была лучшая часть моряков Гренландии. На своих кораблях они перевозили от сорока до ста человек. После этого они отплыли в Вест-бигд и на Бьярни-айл. Они отплыли с острова Бьярни с северным ветром и были в море день и ночь, когда нашли сушу, и, направив лодку к берегу,

исследовали сушу, где нашли много плоских камней таких огромных размеров, что они превышали в длину рост двух человеческих особей. Там водились лисы. И они дали земле имя, и назвали ее Хеллуланд. После этого они плыли ночь и день с северным ветром. Они пришли в страну, в которой были большие леса и много животных. К юго-западу, напротив земли, лежал остров. Здесь они нашли медведя и назвали остров Медвежьим. Эту землю, где росли леса, они называли Маркленд. После дневного и ночного плавания они увидели землю, подплыли к ней поближе и увидели, что это мыс; они держались поближе к берегу, так как ветер дул с правого борта, и оставили землю по правую сторону корабля. Там были места без гаваней, с длинными берегами и песками. Когда они подошли к берегу на лодке, они нашли киль корабля, и они назвали это место Киарларнесс; [187] и они дали берегу имя и назвали его Чудо-стрэнд, потому что они так долго плыли мимо. Затем на сушу вдалась еще одна бухта, и они направились в бухту. [188] Когда Лейф был у короля Олафа Трюггвессона, он послал его установить христианскую религию в Гренландии; затем король дал ему двух шотландцев, мужчину по имени Хек и женщину по имени Гекия. Король сказал Листу взять их со своими людьми, если он хочет, чтобы его приказы выполнялись быстро, поскольку они быстрее зверей. Этих людей Лейф и Эрик отдали Карлсефне в качестве последователей. Когда они подошли к Уандер-стрэнду, они высадили шотландцев на берег и велели им бежать на юг, исследовать местность и вернуться до истечения трех дней. Таким образом, они были одеты в предмет одежды, называемый биафалом; [189] это было сделано так, что сверху была шляпа, открытая по бокам, без подлокотников, застегнутая между ног и застегнутая на пуговицу и ремешок; а остальное было голым.

Они встали на якорь и стояли рядом, пока не прошло три дня, когда они вернулись, у одного в руке была виноградная лоза, а у другого - самосеянная пшеница. Карлсефне сказал, что они нашли плодородную землю. После этого их приняли на корабль, и они продолжили свой путь, пока сушу не пересекла бухта. Они направили корабль в бухту. Снаружи был остров, и вокруг острова был сильный прилив. Это место они называли Страуми. [190] Птиц было великое множество, и едва ли можно было найти место для их лап среди яиц. Затем они направились в длинную бухту, которую называли Страумфиорд, где высадились со своих кораблей и начали готовить жилье. Они привезли с собой всевозможный скот и нашли достаточно пастбищ. Там были горы, и перспектива была приятной. Но их ничего не заботило, кроме как исследовать землю; там было огромное изобилие травы. Здесь они перезимовали, и зима была суровая, и у них не было припасов, они стали испытывать нужду в пище, и им не удавалось поймать рыбу. Поэтому они поплыли к острову, [191] надеясь, что они смогут найти средства к существованию либо на том, что им удастся поймать, либо на том, что было выброшено на берег. Но они нашли немногим лучшую пищу, хотя состояние скота было лучше. [1008 г. н.э.] Впоследствии они молились Богу, чтобы он послал им пищу; на их молитву ответили не так скоро, как хотелось. Затем Торхолл исчез, и были начаты поиски, которые длились три дня. Утром четвертого дня Карлсефне и Бьярне нашли его лежащим на вершине скалы; там он лежал, вытянувшись, с открытыми глазами, дышал ртом и что-то бормотал себе под нос. Они спросили его, зачем он туда пошел. Он ответил, что их это не касается и не должно удивлять, поскольку он достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе сам, не беспокоя их своими делами. Они попросили его пойти с ними домой; что он и сделал. После этого был выброшен кит, и они побежали разделять его; тем не менее, они не знали, какого он вида. И Карлсефне, хотя и была знакома с китами, не знала этого. Потом повара разделали кита, и все они съели его, и от этого их всех затошнило. Тогда Торхолл сказал: "Теперь ясно, что Рыжебородый более скор на помощь, чем

твой Христос. Эта еда - награда за гимн, который я сложил моему богу Тору, который редко покидал меня". Когда они услышали это, никто больше не захотел есть и бросил то, что осталось, со скалы, посвящая себя Богу. После этого появилась возможность охотиться на рыбу, и недостатка в пище не было. Они приплыли в Страумфиорд, и на материке у них было в изобилии еды и охоты, много яиц и морской рыбы.

И теперь они начали обдумывать, где им поселиться дальше. Охотник Торхолл хотел отправиться на север, вокруг Уандер-странда и Кьярларнесса, чтобы исследовать Винланд, но Карлсефне хотела пойти на юго-запад, полагая, что, вероятно, чем дальше они продвинулись на юг, тем больше будут просторы страны. Торхалль собрался на острове, и только девять человек отправились с ним, все остальные корабельщики отправились с Карлсефне. Однажды Торхолл нес воду на свой корабль; он выпил ее и спел этот стих:

"Люди обещали мне, что когда я
приду сюда, то у меня будет лучший напиток
; но страну
я должен донести до всех;
Здесь тебя заставляют вручную
Нести ведро к воде,
я должен наклониться к источнику;
Вино не поднесли к моим губам".

После этого они покинули сушу, и Карлсефне отправилась с ними на остров. Прежде чем они подняли паруса, Торхолл спел эти стихи:

"Давайте вернемся
Домой, к нашим соотечественникам,
Пусть судно попробует
пройти широким морским путем;
Пока настойчивые
люди, которые восхваляют землю,
Строят и варят китов
Здесь, на Уандер-стрэнд".

После этого они поплыли на север, обогнув Уандер-стрэнд и Киаларнесс. Но когда они захотели отправиться на запад, налетела буря и загнала их в Ирландию, где они были избиты и обращены в рабство. Там Торхалль провел свою жизнь. [\[192\]](#)

Карлсефне вместе со Снорре, Бьярне и остальными своими товарищами отплыл на юг. Они долго плыли, пока не пришли к реке, которая текла с суши через озеро и впадала в море. Перед устьем реки были большие острова, и они могли войти в реку только во время самого высокого прилива. [\[193\]](#) Карлсефне приплыл в устье реки и назвал сушу Прыжком. Там они нашли поля, где земля была низкой, с дикой кукурузой, а где земля была высокой, росли виноградные лозы. И каждая река была полна рыбы. Они сделали ямы в песке, там, где прилив был самым высоким, и во время отлива в этих ямах водились священные рыбы, а в лесах водилось великое множество всевозможных зверей. Здесь они пробыли полмесяца, наслаждаясь жизнью, но не

наблюдая ничего нового. Однажды рано утром, оглядевшись по сторонам, они увидели девять кожаных лодок, в которых были шесты, которые, вибрируя навстречу солнцу, издавали звук, похожий на тростник, колеблемый ветром. Тогда Карлсефне спросила: "Как ты думаешь, что это значит?" Снорре сказал: "Возможно, это знак мира; давайте поднимем белый щит и направим его к ним", - так они и сделали. Тогда они поплыли к ним, удивляясь им, и пристали к берегу. Эти люди были маленького роста и свирепые, с густыми волосами, очень большими глазами и широкими щеками. Некоторое время они стояли, удивляясь им, а затем поплыли на юг вокруг мыса. Они построили жилища за озером, другие построили дома рядом с материком, а третьи - рядом с озером. Здесь они провели зиму. Снега не выпало, [194] и весь их скот пасся под открытым небом. Они решили исследовать все горы [195], которые были в Хопе; что и было сделано, они [1009 г. н.э.] поехали и провели третью зиму в Страум-бей. В то время у них были большие раздоры между собой, и незамужние женщины досаждали замужним. Первой осенью родился Снорре, сын Карлсефны, и ему [было три года], когда они уехали. Дул южный ветер, и они пришли в Марклэнд и нашли там пятерых скреллингов, из которых один был мужчина, две женщины и двое мальчиков. Карлсефне забрала мальчиков, а остальные сбежали и провалились под землю. Они унесли мальчиков с собой, научили их языку и крестили. И имя их матери было Ватхельди, а отца - Увеге. Они говорили, что землями Скреллингов правили два короля, одного звали Аваллдания, а другого - Вальдидия; что у них не было домов, но они жили в логовищах и пещерах. В другой части страны был регион, где люди носили белую одежду, громко кричали и несли шесты с флагами. Они думали, что это земля белых людей. После этого они пришли в Гренландию и провели зиму с Лейфом, сыном Эрика Рыжего. Бьярне Гримольфсона вынесло в Гренландское море [196], и он попал в море червей, которое они не наблюдали, пока их корабль не был полон червоточин. Они обдумывали, что следует предпринять. У них была кормовая лодка, смазанная маслом; говорят, что дерево, покрытое маслом, червям не надоест. Результатом совета было то, что в лодку должно сесть столько человек, сколько в нее поместится. Затем оказалось, что в лодку поместится не более половины мужчин. Тогда Бьярне приказал, чтобы мужчины садились в лодку по жребию, а не по рангу. И поскольку всех это не вместило бы, они приняли предложение, и когда был брошен жребий, мужчины сошли с корабля в лодку. И жребий был таков, что Бьярне должен был спуститься с корабля в лодку с половиной людей. Затем те, кому выпал жребий, спустились с корабля в лодку. И когда они сели в лодку, молодой исландец, который был спутником Бьярне, сказал: "Теперь ты собираешься покинуть меня, Бьярне?" Бьярне ответил: "Теперь это кажется необходимым". Он ответил такими словами: "Ты не верен обещанию, данному, когда я покидал дом моего отца в Исландии". Бьярне ответил: "В этом деле я не вижу другого выхода". Продолжая: "Какой курс вы можете предложить?" Он сказал: "Я вижу это, мы меняемся местами, и ты поднимаешься сюда, а я иду туда". Бьярне ответил: "Пусть будет так, поскольку я вижу, что ты так хочешь жить и напуган перспективой смерти". Затем они поменялись местами, и он спустился в лодку вместе с мужчинами, а Бьярне поднялся на корабль. И рассказывают, что Бьярне и матросы, находившиеся с ним на корабле, погибли в море червей. Те, кто плыл в лодке, шли своим курсом, пока не вышли на сушу, где и рассказали все это.

Следующим летом Карлсефне отправился в Исландию со своим сыном Снорре, а сам отправился в свой собственный дом в Рейкианессе. Дочерью Снорре, сына Карлсефне, была Халльфрида, мать епископа Торлака Рунольфсона. У них родился сын по имени Торбьорн, дочь которого звали Торуна, мать епископа Бьярне. Торгейр - так звали другого сына Снорре Карлсефне, отца Ингвельд и матери первого епископа Бранда. И это конец истории.

ТРЕТЬЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Тем же летом из Норвегии в Гренландию прибыл корабль. Человека звали Торфинн Карлсефне, он управлял кораблем. Он был сыном Торда Хестхефде, сына Снорре Тордарсона из Хефды. Торфинн Карлсефне был очень богатым человеком и жил в Браттахлиде вместе с Лейфом Эрикссоном. Вскоре он влюбился в Гудрид и ухаживал за ней, и она попросила Лейфа ответить за нее. Впоследствии она была обручена с ним, и их свадьба состоялась той же зимой. В то время, как и прежде, много говорилось о путешествии в Винланд; и Гудрид, и другие во многом убедили Карлсефне в необходимости этого похода. Теперь эта экспедиция была решена, и они подготовили команду из шестидесяти мужчин и пяти женщин; [197] и затем они заключили соглашение, Карлсефне и его люди, что каждый из них должен иметь равную долю в том, что они заработали. У них были с собой все виды крупного рогатого скота, [198] имея намерение поселиться на этой земле, если смогут. Карлсефне попросила у Лейфа его дома в Винланде, но он сказал, что одолжит их, но не отдаст. Затем они вышли в море на корабле и добрались до домов Лейфа [199] невредимые, и подняли свои товары, вскоре у них в руках был большой и ценный приз, потому что на берег вытащили кита, большого и превосходного. [200] Они пошли к нему и разделали его, и не было у них недостатка в пище. Их скот пошел в ту землю; но вскоре они стали неуправляемыми и доставляли им неприятности, с ними был один бык. Карлсефне приказала срубить дрова для отправки и разложила их сушиться на камне. У них было все хорошее из продуктов земли, которыми были эти продукты: и виноград, и древесина, и другие продукты. После той первой зимы и когда наступило лето [1008 г. н.э.], они узнали о присутствии там скреллингов; и большой отряд людей вышел из леса. Скот был совсем близко от них, и бык начал очень громко мычать и реветь, и при этом скреллинги испугались и убежали со своими узлами — а это были меха, соболи и всевозможные шкуры; и они повернулись и хотели войти в дома, но Карлсефне загородила двери. Ни одна из сторон не понимала языка другой. Тогда Скреллинги взяли свои свертки, развернули их и хотели получить оружие в обмен на него, но Карлсефне запретил своим людям продавать оружие. Затем он согласовал с ними этот план: он сказал женщинам приносить им молоко и молочные продукты; и когда они увидят эти вещи, они купят их и ничего больше. И теперь торговля для скреллингов была такова, что они уносили свой выигрыш в желудках; а Карлсефне и его товарищи получили и свои сумки, и изделия из кожи, и так они ушли. А теперь следует рассказать, что Карлсефне приказала возвести вокруг жилища хорошую крепкую ограду и укрепила ее для обороны. В это время Гудрид, [201] Жена Карлсефне, ждала ребенка мужского пола, и ребенка называли Снорре. В начале следующей зимы к ним снова пришли скреллинги, на этот раз в гораздо большем количестве, чем раньше, и с теми же товарами. Затем Карлсефне обратилась к женщинам: "Теперь вы должны подать ту же еду, которая больше всего понравилась в прошлый раз, и ничего больше". И когда они увидели это, то перебросили свои узелки через забор, а Гудрид села у внутренней двери, у колыбели Снорре, своего сына. Затем на дверь легла тень, и вошла женщина в черной юбке, довольно короткая, с повязкой на голове; светлые, желтые волосы; бледная; с большими глазами, такими большими, что никто никогда не видел таких глаз на человеческой голове. Она подошла к тому месту, где сидела Гудрид, и спросила: "Как тебя зовут?" "Меня зовут Гудрид, а как зовут тебя?" "Меня зовут Гудрид, - сказала она". Тогда добрая жена Гудрид протянула ей руку, чтобы она могла сесть рядом с ней. И в то же время Гудрид слышала сильный шум, и женщина исчезла; [202] и в то же время один из скреллингов был убит одним из слуг Карлсефне, потому что он собирался забрать одно из их оружия; и они убежали как можно скорее, оставив

после себя вещи и одежду. Никто, кроме Гудрид, не видел эту женщину. "Теперь, - говорит Карлсефне, - мы должны быть осторожны и посоветоваться, потому что я думаю, что они придут в третий раз с враждебностью и большим количеством людей. Теперь мы примем план, согласно которому десять человек отправятся в ущелье и покажутся там, а остальные наши люди пойдут в лес и подготовят выгон для нашего скота на тот момент, когда враг выйдет из леса; и мы поведем быка впереди нас и пустим его впереди ". И случилось так, что в том месте, где они должны были встретиться, с одной стороны было озеро, а с другой - лес. План, изложенный Карлсефне, был принят. Скреллинги пришли к месту, где Карлсефне намеревалась сразиться; и там произошла битва, и многие из Скреллингов пали. Среди племени скреллингов был один полный, красивый мужчина, и Карлсефне подумала, что он, должно быть, их вождь. Один из скреллингов взял топор, некоторое время смотрел на него, затем замахнулся им на одного из своих товарищей и зарубил его, так что тот мгновенно упал замертво. Затем толстый мужчина взял топор, [203] посмотрел на него некоторое время и забросил в море как можно дальше. Затем они убежали в лес так быстро, как только могли, и так закончили драку. Карлсефне пробыл там со своими людьми всю зиму; но ближе к весне он дал понять, что больше там не останется и вернется в Гренландию. [204] Теперь они приготовились к своему путешествию и взяли оттуда много товаров — виноградную лозу и кожаные изделия. Они вышли в море, и их корабль прибыл в Эриксфьорд, и они провели там зиму.

Следующим летом, [205] [1011 г. н.э.] Карлсефне отправился в Исландию, и Гудрид вместе с ним, а он вернулся домой, в Рейкианесс. Его мать считала, что он сделал плохую партию, и по этой причине Гудрид не было дома в первую зиму. Но когда она увидела, что Гудрид благородная женщина, она вернулась домой, и они хорошо поладили. Халфрид была дочерью Снорре Карлсефнессона, матерью епископа Торлака Рунольфсона. Их сына звали Торбьорн, а его дочь - Торуна, мать епископа Бьорна. Торгейр был сыном Снорре Карлсефнессона, отца Ингвельд, матери первого епископа Бранда. У Снорре Карлсефнессона была дочь Стейнун, которая вышла замуж за Эйнара, сына Грундаркетила, сына Торвальда Крока, сына Торера, из Эспихоля; их сыном был Торстейн Рауглатр. Он был отцом Гудрун, которая вышла замуж за Йорунда из Кельдума. Халла была их дочерью, и она была матерью Флозе, отца Вальгерды, которая была матерью герра Эрланда Стерки, отца герра Хаука, лагмана. [206] Другой дочерью Флозе была Тордис, мать фру Ингигерд Богатой; ее дочерью была фру Халльбера, настоятельница Штада в Рейкианессе. Многие другие выдающиеся люди Исландии являются потомками Карлсефне и Турид, которые здесь не упомянуты. Да пребудет с нами Бог. Аминь.

VIII. ПУТЕШЕСТВИЕ ФРЕЙДИС, ХЕЛЬГЕ И ФИНБОГЕ.

Это повествование можно найти в *"Древностях Америки"*, стр. 65. Это показывает, что история исландцев не была подчинена семейным интересам. В заключение у нас есть (дополнительное) уведомление о Торфинне и Гудрид после их возвращения в Исландию.

Теперь разговор снова зашел о путешествии в Винланд, поскольку экспедиция была одновременно прибыльной и почетной. Тем же летом [1010 г. н.э.], когда Карлсефне вернулся из Винланда, в Гренландию прибыл корабль из Норвегии. Кораблем командовали два брата, Хельге и Финбоге; и той зимой они остались в Гренландии. Братья были исландского

происхождения из Эрлфьорда. Теперь следует рассказать, что Фрейдис, дочь Эрика, вернулась домой из Гарда, [207] и отправилась в жилище Финбога и Хельге, и предложила им отправиться в Винланд на своем судне и взять с собой половину всех товаров, которые они смогут там достать. Они согласились на это. Затем она отправилась в обитель своего брата Лейфа и попросила его отдать ей дома, которые он построил в Винланде; и он ответил, как и прежде, что даст займы, но не отдаст дома. Между братьями и Фрейдис было условлено, что у каждого должно быть по тридцать бойцов, не считая женщин. Но Фрейдис нарушила это, и взяла с собой еще пятерых человек, и спрятала их; и братья ничего не знали об этом, пока не прибыли в Винланд. Они отправились в море и заранее договорились отплыть вместе, если смогут; и разница была невелика, хотя братья приехали немного раньше и отнесли свой багаж в дома Лейфа. И когда Фрейдис сошла на берег, ее люди разгрузили корабль и отнесли ее багаж в дом. Тогда Фрейдис сказала: "Зачем ты несешь сюда свои вещи?" "Потому что мы подумали, - сказали они, - что соглашение с нами в целом должно быть выполнено". Она сказала: "Лейф одолжил дома мне, а не вам". Тогда сказал Хельге: "Во зло мы, братья, не можем бороться с тобою", - и вынес их багаж, и соорудил сарай, и построил его дальше от моря, на берегу озера, [209] и привел все в порядок. Фрейдис разрешила срубить деревья для груза на свой корабль. Наступила зима, и братья предложили поиграть, чтобы скоротать время. Так продолжалось некоторое время, пока между ними не разладились, и игры прекратились, и никто не переходил из одного дома в другой; и так продолжалось большую часть зимы. Случилось так, что однажды утром Фрейдис встала со своей койки и надела одежду, но не обувь; а погода была такая, что выпало много росы. Она накинула на себя плащ своего мужа и вышла, и направилась к дому братьев, к двери. Мужчина вышел незадолго до этого и оставил дверь за собой наполовину закрытой. Она приоткрыла дверь, постояла немного на пороге и помолчала. Финбог лежал дальше всех в хижине и не спал. - Что ты будешь здесь есть, Фрейдис? - спросил он. Она сказала: "Я хочу, чтобы ты встал и вышел со мной, потому что я хочу поговорить с тобой". Он так и сделал: они подошли к дереву, которое росло под карнизом хижины, и сели. "Как тебе нравится это место?" - спросила она. Он сказал: "Местность, по-моему, хорошая; но мне не нравится эта ссора, которая возникла между нами, потому что я думаю, что для нее нет причины". "Ты прав, - сказала она, - и я тоже так думаю; и мое поручение к твоему дому состоит в том, что я хочу купить корабль твоих братьев, поскольку твой корабль больше моего, и я хотел бы уехать отсюда". "Пусть будет так, - сказал он, - если это доставит тебе удовольствие". Итак, они расстались, и она отправилась домой, а Финбог - в свою постель. Она поднялась на свою койку и своими замерзшими ногами разбудила Торварда, который спросил, почему она такая холодная и мокрая. Она ответила с большой теплотой: "Я пошла к этим братьям, - сказала она, - поговорить об их корабле, потому что мне нужен корабль побольше; [210] и они восприняли это так плохо, что били и оскорбляли меня. И ты, бесполезный человек! не стану мстить ни за свое оскорбление, ни за свое собственное; и теперь я должен чувствовать, что нахожусь вдали от Гренландии, но я отделю [211] от тебя, если ты не отомстишь за это". И теперь он не мог вынести ее упреков и приказал своим людям подняться как можно быстрее и взять свое оружие. Они так и сделали, и пошли к палаткам братьев, и вошли внутрь, когда те спали, и схватили их всех, связали и вывели связанными, одного за другим, и Фрейдис приказала предать смерти каждого из них, когда он выходил. Теперь все мужчины были убиты; но женщины остались, и никто не хотел их убивать. Тогда Фрейдис сказала: "Дай мне в руки топор". Это было сделано, и она набросилась на тех пятерых женщин и не сдавалась до тех пор, пока все они не были мертвы. Теперь они вернулись в свою хижину после этого злодеяния; и люди могли только заметить, что Фрейдис считала, что она поступила чрезвычайно хорошо; и она сказала своим товарищам:

"Если нам суждено вернуться в Гренландию, я лишу жизни человека, который расскажет об этом деле; и мы скажем, что оставили их здесь, когда уходили". Ранней весной [1011 г. н.э.] они подготовили корабль, принадлежавший братьям, со всеми товарами, которые они могли взять на борт и которые мог перевезти корабль, вышли в море и совершили удачное плавание; и корабль рано летом пришел в Эриксфьорд. Карлсефне все еще был там, [212] и его корабль был готов к выходу в море, но ждал ветра; и было распространено мнение, что никогда более богатый корабль не отплывал из Гренландии, чем тот, которым он управлял.

Теперь Фрейдис отправилась домой, в свой дом, который до сих пор стоял целым и невредимым. Она одарила своих последователей множеством подарков, чтобы они могли скрыть ее порочность, и теперь она оставалась на своей ферме. Не все были настолько молчаливы о своих проступках и порочности, чтобы что-то не всплыло по этому поводу. Наконец это дошло до ушей Лейфа, ее брата, и он счел это сообщение очень плохим. Лейф схватил трех человек из последователей Фрейдис и пытками заставил их заговорить, и они признались во всем, и их рассказы сошлись воедино. "Мне все равно, - говорит Лейф, - обращаться с моей сестрой так, как она того заслуживает; но я предсказываю им, что их потомство никогда не будет процветать". И пошло так, что с того времени никто не думал о них ничего, кроме зла. [213] Теперь мы должны сказать, что Карлсефне подготовил свой корабль и вышел в море. [214] Он добрался благополучно до Норвегии и оставался там всю зиму и продавал свои товары; и он, и его жена пользовались уважением у лучших людей Норвегии. Следующей весной он снарядил свой корабль для Исландии, и когда он был полностью готов, а его корабль стоял у причала в ожидании попутного ветра, к нему пришел человек с юга, из Бремена, что в саксонской земле, который согласился работать с ним в качестве домашнего адвоката. [215] "Я не буду это продавать", - сказал он. "Я дам тебе за это полмарки золотом", - сказал человек с юга. Карлсефне подумал, что это хорошее предложение, и соответственно продал его. Житель южной страны ушел со своим домашним брусом, и Карлсефне не знала, что это за дерево. Это был массур-вуд [216] из Винланда. Теперь Карлсефне вышел в море, [1012 г. н.э.] и его корабль причалил к северу от Скагафьорда, [217] и там он поставил свое судно на зимовку. Весной он купил Glambæirland, [218] где он поселился и жил там, пока был жив, и был человеком большого уважения; и многие мужчины произошли от него и его жены Гудрид, и это была хорошая семья. Когда Карлсефне умерла, Гудрид взяла на себя управление его поместьями и ее сыном Снорре, который родился в Винланде. И когда Снорре женился, Гудрид уехала из страны и отправилась на юг, [219] и снова вернулась в поместье Снорре, и он построил церковь в Гламбе. Впоследствии Гудрид стала монахиней и вела жизнь отшельницы, и делала это до тех пор, пока была жива. [220] У Снорре был сын по имени Торгейр, который был отцом матери епископа Бранда, Ингвельд. Дочь Снорре Карлсефнессона звали Хальфрид. Она была матерью Рунольфа, отца епископа Торлака. У Карлсефне и Гудрид также был сын по имени Бьерн. Он был отцом Торуны, матери епископа Бьерна. Многие люди происходят от Карлсефне, и его родственникам повезло; и Карлсефне дал самые подробные отчеты обо всех этих путешествиях, о которых здесь кое-что рассказывается.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ.

Я - МАРСОН В СТРАНЕ ХВИТРАМАННА.

Этот рассказ взят из "*Ланднама-бок*", № 107. Фолио; сопоставлено с Хауксбоком, Мелабоком и другими рукописями в *Арне-Магнейской* коллекции.

Часто отмечалось, что *Ланднама-бок* пользуется высочайшим авторитетом; однако мы должны помнить, что это лишь доказывает тот факт, что Рафн, лимерикский торговец, передал повествование в Исландию из Ирландии, где обстоятельства были хорошо известны. *Ланднама-бок*, хотя и дает молчаливое одобрение утверждениям повествования, не затрагивает вопроса о местонахождении места, куда отправился Аре Марсон. Поэтому, хотя мы и принимаем это повествование за подлинную историю, нам следует проявлять должную осторожность при определении местонахождения Хвитраманны-земли. Мы ничего не добьемся, делая какие-либо принудительные выводы из повествования, особенно учитывая, что доколумбово открытие Америки полностью доказано без помощи этого или любого другого второстепенного повествования.

Ульф Косоглазый, сын Хогни Белого, захватил весь Рейкианесс между Торкафьордом и Хафрафеллем; он женился на Бьорг, дочери Эйвинда Восточного, [221] сестра Хельге Худощавой. У них был сын по имени Атли Рыжий, который женился на Торбиорг, сестре Стейнольфа Смиренного. Их сына звали Мар из Холума, который женился на Торкатле, дочери Хергила Непрасса. У нее был сын по имени Аре, которого [928 г. н.э.] шторм унес на землю Белых людей, [222] которую некоторые называют Великой Ирландией, которая лежит в Западном океане напротив Винланда, шесть [223] дней плавания к западу от Ирландии. Аре не разрешили уйти, и он был крещен [224] там. Впервые об этом рассказал Рафн, торговец лаймомРик, который долгое время жил в Ирландии. Так же и Торкель, сын Геллера, рассказывает, что некоторые исландцы, которые слышали слова Торфинна, ярла Оркнейского, говорили, что Аре видели и знали в стране Белых людей, и что, хотя ему не разрешили покинуть ее, он пользовался большим почетом. У Аре была жена по имени Торгейр, дочь Альфа из Долума. Их сыновьями были Торгильс, Гудлейв и Иллуге, то есть семья Рейкианесс. Йорунд был сыном Ульфа Косоглазого. Он женился на Торбиорге Кнаррабринге. У них была дочь Торхильд, на которой женился Эрик Рыжий. У них был сын, Лейф Удачливый из Гренландии. Йорунд - так звали сына Атли Рыжего; он женился на Тордис, дочери Торгейра Суда; их дочерью была Торкатла, которая вышла замуж за Торгильса Коллсона. Йорунд также был отцом Снорре. [225]

II. БЬОРН АСБРАНДСОН.

Это повествование взято из "*Саги об Эйрбиггии*", которая содержит раннюю историю той части Исландии, которая лежит вокруг Снайфеллс, на западном побережье. Эта сага датируется не

позднее тринадцатого века. Оно приведено здесь не потому, что оно в значительной степени относится к рассматриваемому вопросу об открытии Америки в доколумбову эпоху, а скорее потому, что оно позволит читателю полностью познакомиться с героем, который появится впоследствии.

УБорка Толстого и Тордис, дочери Сура, была дочь по имени Турид, которая вышла замуж за Торбьерна Толстого, живущего в поместье Фрода. Он был сыном Орна Худошавого, который владел фермой Фрода и возделывал ее. Торбьерн до этого был женат на Турид, дочери Асбранда из Камба в Брейдавики и сестре Бьорна Брейдавикинга Атлета, который вскоре будет упомянут в этой Саге, и Арнбьерна Ловкого. Сыновьями Торбьерна и Турид были Кетиль Чемпион, Гуннлауг и Халльштейн.

Теперь это должно быть связано со священником Снорре, [226] что он взялся за дело об убийстве Торбьерна, своего родственника. Он также вынудил свою сестру переехать в его собственный дом в Хельгефелле, потому что стало известно, что Бьорн Асбранд из Камба оказывал ей неподобающее внимание.

Жил-был человек по имени Тородд с Медалфеллс-Стрэнд, честный человек и хороший торговец. У него было торговое судно, на котором он плавал в далекие страны. Тородд отплыл на запад, [227] в Дублин, в торговое путешествие. В то время Сигурд [228] Хлодверсон, граф Оркнейских островов, совершил экспедицию на запад, к Гебридским островам и Человеку, и наложил дань на обитаемую часть Человека. Установив мир, он оставил людей собирать дань; сам граф вернулся на Оркнейские острова. Те, кто остался собирать дань, собрали все необходимое и отплыли с юго-западным ветром. Но после того, как они проплыли некоторое время на юго-восток и восточнее, поднялся сильный шторм, который погнал их на север до самой Ирландии, и их судно выбросило на бесплодный, необитаемый остров. Как только они достигли острова, исландец Тородд приплыл из Дублина. Потерпевшие кораблекрушение умоляли о помощи. Тородд спустил лодку и сам отправился к ним. Когда он добрался до них, агенты Сигурда пообещали ему денег, если он доставит их в их дом на Оркнейских островах. Когда он сказал им, что ни в коем случае не может этого сделать, поскольку уже все приготовил для возвращения в Исландию, они стали умолять еще усерднее, полагая, что ни их деньги, ни их свобода не будут в безопасности в Ирландии или на Гебридских островах, куда они незадолго до этого прибыли с вражеской армией. Наконец Тородд пришел к тому, что он продаст им баркас своего корабля за большую сумму дани; на нем они добрались до Оркнейских островов, и Тородд отплыл в Исландию без лодки. Достигнув южного берега острова, он взял курс вдоль побережья на запад, вошел в Брейдафьорд и прибыл в гавань Дегурдарнесса. Той же осенью он отправился в Хельгефелл, чтобы провести зиму у Жреца Снорре; и с тех пор его звали Тородд, Собиратель Дани. Это произошло сразу после убийства Торбьерна Толстого. Той же зимой Турид, сестра жреца Снорре, которая была женой Торбьерна Толстого, находилась в Хельгефелле. Тородд сделал предложение руки и сердца священнику Снорре по отношению к Турид. Будучи богатым, и Снорре знал, что у него хорошая репутация, и что он был бы полезен в поддержке его управления делами, он согласился. Поэтому их свадьба была отпразднована этой зимой в доме Снорре в Хельгефелле. Следующей весной Тородд обосновался в Фроде и считался честным человеком. Но когда Турид отправилась к Фроде, Бирн Асбрандсон часто навещал ее, и ходили слухи, что он осквернил ее целомудрие. Тородд тщетно пытался положить

конец этим посещениям. В то время Тородд Деревянный Сабо жил в Арнахвале. Его сыновья Орд и Вэл были взрослыми и подающими большие надежды юношами. Эти люди обвинили Тородда в том, что он позволил Бирну так сильно оскорбить себя, и предложили ему свою помощь, если пожелают, чтобы положить конец его приходу. Случилось так, что однажды, когда Бирн пришел к Фроде, он сидел с Турид и разговаривал. У Тородда было в обычае, когда Бирн был дома, сидеть дома. Но теперь его нигде не было видно. Тогда Турид сказал: "Будь осторожен, Бьорн, ибо я боюсь, что Тородд хочет положить конец твоим визитам сюда; я думаю, он обезопасил дорогу и собирается напасть на тебя и одолеть неравным числом". Бьорн ответил: "Это возможно", - а затем спел следующие стихи:

О Богиня, [229], которую украшает браслет,
В этот день (я задерживаюсь
В объятиях моей возлюбленной)
Дольше всех остаюсь на небесах,
Чего мы оба, должно быть, желаем;
Ибо этой ночью меня тянет
Выпить за родителей [230]
О моих часто уходящих радостях.

Сделав это, Бирн взял свое оружие и пошел возвращаться домой. Когда он поднимался на холм Диграмула, на него выскочили пятеро мужчин из своего укрытия. Это были Тородд и двое его людей, а также сыновья Торора Деревянного Клога. Они напали на Бирна, но он храбро и хорошо защищался. Сыновья Торора напали на него, но он убил их обоих. Затем Тородд бежал со своими людьми, хотя сам он был лишь слегка ранен, а остальные - нет. Бирн шел дальше, пока не добрался до дома и не вошел в него. Хозяйка дома [231] приказал горничной поставить перед ним еду. Когда служанка вошла в комнату со светом и увидела Бьерна раненым, она пошла и сказала Асбранду, его отцу, что Бьерн вернулся весь в крови. Асбранд вошел в комнату и спросил, в чем причина его ран. Он сказал: "Вы с Тороддом подрались?" Бирн ответил, что так оно и было. Асбранд спросил, чем закончился роман. Бирн ответил такими стихами:

Не так-то легко сражаться с храбрым человеком
;
(Теперь я убил двух сыновей Деревянного Сабо
).
Как для командира корабля,
Женщину обнять,
Или для трусливого,
Золотую дань купить. [232]

Асбранд перевязал раны своего сына, и вскоре его силы восстановились. Тородд отправился к жрецу Снорре, чтобы поговорить с ним о возбуждении судебного дела против Бирна в связи с убийством сыновей Торора. Этот иск был подан в суд Торснесинга. Было решено, что Асбранд, который стал поручителем за своего сына, должен выплатить обычные штрафы. Бьорн был сослан на три года, [233] и уехал за границу тем же летом. Тем летом у Турида родился сын, которого называли Киартен. Он вырос дома, в Фроде, и рано подал большие надежды.

Когда Бирн пересек море, он прибыл в Данию, а оттуда направился в Йомсберг. В то время Пальнатоки был капитаном Jomsberg [234] Викинги. Бьорн был принят в команду и получил звание Спортсмена. Он был в Йомсберге, когда Стирбьерн Выносливый напал на него. Он отправился в Швецию, когда йомсбергские викинги помогли Стирбьерну; [235] он участвовал в битве при Тинсвалле, в которой был убит Стирбьерн, и сбежал с другими йомсбергскими викингами в лес. Пока Пальнатоки был жив, Бирн оставался с ним, выделяясь среди всех как человек замечательной храбрости.

Тем же летом [996 г. н.э.] братья Бьерн и Арнбьерн вернулись в Исландию, в Ренхавнсос. Впоследствии Бьерна всегда называли Спортсменом Брейдавика. Тем же летом Арнбьерн, разбогатевший за границей, купил поместье Бакка в Раунхавне. Он жил там без всякой показухи и в большинстве дел был молчалив, но, тем не менее, был человеком активным во всем. Бирн, его брат, после возвращения из-за границы жил в великолепии и элегантности, поскольку за время своего отсутствия он по-настоящему перенял манеры придворных. Он намного превосходил Арнбьерна по внешнему виду и был не менее активен в исполнении. Он был намного опытнее своего брата в боевых упражнениях, значительно продвинувшись за границей. Тем же летом после его возвращения состоялось общее собрание возле Хедбринка, [236] в заливе Фрода. Все купцы ехали туда верхом, одетые в цветные одежды, и там было великое собрание. Там была домохозяйка Турид из Фроды, с которой Бирн начал разговор; никто не осуждал, потому что все ожидали, что их разговор будет долгим, поскольку они давненько не виделись. В тот же день произошла драка, и один из норденфилдцев был смертельно ранен, и его отнесли под куст на пляже; из раны вытекло так много крови, что в кустах образовалась большая лужа. Мальчик Киартен, Турид, сын Фроды, был там; у него в руке был маленький топорик, он подбежал к кусту и обмакнул топорик в кровь. Когда люди Сонденсфилда двинулись с берега на юг, Торд Блиг спросил Бирна, чем закончился разговор между ним и Туридом из Фроды. Бирн сказал, что он вполне удовлетворен. Тогда Торд спросил, видел ли он мальчика Киартена, их с Тороддом сына. "Я видел его", - сказал Бьерн. "Каково твоё мнение о нём?" - спросил Торд. Бьерн ответил следующей песней:

"Я видел, как мальчик побежал
С испуганными глазами, в образе
женщины, к
волчьему колодцу" [237] в лесу;
Люди скажут,
Что его настоящим отцом [был]
Тот, кто бороздил море,
Этого мальчик не знает".

Торд спросил: "Что скажет Тородд, когда услышит, что мальчик принадлежит тебе?" Затем Бирн пропел:

"Тогда подозрения
Тородда
женщины благородного происхождения сбудутся, когда она подарит мне
таких же сыновей;

Всегда стройная,
Белоснежная женщина любила меня,
я по-прежнему для нее
любовник".

- Для вас будет лучше, - сказал Торд, - если вы не будете иметь ничего общего друг с другом и измените свои мысли. "Это, конечно, хорошая идея, - сказал Бирн, - но это далеко от моих намерений; хотя есть некоторая разница, когда мне приходится иметь дело с такими людьми, как ее брат Снорре". "Ты должен сам заниматься своими делами", - сказал Торд, и на этом их разговор закончился. После этого Бирн вернулся домой, в Камб, и взял дела семьи в свои руки, поскольку его отец к тому времени умер. Следующей зимой он решил совершить путешествие через холмы, в Турид. Хотя Торроду это не нравилось, он тем не менее видел, что предотвратить это было нелегко, так как до того, как он потерпел поражение от него, Бирн был намного сильнее и искуснее в обращении с оружием, чем раньше. Поэтому он подкупил Торгрима Галдракина, чтобы тот поднял снежную бурю против Бирна, когда тот пересечет холмы. Когда настал день, Бирн отправился в путешествие к Фроде. Когда он решил вернуться домой, небо потемнело и началась снежная буря. Когда он поднялся на холмы, стало очень холодно, а снег валил так густо, что он не мог видеть дорогу. Вскоре сила шторма возросла настолько, что он едва мог ходить. Его одежда, уже промокшая насквозь, примерзла к телу, и он побрел, сам не зная куда. Ночью он добрался до пещеры и провел ночь в этом холодном доме. Затем Бирн запел:

"Женщине, которая носит самое
облачение, [\[238\]](#)
Не понравилось бы мое
жилище в такую бурю
, Если бы она знала, что
Тот, кто раньше управлял кораблями,
теперь в скальной пещере
Лежит окоченевший и замерзший".

Он снова запел:

"Холодное поле лебедей,
С востока на груженом корабле я вспахал,
Потому что женщина внушила мне любовь;
Я знаю, что мне пришлось пережить большие неприятности,
И теперь, на какое-то время, герой
Не в постели женщины, а в пещере".

Бирн пробыл в пещере три дня, пока буря не утихла; и на четвертый день он вернулся домой с горы в Камб. Он был очень усталым. Прислуга спросила его, где он был во время грозы. Бирн спел:

"Мои подвиги под гордым знаменем
Штирбьерна известны.
Случилось так, что закованный в сталь Эрик
Убивал людей в битве;
Теперь я на широкой пустоши
Сбилсся с пути [и],
Не смог найти дорогу из-за сильной, как у ведьмы,
бури". [239]

Остаток зимы Бьорн провел дома; следующей весной его брат Арнбьерн поселился в Бакке, в Раунхафне, но Бьорн жил в Камбе, и у него был большой дом

Тем же летом Сборщик Дани Тородд пригласил Жреца Снорре, своего родственника, на пир в свой дом во Фроде. Снорре отправился туда с двадцатью людьми. Входе застолья Тородд рассказал Снорре, как сильно он был обижен и опозорен визитами Бирна Асбрандсона к Турид, своей жене, сестре Снорре, сказав, что со стороны Снорре было правильно покончить с этим скандалом. Снорре, проведя несколько дней за пиршеством с Тороддом, вернулся домой со множеством подарков. Тогда священник Снорре объехал холмы и распространил слух, что он спускается к своему кораблю в заливе Раунхафн. Это произошло летом, во время сенокоса. Когда он зашел так далеко на юг, к Камбианским холмам, Снорре сказал: "Теперь давайте вернемся с холмов в Камб; да будет вам известно, - добавил он, - что я хочу сделать. Я решил напасть на Бьорна и уничтожить его. Но я не хочу нападать и уничтожать его в его доме, потому что он сильный, а Бирн крепкий и активный, в то время как нас мало. Даже те, кто с большей численностью нападали на храбрецов в их домах, потерпели неудачу; пример этого вы знаете в случае с Гиссуром Белым; который, когда с восьмьюдесятью людьми они напали на Гуннара [240] из Литенда, один в своем доме, многие были ранены и многие были убиты, и они были бы вынуждены прекратить атаку, если бы Гейр не был убит. Священник так и не узнал, что у Гуннара не хватало стрел. Поэтому, - сказал он, - поскольку мы можем ожидать застать Бирна на улице, поскольку сейчас время сенокоса, я назначаю тебя, моего родственника Мара, нанести ему первую рану; но я хотел бы, чтобы ты знал, что здесь нет места для детских игр, и ты должен ожидать схватки с голодным волком, если только твоя первая рана не станет для него смертельным ударом. Когда они ехали с холмов к его усадьбе, они увидели Бьерна в поле; он мастерил сани, [241] и рядом с ним никого не было. У него не было никакого оружия, кроме маленького топорика и большого ножа в руке длиной в пядь, которым он заделывал дыры в санях. Бирн увидел Снорре, спускающегося с холмов, и узнал их. На священнике Снорре был синий плащ, и он ехал первым. Внезапно Бирну пришла в голову мысль, что он должен взять свой нож и как можно быстрее отправиться им навстречу, и как только он доберется до них, схватить Снорре за рукав одной рукой, а нож держать в другой, чтобы он мог пронзить Снорре в сердце, если увидит, что этого требует его собственная безопасность. Выйдя им навстречу, Бирн приветствовал их, и Снорре ответил на приветствие. Руки Мара опустились, ибо он увидел, что если он нападет на Бирна, тот сразу же убьет Снорре. Затем Бирн пошел вместе со Снорре и его товарищами, спросил, какие новости, не поднимая рук, как и вначале. Затем он сказал: "Я не буду пытаться скрыть, сосед Снорре, что мое нынешнее отношение и внешний вид кажутся тебе угрожающими, что может показаться неправильным, но я понял, что твой приход враждебен. Теперь я желаю, чтобы, если у вас есть ко мне какое-либо дело, вы избрали иной курс, чем тот, который вы намеревались, и сделали это открыто. Если нет, я хочу, чтобы вы

заклучили мир, а когда это будет сделано, я вернусь к своей работе, поскольку не хочу, чтобы меня водили за нос, как дурака ". Снорре ответил: "Наша встреча сложилась так, что на этот раз мы расстанемся с тем же миром, что и раньше; но я хочу получить от тебя обещание, что с этого времени ты прекратишь посещать Турид, потому что, если ты будешь продолжать в том же духе, между нами никогда не сможет быть настоящей дружбы". Бирн ответил: "Это я обещаю и сдержу это; но я не знаю, как я смогу сдержать это, пока Турид и я живем в одной стране". "Ничто так сильно не связывает тебя здесь, - сказал Снорре, - как то, что удерживает тебя от поездки в какую-нибудь другую страну". "То, что ты сейчас говоришь, правда", - ответил Бирн, "и пусть так и будет, и пусть наша встреча закончится этим обещанием, что ни у тебя, ни у Торордда не будет никаких неприятностей от моих визитов в Турид в следующем году". На этом они расстались. Священник Снорре спустился на свой корабль, а затем отправился домой, в Хельгефелл. На следующий день Бирн отправился на юг, в Раунхафн, и нанялся на корабль на то же лето. [999 г. н.э.] Когда все было готово, они отплыли при северо-восточном ветре, который дул большую часть того лета. О судьбе корабля очень долго ничего не было слышно. [242]

III. ГУДЛЕЙФ ГУДЛАУГСОН.

Этот рассказ, показывающий, что стало с Бьерном Асбрандсоном, о приключениях которого частично рассказано в предыдущем наброске, взят из саги об Эйрбиггии. Несмотря на несколько романтический характер этих двух повествований, не может быть никаких сомнений в том, что это правдивые истории. Однако то, что они относятся к событиям в Америке, не совсем однозначно.

Жил-был человек по имени Гудлейв, сын Гудлауга Богатого из Страумфиорда и брат Торфинна, от которого произошли Стерлингеры. Гудлейв был великим купцом. У него было торговое судно, а у Торольфа Эйрара Лоптсона было другое, когда они сражались с Гиридом, сыном Сигвальда ярла. Джирид потерял глаз в том бою. Ближе к концу правления короля Олафа Святого Гудлейв отправился в торговое путешествие на запад, в Дублин. Возвращаясь в Исландию, плывя с запада Ирландии, он встретился с северо-восточными ветрами, и его отнесло далеко в океан на запад и юго-запад, так что земли не было видно, а лето уже почти закончилось. Было вознесено много молитв о том, чтобы они могли спастись из моря. Наконец они увидели землю. Она была огромной, но они не знали, что это была за земля. Они посоветовались и решили направиться к суше, считая неразумным бороться с буйством моря. Они нашли хорошую гавань, и вскоре после того, как сошли на берег, к ним спустилось несколько человек. Они не узнали этих людей, но подумали, что их язык похож на ирландский. [243] За короткое время вокруг них собралось такое количество людей, что их было много сотен. Они напали на них, связали их всех и прогнали вглубь страны. После этого они предстали перед собранием, и было решено, что с ними следует сделать. Они думали, что одни хотели убить, а другие - разделить их по деревням в качестве рабов. Пока это продолжалось, они увидели большое количество людей, едущих верхом [244] к ним с поднятым знаменем, из чего они сделали вывод, что среди них был какой-то великий человек. И когда отряд приблизился, они увидели человека, ехавшего под знаменем, высокого, с воинственным видом, пожилого и седовласого. Все присутствующие относились к этому человеку с величайшей честью и почтением. Вскоре они увидели, что их дело было

передано на решение этого человека. Он приказал привести к нему Гудлейва и его товарищей и, явившись к нему, обратился к ним на северном языке и спросил, из какой земли они пришли. Они ответили, что основная часть - исландцы. Мужчина спросил, кто из них исландец. Гудлейв представился исландцем и поприветствовал старика, которого тот принял любезно, и спросил, из какой части Исландии он родом. Он ответил, что приехал из района, который называется Богафьорд. Он спросил, кто живет в Богафьорде, на что Гудлейв довольно пространно ответил. Впоследствии этот человек подробно расспрашивал обо всех главных людях Богафьорда и Брейдафьорда; и из них он с особым интересом расспрашивал обо всем, что касалось священника Снорре, и его сестры Турид, и Фроды, и великого Киартена, ее сына. Тем временем туземцы стали проявлять нетерпение по поводу поведения матросов. После этого великий человек оставил его, отвел двенадцать туземцев в сторону и посовещался с ними. Потом он вернулся. Тогда старик обратился к Гудлейву и его товарищам и сказал: "У нас был некоторый спор относительно вас, и люди оставили этот вопрос на мое усмотрение; теперь я разрешаю вам идти, куда вы пожелаете, и хотя лето почти закончилось, я советую вам немедленно уезжать; потому что эти люди недобросовестны, с ними трудно иметь дело, и теперь они думают, что их лишили их права". Тогда Гудлейв спросил: "Кому мы скажем, если снова доберемся до нашей родной страны, что он даровал нам свободу?" Он ответил: "Этого я тебе не скажу, потому что я не желаю, чтобы кто-либо из моих друзей или сородичей приехал сюда и встретил такую судьбу, какая постигла бы тебя, если бы не я. Возраст сейчас наступает так быстро, что я могу почти ожидать, что любой час станет для меня последним. Хотя я, возможно, проживу еще некоторое время, есть другие люди, обладающие большим влиянием, чем я, хотя сейчас они находятся на некотором расстоянии от этого места, и они не даровали бы безопасности или покоя каким-либо незнакомым людям ". Затем он присмотрелся к оснащению их корабля и оставался на этом месте до тех пор, пока не поднялся попутный ветер, чтобы они могли покинуть порт. Прежде чем они ушли прочь, этот человек снял со своей руки золотое кольцо и отдал его Гудлейву, а также хороший меч. Затем он сказал Гудлейву: "Если удача позволит тебе добраться до Исландии, отдай этот меч Киартену, герою Фроды, а это кольцо Турид, его матери". Гудлейв спросил: "Кто, я должен сказать, был отправителем этого ценного подарка?" Он ответил: "Скажи, что это прислал тот, кто любил госпожу Фрода больше, чем ее брата, Жреца Хельгафелла. И если кто-нибудь пожелает узнать, кто прислал этот ценный подарок, повторите мои слова о том, что я запрещаю кому бы то ни было искать меня, ибо это опасное путешествие, если только других не постигнет та же участь, что и вас. Этот регион велик, но в нем мало хороших портов, и опасность угрожает чужакам со всех сторон со стороны народа, если только она не достанется другим, таким же, как вы ". После этого они расстались. Гудлейв со своими товарищами вышел в море и той же осенью добрался до Ирландии, где провел зиму в Дублине. Следующей весной они отплыли в Исландию, и Гудлейв передал драгоценный камень в руки Турида. Обычно считалось, что не было никаких сомнений в том, что человек, которого видели, был Бирн Брейдавикинг Каппа. И нет другого достоверного сообщения, подтверждающего это.

IV. УПОМИНАНИЯ О ПУТЕШЕСТВИЯХ, НАЙДЕННЫЕ В ДРЕВНИХ РУКОПИСЯХ.

Профессор Рафн в "*Древностях Америки*" дает краткие сведения о многочисленных путешествиях исландцев в Америку и другие земли на западе, о которых в настоящее время нет записей. Произведения, в которых они встречаются, отличаются высочайшей

респектабельностью. Здесь необходимо лишь привести факты, которые были собраны с большой тщательностью. Они показывают, что доколумбово открытие Америки повлияло на почти всю историю Исландии, в которой этот предмет упоминается не как предмет сомнения, а как нечто совершенно известное. Все эти откровения в совокупности представляют собой неоспоримое доказательство позиций, отстаиваемых в этой работе, показывая, вне всякого разумного сомнения, что впечатление, которое в целом преобладало в отношении открытия этой земли, не было результатом литературного обмана. Ниже приведены некоторые факты:

1121. Эрик, епископ Гренландии, [\[245\]](#) отправился на поиски Винланда.

Епископ Эрик Апсе искал Винланд.

1285. К западу от Исландии открыта новая земля.

Найдена новая земля.... [\[246\]](#)

Адальбранд и Торвальд, сыновья Хельге, основали новую землю.

Адальбранд и Торвальд открыли новую землю к западу от Исландии.

Гиперссылка на Перо Открыты острова.

1288. Король Эрик послал Рольфа на поиски новой земли и призвал жителей Исландии отправиться с ним.

1289. Король Эрик отправляет Рольфа в Исландию на поиски новой земли.

1290. Рольф путешествовал по Исландии и призывал людей отправиться в путешествие к новой земле. [\[248\]](#)

1295. Ланда-Рольф умер.

1357. В Исландию прибыло тринадцать больших кораблей. Эйндридесуден потерпел крушение в Восточном Боргафьорде, недалеко от Лангенесса. Экипаж и большая часть груза были спасены. "Бессаланген" потерпел крушение недалеко от Сиды. Из его команды утонули Халдор Магре и Гюнторм Стейл, всего девятнадцать человек. Груз также пострадал. Шесть кораблей также были отброшены назад. Аналогичным образом прибыл корабль из Гренландии, [\[249\]](#) меньше самого маленького исландского корабля, который заходил во внешний залив. Он потерял свой якорь. На борту было семнадцать человек, которые отправились в Маркленд, [\[250\]](#) и по возвращении были доставлены сюда. Но всего в ту зиму здесь находилось восемнадцать больших кораблей, не считая двух, которые потерпели крушение летом.

Из Гренландии прибыл корабль, направлявшийся в Маркленд, и на борту было восемь человек.

V. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ.

Первый из этих документов взят из работы, которая претендует на описание земли в средние века. Из этого следует, что исландцы имели правильное представление о расположении

Винланда в Новой Англии, хотя и не осознавали того факта, что они открыли новый Континент. Документ можно найти в "*Древностях Америки*", стр. 283. В приложении к этой работе можно увидеть *фактическое сравнение* с оригинальной рукописью. Второй документ взят из (*Antiquitates Americanæ*, стр. 292). Первоначально он был найден в разнообразной коллекции под названием *Gripla*.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ВСЕЙ ЗЕМЛИ.

Говорят, что земля разделена на три части. Одна из них называется Азией и простирается с северо-востока на юго-запад и занимает середину земли. В восточной части расположены три отдельных региона, называемых Индиаленд. В самой далекой Индии апостол Варфоломей проповедовал веру; и там он также отдал свою жизнь (за имя Христа). В ближайшей Индии проповедовал апостол Фома, и там же он принял смерть за дело Божье. В той части земли, которая называется Азией, находится город Ниневия, величайший из всех городов. Это три дня пути в длину и один день пути в ширину. Здесь также находится город Вавилон, древний и очень большой. Там некогда царствовал царь Навуходоносор, но теперь этот город настолько основательно разрушен, что в нем не живут люди из-за змей и всевозможных вредных тварей. В Азии находится Иерусалим, а также Антиохия; в этом городе апостол Петр основал епископскую резиденцию, и там он, первый из всех людей, отслужил мессу. Малая Азия - это регион Великой Азии. Там проповедовал апостол Иоанн, и там же, в городе Эфесе, находится его могила. Говорят, что из Рая вытекают четыре реки. Один из них называется Писон, или Ганг; он впадает в море, окружающее мир. Писон возвышается под горой Оркобарес. Вторая река, текущая из Рая, называется Тигр, а третья - Евфрат. Обе впадают в Средиземное море недалеко от Антиохии. Нил, также называемый Геоном, является четвертой рекой, текущей из Рая. Он отделяет Азию от Африки и протекает через весь Египет. В Египте находится Новый Вавилон (Каир), а город называется Александрия. Вторая часть земли называется Африкой, которая простирается с юго-запада на северо-запад. Есть Серкланд и три региона, называемые Блаланд (земля чернокожих). Средиземное море отделяет Европу от Африки. Европа - это третья часть земли, простирающаяся с запада и северо-запада на северо-восток. На востоке Европы находится королевство Россия. Есть Хольмгард, Палестеския и Смоленския. К югу от России находится королевство Греция. Главный город этого королевства - Константинополь, который наш народ называет Миклагард. В Миклагарде есть церковь, которую люди называют Святой Софией, но северяне называют ее Эгисиф. Эта церковь превосходит все другие церкви в мире как по своей структуре, так и по размерам. Болгария и множество островов, называемых греческими островами, принадлежат греческому королевству. Крит и Кипр - самые известные из греческих островов. Сицилия - великое королевство в той части земли, которая называется Европой. Италия - это страна к югу от великого горного хребта, называемого нами Мундия [Альпы]. В самой отдаленной части Италии находится Апулия, которую северяне называют Пульсландией. В центре Италии находится Рим. На севере Италии находится Ломбардия, которую мы называем Ломбардландией. К северу от гор на востоке находится Германия, а на юго-западе - Франция. Испания, которую мы называем Испанией, - великое королевство, простирающееся на юг до Средиземного моря, между Ломбардией и Францией. Рейн - великая река, протекающая к северу от Мундии, между Германией и Францией. Недалеко от истоков Рейна находится Фрисландия, к северу от моря. К северу от Германии находится Дания. Океан впадает в Балтийское море недалеко от Дании. Швеция расположена к востоку от Дании, а Норвегия - на севере. К северу от Норвегии находится Финнмарк. Отсюда побережье изгибается на северо-восток, а затем на восток, пока не достигнет Перми, которая является притоком России. От

Перми пустынные участки простираются на север, доходя до Гренландии. За Гренландией, к югу, находится Хеллулэнд; за ним - Марклэнд; оттуда недалеко до Винланда, который, по мнению некоторых людей, простирается до Африки. [251] Англия и Шотландия - это один остров; но каждый из них является отдельным королевством. Ирландия - великий остров. Исландия также является великим островом к северу от Ирландии. Все эти страны расположены в той части света, которая называется Европой. Рядом с Данией находится Малая Швеция; затем идет Эланд, затем Готланд, затем Хельсингеланд, затем Вермел и две Квендландии, которые лежат к северу от Биармеланда. От Биармеланда на север простирается пустынная земля, пока не начинается Гренландия. К югу от Гренландии находится Хеллуланд; рядом находится Марклэнд, оттуда недалеко до Винланда Доброго, который, как некоторые думают, выходит к Африке; и если это так, то море должно простираться между Винландом и Марклэндом. Рассказывают, что Торфинн Карлсефне рубил здесь дерево, чтобы украсить свой дом, [252] впоследствии они отправились на поиски Винланда Доброго и пришли туда, где, как они думали, находилась земля, но не достигли ее и не получили ничего из богатств земли. [253] Лейф Счастливчик первым открыл Винланд, а затем встретил нескольких торговцев, терпящих бедствие в море, и по милости Божьей спас им жизни; и он ввел христианство в Гренландию, и оно там так процветало, что в месте, называемом Гардар, была основана епископская резиденция. Англия и Шотландия - это острова, и все же каждый из них - отдельное королевство. Ирландия - большой остров. Все эти страны находятся в той части света, которая называется Европой.

Из ГРИПЛЫ.

Бавария граничит с Саксонией; Саксония граничит с Гольштейном, а следующей является Дания. Восточные страны разделяет море. Швеция находится к востоку от Дании. Норвегия находится на севере; Финмарк находится к востоку от Норвегии; оттуда земля простирается на северо-восток и восток, пока вы не придете в Биармланд; эта земля находится под данью Гардариджу. От Биармеланда на север до земли, называемой Гренландией, простираются пустынные места, [что, однако, гренландцы не подтверждают, но полагают, что видели это иначе, как по сплавному лесу, который известен и срублен людьми, так и по северным оленям, у которых есть отметины на ушах или полосы на рогах, также от заблудившихся здесь овец, из которых несколько осталось в Норвегии, ибо одна голова висит в Тронхейме, а другая в Бергене, и можно найти много других.] [254] Но там есть заливы, и земля простирается на юго-запад; перед ледяными горами лежат ледяные горы, заливы и острова; одну из ледяных гор невозможно исследовать, а до другой плыть полмесяца, до третьей плыть неделю. Это ближайшее к поселению под названием Хвидсерк. Оттуда земля уходит на север; но тот, кто желает пройти мимо поселения, держит курс на юго-запад. Гардар, резиденция епископа, находится у подножия Эриксфьорда; там есть церковь, освященная в честь святого Николая. В восточном поселении двенадцать церквей, в западном - четыре.

Теперь следует рассказать, что находится напротив Гренландии, за пределами залива, который раньше носил это название. Фурдустрандур [255] - это название земли; холод настолько сильный, что, насколько известно, она непригодна для жизни. К югу оттуда находится Хеллуланд, который называется землей Скеллингов. Оттуда недалеко до Винланда Доброго, который, как некоторые думают, выходит в Африку. [256] Между Винландом и Гренландией находится Гиннунгага, которая вытекает из моря, называемого *Mare Oceanum*, и окружает всю землю.

СНОСКИ:

[1] Смотрите Джонса о *Тирском периоде Америки*.

[2] *Вар. История.*, библиотека. iii, глава xviii.

[3] Смотрите "*Критий и Тимей*" Платона.

[4] *De Mundo*, глава iii. См. *Принц Генрих Мореплаватель*, глава vii, автор Мейджор: Лондон, 1868.

[5] *Одиссея*, книга iv, л. 765.

[6] См. *Принц Генрих Мореплаватель*, стр. 90.

[7] Strobo. lib. iii.—*Плутарх*.

[8] Pliny's *Natural History*, lib. vi, cap. 37.,

[9] См. стр. 137.

[10] *Принц Генрих Мореплаватель*, стр. 137.

[11] После этого упоминания Плинием Канарские острова, или Острова Удачи, были потеряны из виду на тринадцать сотен лет. Во времена правления английского короля Эдуарда III, в начале четырнадцатого века, некто Роберт Мэчин отплыл из Бристоля во Францию, увозя с собой знатную даму, которая сбежала с ним, и был отброшен штормом на Канарские острова, где он высадился и таким образом заново открыл утраченные острова Счастья. Этот факт любопытным образом установлен Мейджором в "*Жизни принца Генриха*", так что его больше нельзя рассматривать как досужую сказку (см. стр. 66-77). В 1341 году было также совершено путешествие на Канарские острова под покровительством короля Португалии Генриха. Поэтому отчет, столь широко распространенный Де Барросом, о том, что острова были заново открыты принцем Генрихом, неверен. Его экспедиция достигла Порто-Санто и Мадейры в 1418-20 годах.

[12] Он также размышляет о вероятности посещения этого континента христианскими миссионерами. См. том. vi, стр. 410.

[13] "*Мексиканские древности* Кингсборо", том. vi, стр. 285.

[14] Там же, стр. 332.

[15] *Британский монастырь*, стр. 131-2-187-8. Того факта, что здесь используется слово *Америка*, кажется вполне достаточным, чтобы опровергнуть легенду.

[16] Ирландцы рано были известны как шотландцы, и О'Халлоран получил это имя от Скотта, верховного жреца Фениуса и предка Майлзейса.

Me quoque vicins pereuntem gentibus, inquit,
Munivit Stilicho. Totam cum Scotus lernem,
Movit et infesto spumavit remige Thetys.

Им защищенный, когда соседние полчища
воинственных народов распространились вдоль наших берегов;
Когда шотландцы с грохотом пришли от ирландских берегов,
И широкий океан вспенился от вражеских весел.

[17] Говоря о Британии и Ирландии, Тацит говорит о последней, что "подходы и гавани лучше известны благодаря торговле и купцам".—*Bum. Agri.*, с. 24. Ирландцы, несомненно, смешивались с карфагенянами в торговых сделках, и от них они, не исключено, переняли обряды друидизма.

[18] Поскольку традиция путешествия уэльсцев в Америку под предводительством принца Мэдока относится к периоду, *следующему* за путешествиями исландцев, автор не считает необходимым обсуждать эту тему. Это путешествие сына Оуэна Гвинета датируется 1170 годом и основано на неавторитетной хронике Уэльса. См. *Хаклюйт*, том iii, стр. 1.

[19] *Турецкий шпион*, т. viii, с. 159.

[20] См. "Северяне в Исландии", *Общество антикваров Севера*, Сеанс 14 мая, 1859, стр. 12-14.

[21] Иногда, хотя и неправильно, его называют *норвежским*.

[22] Говорят, что во времена, когда ирландские монахи оккупировали остров, он был "покрыт лесами между горами и берегами".

[23] *Setstakkar*. Это были деревянные столбы, на которых обычно были вырезаны изображения Тора и Одина. При выборе места для поселения их выбрасывали за борт, и где бы их ни выбросило на берег, там должно было образоваться поселение. Ингольф, первый норвежский поселенец Исландии, потерял из виду столбы для сидения после того, как их бросили в воду, и был вынужден прожить три года в Ингольфсхофди. В другом случае поселенец не находил своего места работы в течение *двенадцати* лет, тем не менее затем он сменил место жительства. В "Саге о Фритьофе" (американское издание), глава iii, стр. 18, мы находим следующую аллюзию:

"По всей длине зала сиял дубовый стол,
более яркий, чем сталь, и отполированный; две колонны высоких кресел
стояли по обе стороны от него; два бога были глубоко вырезаны из дерева вяза:
Один с взглядом короля и Фрей с солнцем на лбу".

[24] Ари Хинн Фроде, или Мудрый. Главный составитель знаменитой *Книги Ланднама*, которая содержит полный отчет обо всех первых поселенцах Исландии. Она носит тот же характер, хотя и значительно превосходит английскую *Книгу судного дня*, и, вероятно, является наиболее полным документом подобного рода, когда-либо сделанным какой-либо нацией.

В нем указаны имена 3000 человек и 1400 населенных пунктов. В нем приводится точный отчет о генеалогиях семей и краткие сведения о личных достижениях. Он был начат Фроде (родился в 1067 году, умер в 1148 году), продолжен Калстеггом, Стирмером и Тордсенон и завершен Хауком Эрландсоном, лагманом или губернатором Исландии, который умер в 1334 году.

[25] "Так говорит святой священник Беда.... Поэтому ученые люди думают, что именно Исландия называется Туле.... Но святой священник Беда умер dcccxxv. спустя годы после рождения Господа нашего Иисуса Христа, более чем за сто лет до того, как Исландия была заселена норманнами". —*Древности Америки*, стр. 202. За этим отрывком следует заявление Ари Фроде, которое показывает, что ирландские христиане удалились в Исландию очень рано. Ирландский монах Дикуил также упоминает этот уединенный остров, который примерно в 795 году посетили несколько монахов, с которыми он беседовал.

[26] Вся информация, которой мы располагаем, относящаяся к открытию Гуннбьорна, приведена в основной части этой работы в выдержках из *Landanamabok*.

[27] Клавдий Кристофессен, автор некоторых датских стихов, относящихся к истории Гренландии, предполагает, что Гренландия была открыта в 770 году, хотя и не привел реальных оснований для своей веры. *М. Пейрере* также рассказывает нам о папской булле, изданной в 835 году Григорием IV, в которой говорится об обращении исландцев и Гренландцы. Однако это, вне всякого сомнения, мошенничество. Гуннбьерн, несомненно, был первым, кто получил представление о Гренландии.

[28] Северяне считали по *зимам*.

[29] Смотрите Сагу об Эрике Рыжем.

[30] Утверждение, встречающееся в нескольких местах, что он открыл Винланд по пути в Гренландию, неверно. Полный отчет о его путешествиях показывает, что его путешествие в Винланд было совершенно отдельным делом.

[31] Автор вскоре планирует дать полный отчет о раннем христианстве на Западном континенте в отдельной работе, которая в настоящее время значительно продвинулась к завершению. Он будет включать как *до*, так и *после* колумбовой эпохи.

[32] Гиссур Белый и Хьялте отправились с тем же поручением в Исландию в 1000 году, когда на общественном собрании была официально принята новая религия.

[33] Далее будет видно, что он отправился и обосновался в Винланде.

[34] См. *Мемуары северных антикваров*, стр. 383.

[35] Местонахождение Гардара в настоящее время неизвестно. Когда-то предполагалось, что он располагался на восточном побережье; но с тех пор, как стало ясно, что восточное побережье никогда не было заселено, от этого представления отказались, хотя название встречается на старых картах.

[36] См. "*Гренландию*" Кранца, том i, стр. 252.

[37] Все эти надписи выполнены четкими руническими буквами, в которых не может быть ошибки, и совершенно не похожи на воображаемые руны, к которым мы, наконец, можем считать себя обязанными отнести руны Дайтонской скалы.

[38] См. "*Гренландию*" Эгед, стр. xxv; "*Гренландию*" Кранца, т. i, стр. 247-8; "*Пилигримы*" Перчас, его "", т. iii, стр. 518; *Древности Америки*, стр. 300.

[39] *Древности Америки*, стр. xxxix.

[40] Описание рукописей, на которых основаны наши знания о Гренландии, см. *"Американские древности"*, стр. 255.

[41] Известно, что в том году стороны вступили в брак в Гардаре, от которого произошли Финн Магнуссен и другие выдающиеся люди.

[42] *Egede's Greenland*, стр. xlvii.

[43] *Ibid.*, xlviii.

[44] *Crantz's Greenland*, том i, стр. 264.

[45] *Crantz's Greenland*, стр. 274.

[46] Там же, стр. 279.

[47] Ханс Эгед был священнослужителем в ордене священников и служителем конгрегации в Вогене в северной части Норвегии, где его высоко ценили и любили. Он провел пятнадцать лет в качестве миссионера в Гренландии и умер в Копенгагене в 1758 году.

[48] Девиз на мече Роже Жискара гласил:

"Appulus et Calaber Siculus mihi Servit et Afer."

[49] См. *Heimskringla* Лэйнга, том. ii, стр. 450. Это относится к его матчу по плаванию с исландцем Киартеном, в котором король потерпел поражение.

[50] Смотрите "Сагу о святом" (не о короле) Олаф.

[51] *Северный антиквариат*, 1859.

[52] *Ledehammer*. Точка высадки рядом с домом Леде, чуть ниже Дронтхайма.

[53] *Laing's Heimskringla*, том. I, стр. 457. Рассказывают, что пока они обшивали корабль досками, "случилось так, что Торбергу пришлось вернуться домой на свою ферму по каким-то срочным делам; и поскольку он пробыл там долгое время, корабль был обшит досками с обеих сторон, когда он вернулся. Вечером король вышел, и Торберг с ним, посмотреть, как выглядит корабль, и все сказали, что никогда не видели такого большого и прекрасного военного корабля. Затем король вернулся в город. Рано утром следующего дня король снова вернулся на корабль, и Торберг с ним. Плотники были там раньше них, но все стояли без дела, скрестив руки. Король спросил: "В чем дело?" Они сказали, что корабль был разрушен, потому что кто-то прошел от носа до кормы и сделал одну глубокую зарубку за другой на одной стороне обшивки. Когда король подошел ближе, он увидел, что это так, и сказал с клятвой: "Человек, который так по злому умыслу погубил корабль, умрет, если его удастся найти, и я дам великую награду тому, кто его найдет". "Я могу сказать тебе, король, - говорит Торберг, - кто выполнил эту работу". "Я не думаю, что кто-либо с такой вероятностью обнаружит это, как ты". Торберг говорит: "Я скажу тебе, король, кто это сделал, я сделал это сам". Король говорит: "Я скажу тебе, король, кто это

сделал, я сделал это сам". Ты должен привести все это в то же состояние, что и раньше, или твоя жизнь заплатит за это ". Затем Торберг пошел и сколотил доски, пока все глубокие зарубки не были сглажены и выровнены с остальными; и король и все присутствующие заявили, что корабль был намного красивее с той стороны корпуса, с которой Торберг сколот, и велел ему придать такую же форму другому борту, и поблагодарил его за улучшение ".

[54] Несколько лет назад два очень древних судна, которые, вероятно, принадлежали седьмому веку, были эксгумированы на побережье Дании, в семи тысячах футов от моря, где они были затоплены. Изменения на побережье в конце концов привели к тому, что они застряли в песке. Одно судно было семидесяти двух футов в длину и девяти футов в ширину между кораблями. Другой был длиной сорок два фута и содержал две восьмигранные перекладки длиной двадцать четыре фута. Днища были покрыты ивовыми циновками для сохранения их сухими. Среди содержимого был дамаский меч с рунами, свидетельствующий о том, что это письмо существовало у северян в седьмом веке.

[55] Народ Исландии всегда отличался превосходством в этом отношении над своими сородичами в Дании и Норвегии. Есть один важный факт, имеющий отношение к этому вопросу, который заключается в следующем: хотя некоторые жители Исландии в ранний период отправлялись в пиратские походы вместе с норвежскими викингами, ни один пиратский корабль никогда не отплывал из Исландии. Такие способы были полностью осуждены на раннем этапе, в то время как различные европейские страны продолжали санкционировать пиратство вплоть до недавнего времени. Опять же, следует помнить, что в Исландии дуэли также были торжественно объявлены незаконными еще в 1011 году, а в Норвегии - в следующем году; в то время как в Англии они не переставали быть частью судебного процесса до 1818 года. См. "*Saga o Vipe-Глуме*" сэра Эдмунда Хеда, стр. 120.

[56] Те, кто воображают, что эти рукописи, хотя и доколумбового происхождения, были подделаны и вставлены, показывают, что они не имеют ни малейшего представления о состоянии вопроса. Рассказы о путешествиях норманнов в Америку образуют *основу саг*, которые фактически были бы разрушены из-за исключения повествований. Необходимо решить только один вопрос, и это *дата* выпуска этих композиций.

[57] Тот факт, что г-н Бэнкрофт в прошлом высказывал мнения, противоположные этой точке зрения, вряд ли будет иметь значение для лиц, знакомых с предметом. Когда этот писатель сочинял первую главу своей *Истории Соединенных Штатов*, его можно было бы извинить за то, что он представил исландские повествования как туманные басни; но, учитывая все знания, накопленные по этому предмету в настоящее время, мы имеем право поискать что-нибудь получше. Поэтому неудовлетворительно видеть, что он увековечивает свои ранние взгляды в каждом последующем издании работы, которые демонстрируют то же самое знание предмета, о котором говорилось в начале. Он говорит нам, что эти путешествия "основаны на повествованиях, *мифологических* по форме и *неясных* по смыслу", чего, безусловно, не может быть. Более того, они "несовременны", что верно даже в отношении *собственной* работы мистера Бэнкрофта. И снова: "Главный документ - это интерполяция в историю Стерлесона". Это не может быть правдой в предполагаемом смысле, поскольку мистер Бэнкрофт передает идею о том, что основное повествование *впервые* появилось в "Истории" Стерлесона, когда было опубликовано *поздно*. Действительно, хорошо известно, что одна версия, но *не* основная версия, была вставлена Перингшельдом в "*Хеймскринглу*" Стерлесона, напечатанную в

Копенгагене. Но Бэнкрофт учит, что эти отношения относятся к современному времени, в то время как хорошо известно, что они были взяты *дословно* из *Codex Flatöiensis*, законченного в 1395 году. Он сильно ошибается, полагая, что северные антиквары более высокого мнения о рассматриваемых повествованиях, потому что когда-то они были напечатаны в связи с великим трудом Стурлесона. Он говорит нам, что Стурлсон "вряд ли мог бы пренебречь открытием континента", если бы такое событие имело место. Но это, следует помнить, зависит от того, *считалось ли открытие каким-либо особым важным*. Похоже, что это *не* имело место. Этот факт нигде не упоминается с целью возвеличивания действующих лиц. Кроме того, как хорошо замечает Лэйнг, открытие земли на западе не имело никакого отношения к его предмету, которым была история норвежских королей. Открытие Америки привело к небольшому дорожному движению, и не более того. Более того, короли Норвегии не принимали никакого участия, *не были покровителями мореплавателей и не имели никакого влияния на организацию одиночного плавания*. Последнее возражение мистера Банкрофта состоит в том, что Винланд, открытое место, "искали во всех направлениях от Гренландии и реки Святого Лаврентия до Африки". Этот абзац также отражает ложный взгляд на предмет, поскольку местоположение Винланда было так же хорошо известно северянам, как и положение Ирландии, с этим островом у них была непрерывная связь. Следует искренне надеяться, что в следующем издании мистера Бэнкрофта удастся убедить пересмотреть свои необоснованные мнения.

Вашингтон Ирвинг выразил то же сомнение в своей "Жизни Колумба", *написанной до того, как ему были доступны средства изучения этого вопроса*, и в приложении к своей работе он смешивает досужие рассказы об острове Святого Брандана с подлинными историями северян. Очень ограниченное расследование привело бы его к другой оценке.

[58] Слово "руна" происходит от *гуп*, борозда. Изобретение принадлежит Одину, но, вероятно, они финикийского происхождения. Иногда они использовались в поэтических целях. Хальмунд в "Саге о Греттире" (см. "Исландию" Сэйбинга Бэринга Гулда) говорит своей дочери: "Теперь ты должна послушать, как я рассказываю о своих деяниях, и спеть о них песню, которую ты впоследствии вырежешь на посохе". Это указывает на то, какой тренировке, должно быть, подвергалась память у северян.

[59] Список многих исландских работ см. Во введении к "Хеймскрингле" Лэйнга.

[60] Смотрите "Сагу о Виге Глуме" сэра Эдмунда Хеда, стр. viii и ix.

[61] Там же. Конечно, там было больше или меньше поэзии, но поэзия - это то, что рано развивается у самых грубых народов, в то время как хорошая проза говорит о том, что народ достиг высокого уровня умственной культуры.

[62] Еще в 1411 году между Бристолем и Исландией существовала значительная торговля, и Колумб посетил Исландию весной 1477 года, где он *мог* встретиться с Магнусом Эйольфсоном, епископом Скалхольта, или узнал от какого-либо другого ученого факты, касающиеся ранних исландских открытий. Хотя Рафн предполагает, что во время этого визита его мнения, ранее сложившиеся относительно существования Западного континента, подтвердились, это не совсем ясно по той причине, что Колумб искал не новый континент, а путь в Индию, который, как он полагал, он должен был найти, поплыв на запад. Соответственно, когда он нашел землю, он назвал ее *Вест* Индией, предполагая, что достиг крайней границы *Ост* Индии. Ирвинг говорит

нам, что Колумб основал свою теорию на (1) природе вещей; (2) авторитете ученых писателей; (3) отчетах мореплавателей.

[63] Адам Бременский даже слышал о подвигах норманнов в Винланде и упомянул эту страну. Но поскольку *можно* сказать, что его работа появилась только после путешествия Колумба, и что ссылка может быть интерполяцией, автор ничего на ней не основывает. Тем не менее, он, несомненно, знал о путешествиях норманнов, поскольку жил примерно в то время, когда они были совершены, и написал свою церковную историю примерно в 1075 году, после того как нанес визит датскому королю Свено и накопил много материала. Отрывок, о котором идет речь, следующий: "Кроме того, было заявлено [королем], что многими был открыт регион в том [западном] океане, который назывался Винландией, потому что там самопроизвольно растут виноградные лозы, из которых получается превосходное вино; о том, что плоды, не посаженные, растут там сами по себе, мы знаем не по ложным слухам, а по достоверному свидетельству датчан".

Очень древняя фарерская баллада о Финне Красивом (см. "Американские древности" Рафна, стр. 319) также содержит упоминания о Винланде, что указывает на то, что ирландцы знали эту страну так же хорошо, как и исландцы.

[64] *История Новой Англии*, том. ii, стр. 53.

[65] Склонность лучших историков к ошибкам проиллюстрирована Пейли, который показывает серьезные ошибки в сообщениях о смерти маркиза Аргайла в царствование Карла II: "Лорд Кларендон сообщает, что он был приговорен к *повешению*, которое было совершено в *тот же* день; напротив, Бернет, Вудроу, Хит, Экхард сходятся во мнении, что он был *обезглавлен* что он был осужден в субботу и казнен в понедельник". — *Свидетельства христианства*, часть iii, глава i. Итак, мистер Бэнкрофт счел невозможным с какой-либо точностью указать местонахождение французской колонии Сент-Савион, основанной Соссэ на побережье штата Мэн в 1613 году. Бэнкрофт говорит нам, что это было на северном берегу Пенобскота, в то время как прекрасно известно, что это было расположено на острове Маунт-Дезерт, довольно далеко в Атлантическом океане.

[66] Дайтон-Рок, известный как Пишущая скала, расположен в шести с половиной милях к югу от Тонтона, штат Массачусетс, на восточном берегу реки Тонтон, образованной перешейком Ассоннет. Он расположен на берегу реки и остается сухим во время отлива. Это огненно-серый валун двенадцати футов в длину и пяти футов в высоту, обращенный к руслу реки. Его передняя часть теперь покрыта вырезанными надписями, которые кажутся буквами и очертаниями людей, животных и птиц. Еще в 1680 году доктор Данфорт получил рисунок верхней части; Коттон Мэзер сделал полную копию в 1712 году; а в 1788 году профессор Уинтроп из Гарвардского колледжа сделал оттиск в натуральную величину на подготовленной бумаге. Различные другие копии были сделаны в разное время, и все они имеют по существу одинаковые черты. Однако в интерпретации надписи было мало согласия. Старая скала - загадка, немая, как Сфинкс. Копию надписи показали вождю племени ирокезов, который решил, что это не что иное, как изображение победы индейцев над диким зверем, произошедшей на этом месте. Мистер Скулкрафт также показал копию Чингванку, алгонкину, хорошо разбиравшемуся в рисовании, который дал аналогичную интерпретацию. Римские символы в центральной части композиции он в конце концов был вынужден отвергнуть, как не имеющие никакой связи с остальными. И тот, кто сравнивает эту надпись с надписями

несомненно индийского происхождения, найденными в других местах, не может не быть впечатлен сходством. Тем не менее, члены Королевского общества антикваров, до сведения которых это было доведено Историческим обществом Род-Айленда, были твердо убеждены в том, что скала несет на себе свидетельство посещения этих берегов северянами. Мистер Лэйнг, опытный переводчик *Хеймскрингла*, обсуждая теории, касающиеся надписи, говорит, что единственное реальное сходство с буквами находится в середине камня, в котором антиквары обнаруживают имя Торфинн, то есть Торфинн Карлсефне, руководитель экспедиции, прибывшей в Нью-Йорк. Англия в 1007 году. Прямо над этими буквами находится символ, который также предположительно является римским, что может означать NA или MA, буква A образована последней ветвью M. Сейчас MA в исландском языке используется как сокращение от *Madr*, что означает первоначального поселенца страны. Рядом с этими двумя буквами расположены несколько цифр, которые означают *сто пятьдесят одну*. И согласно отчету о путешествии, Торфинн потерял *девять* из ста шестидесяти человек, с которыми, как предполагается, он отправился в путь, и, следовательно, *сто пятьдесят один* точно соответствует числу, которое было с ним в то время, когда он, как предполагается, вырезал надпись. Таким образом, это в целом означало бы, что Торфинн Карлсефне обосновался здесь со ста пятьюдесятью одним человеком. И все же, поскольку свидетельство этого камня не требуется, мы можем легко отказаться от любой выгоды, которую можно извлечь из его изучения. Кроме того, история подобных случаев должна послужить умерению нашего рвения. Во времена Саксона Грамматика (1160) в Хоби, недалеко от Рунамоз, в шведской провинции Блекинг, находился камень, на котором, как предполагалось, были высечены руны. Позднее копии были предоставлены антикварам, которые, как рассказывает нам Лэйнг, пришли к выводу, что это подлинная надпись, относящаяся к битве при Браавилле, произошедшей в 680 году. Впоследствии выяснилось, что видимая надпись была сделана в результате разрушения прожилок мягкого материала, существующего в породе. И все же дайтонская надпись, вне всякого сомнения, дело рук человека. Мистер А. Э. Кендал, писавший в 1807 году, говорит, что существовала традиция, согласно которой Ассоннет-Нек, на том выступе суши, на котором расположена скала, когда-то был местом изгнания индейцев. Далее он утверждает, что у индейцев была традиция, согласно которой в древние времена несколько *белых* людей на *птице* приземлились там и были убиты аборигенами. Они также сказали, что птица испустила гром и молнию, что указывает на то, что это событие, если оно вообще произошло, должно быть отнесено к эпохе пороха. Мистер Кендал упоминает историю о том, что рано утром там был найден корабельный якорь. В прежние годы люди часто подкапывались под скалу в надежде найти спрятанные сокровища. Говорят, что когда-то неподалеку была небольшая скала, на которой также были следы человеческих рук. Скалы Портсмут и Тивертон, описанные мистером Уэббом (*"Древности Америки"*, стр. 355-71), несомненно, являются индейскими надписями; в то время как скала на острове Монхеган, у побережья штата Мэн, возможно, может быть отнесена к скале Хоби. И все же, в конце концов, вполне возможно, что *центральная* часть надписи на Дайтонской скале может быть работой северян. То, что в создании надписи были замешаны две разные стороны, ясно из показаний индейцев, которые не претендовали на понимание той части, которая, как предполагалось, относилась к Карлсефне. Полное обсуждение см. в *"Древностях Америки"*, стр. 378, и далее.

[67] Мемуары северных антикваров, 1839-9, стр. 377.

[68] Старая мельница в Ньюпорте стоит на возвышенности в центре города, ее высота составляет около двадцати четырех футов, а диаметр - двадцать три фута. Она опирается на

восемь опор и арок. В ней было четыре маленьких окна, а высоко в стене, над арками, располагался небольшой камин. Впервые она отчетливо упоминается в завещании губернатора Ньюпорта Бенедикта Арнольда, где она называется "моя каменная ветряная мельница". Известно, что в восемнадцатом веке он служил одновременно мельницей и пороховым погребом. Эдвард Пелхэм, который в 1740 году женился на внучке губернатора Арнольда, также назвал его "старой каменной мельницей". Питер Истон, который рано переехал жить в Ньюпорт, писал в 1663 году, что "в этом году мы построили первую ветряную мельницу"; а 28 августа 1675 года, по его словам, "буря снесла нашу ветряную мельницу". То, о чем рассказывает Истон, произошло до того, как губернатор Арнольд написал о своей каменной ветряной мельнице, и вполне разумно предположить, что, когда та, о которой говорил Истон, была разрушена, он построил что-то более существенное. Тем не менее, мы не можем сказать, что это было на самом деле. Старая башня, существовавшая в начале поселения, возможно, была приспособлена им под мельницу, когда та, о которой упоминал Истон, была разрушена.

Говорят, что семья губернатора была родом из Уорикшира, Англия, и одна из его ферм называлась Лимингтон Фарм, как предполагается, от места с таким названием недалеко от Уорика. В дополнение к этому, в приходе Честертон, в трех милях от Лимингтона, есть старая ветряная мельница, похожая по конструкции на ту, что в Ньюпорте. Предполагается, что он был установлен на столбах по пневматическим соображениям, а также для того, чтобы тележки могли таким образом проходить под ними и загружаться и разгружаться с большей легкостью. И было высказано предположение, что *если* правительство . Арнольд был родом из Уорикшира, доказательств чего не приведено, и *если* мельница Честертон стояла на момент его отъезда в Новую Англию, он мог построить мельницу в Ньюпорте по тому же образцу. И все же это то, о чем мы знаем мало. А откуда взялась сама Честертонская мельница? Существовала *традиция*, что он был построен по проекту Иниго Джонса, но это всего лишь традиция. Это сооружение также могло принадлежать к классу Круглых башен в Ирландии, из которых по крайней мере одна была построена норманнами. Таким образом, все это в определенной степени сомнительно. Вряд ли это поможет северянам причислить эту ньюпортскую реликвию к своим работам. См. книгу Пэлфри "*Новая Англия*", том i, стр. 57-9.

[69] Многие предположили, что скелет в доспехах, выкопанный недалеко от Фолл-Ривер, был реликвией северян и одним из тех людей, убитых туземцами в битве при Карлсефне. Но гораздо разумнее было бы искать следы норманнов среди индейцев Гаспе, которые в древности отличались необычным уровнем цивилизации. Мальтебран рассказывает нам, что они поклонялись солнцу, знали стрелки компаса, наблюдали за положением некоторых звезд и рисовали карты своей страны. До того, как среди них появились французские миссионеры, они поклонялись фигуре Креста, и у них была традиция, что однажды их посетил почтенный человек, который во время эпидемии вылечил многих с помощью этого символа. См. "*Географию*" Мальтебрана (английское издание), том v, стр. 135. Авторитетом Мальтебрана является "*Новая история Гаспези*" отца Леклерка, Париж, 1672 год.

[70] *Земля Нама-бок*. Это, вероятно, самая полная запись подобного рода, когда-либо сделанная какой-либо нацией. В общих чертах она аналогична английской *книге о судебном дне*, но значительно превосходит ее по интересу и ценности. В нем приведены имена трех тысяч человек и тысячи четырехсот населенных пунктов. В нем приводится точный отчет о генеалогиях первых поселенцев с краткими уведомлениями об их достижениях. Она была начата знаменитым Фруде Мудрым, который родился в 1067 году и умер в 1148 году, продолжена

Калстеггом, Стирмером и Тордсенем и завершена Хауком Эрлендсоном, *лагманом*, или губернатором Исландии, который умер в 1334 году.

[71] Гуннбьорн, по-видимому, был северянином, который поселился в Исландии в незапамятные времена. Больше о нем ничего не известно.

[72] Торфейус говорит, что эти скалы лежат в шести морских милях от Гейрфуглескера, от Рейкьявека и в двенадцати милях к югу от Гарде в Гренландии, но сейчас их невозможно найти. Не будет преувеличением предположить, что они были потоплены в результате каких-то из тех страшных конвульсий, которые произошли в Исландии; однако столь же разумно заключить, что эти скалы располагались в другом месте, вероятно, ближе к восточному побережью, которое раньше было более доступным, чем сейчас. В версии "Рассказа о Гренландии" Ивара Бардасона (см. *"Американские древности"*, стр. 301), взятой из *Фарерской рукописи*, и любопытным образом сохраненной Перчасом, *Его "Паломничество"*, т. iii, стр. 518, мы читаем следующее:

"Пункт, люди должны знать, что между *островом* и *Гренландией* лежит гора, называемая *Горнборнсе-Скаре*. Там они обычно отправлялись в *Гренландию*. Но, как они сообщают, на том же Риссе есть Лед, выходящий из Лонг-Норт-Боттома, так что мы не можем воспользоваться тем же старым Проходом, как они думают".

[73] Торфейус говорит (*Гренландия*, стр. 73), что "Эрик Рыжий сначала жил в Гренландии, но это было обнаружено человеком по имени Гуннбьерн. В его честь названы Скалы Гуннбьерна".

[74] Перевод буквальный или почти таковой, а смысл неясен.

[75] Это показывает, что другие пользователи были там раньше. Несомненно, это были исландцы, которые плыли в Гренландию. Местом укрытия, по-видимому, была выемка, покрытая камнем или деревом. Очевидно, что у людей иногда была привычка прятать деньги таким образом. Мы читаем в "Саге об Эрике Рыжем", что этот человек сначала намеревался отправиться со своим сыном Лейфом в путешествие, чтобы открыть землю, которую видел Хериульф и которую Лейф назвал Винландом. По пути к кораблю лошадь Эрика споткнулась, он упал на землю, получив серьезные травмы, и был вынужден отказаться от путешествия. Он воспринял это как приговор за то, что в качестве одной из приготовлений к своему отсутствию зарыл свои деньги там, где его жена Торхильд не смогла бы их найти.

[76] Считается, что это было примерно в феврале, что дает одно из многих указаний на то, что климат этого региона стал более суровым, чем раньше. Тот факт, что вода не замерзла, указывает на мягкую погоду, о чем мы могли бы заключить по оснастке их судов и подготовке к выходу в море. Что касается термина *Гое*, в *"Историческом справочнике мыслей" Гренланда* (том i, стр. 7) говорится: "Это название раньше использовалось в Дании, и Этацраад Верлауф обнаружил его в надписи на датском руническом камне".

[77] Факты о том, что они занимались охотой и что они построили хижину для проживания, могут на первый взгляд заставить некоторых предположить, что на этом месте был лес или больше или меньше деревьев для заготовки древесины. Однако из этого не следует, поскольку древесина могла бы удовлетворить все их потребности в строительстве там, где они не могли бы добыть или использовать камень. Что касается дрейфующего леса, Кранц говорит, говоря о Гренландии: "Поскольку Он запретил этому холодному, скалистому региону расти деревьям, Он

приказал океанским штормам доставить к его берегам большое количество древесины, которая, соответственно, приплывает туда частью без льда, но большей частью вместе с ним, и оседает между островами. Если бы не это, у нас, европейцев, не было бы там дров для сжигания.... Среди этого леса есть большие деревья, вырванные с корнем, которые, двигаясь взад и вперед в течение многих лет, прыгая и тусь об лед, совершенно лишились ветвей. Небольшую часть этого дрейфующего леса составляют ивы, ольха и березы, которые выходят из заливов на юге; также большие стволы осин ... но большую часть составляют сосны и ели. Мы находим также много древесины с тонкими прожилками и небольшим количеством ветвей; это, как мне кажется, лиственница.... Есть также твердая красноватая древесина с более приятным ароматом, чем у обыкновенной ели, с видимыми поперечными прожилками, которая, как я полагаю, относится к тому же виду, что и прекрасные серебристые ели, или зирбель, которые пахнут кедром и растут на высоких холмах Гризон, и ими швейцарцы обшивают свои комнаты". —*История Гренландии*, том i, стр. 37.

[78] Если бы требовалось какое-либо подтверждение правдивости этого повествования или убийства Снебьорна и Торода, мы могли бы искать его в не менее хорошо известном факте, что после возвращения путешественников в Исландию их друзья жестоко отомстили за смерть этих двух мужчин.

[79] На юго-западе Норвегии.

[80] Смотрите Колонизацию Исландии во Введении.

[81] Смотрите примечания к введению.

[82] Сейчас невозможно идентифицировать эти населенные пункты. Старая точка зрения, согласно которой то, что называется Восточно-быгд, или Округ, находилось на восточном побережье Гренландии, теперь отброшена. Вполне вероятно, что на восточном побережье никогда не было никаких поселений, хотя когда-то оно, очевидно, было более доступным, чем сейчас. Посмотрите на *экспедицию*.

[83] Поскольку мы точно знаем, что христианство было установлено в Исландии в 1000 году нашей эры, окончательное поселение Эрика и его последователей должно было произойти в течение указанного года, а именно: 985.

[84] См. "*Древности Америки*", стр. 15, примечание а.

[85] Очевидно, ошибка. См. "*Древности Америки*", стр. 15, примечание 3.

[86] Этот король распространял христианство с помощью физической силы и отмечал ход своих миссионерских туров огнем и кровью; чего можно было ожидать от варвара, только что перешедшего из культа Одина и Тора.

[87] Эти рабы были рабами, хотя рабство в Исландии приобрело особые черты. Следующее из *Saги о Гисли Разбойнике* показывает отношение, которое рабы питали к свободным людям. Мы читаем, что однажды Гисли позаимствовал знаменитый меч Колля, и последний попросил вернуть его, но Гисли в ответ спрашивает, продаст ли он его, получив отрицательный ответ. Тогда он говорит: "Я дам тебе свободу и имущество, чтобы ты мог идти, куда пожелаешь, с другими людьми". Это также отклоняется, когда Гисли продолжает: "Тогда я дам тебе свободу и аренду или подарю тебе землю, и, кроме того, я дам тебе овец, крупный рогатый скот и

товаров, столько, сколько тебе нужно". От этого он также отказывается, и Кол, когда Гисли просит его назвать цену, предлагает любую сумму денег, помимо своей свободы, и "подходящую партию, если тебе кто-нибудь понравится". Но Кол отказался продать его за любую цену, что привело к драке, и в первом натиске топор раба вонзился в мозг Гисли, в то время как спорный меч, Серая Сталь, раскроил толстый череп Кола. См. *Сага о Гисли-Разбойнике*, стр. 6, Эдинбург, 1866. Также Сага об Эрике Рыжем, где Торбьорн считает унижительным, что Эйнар просит руки его дочери, поскольку Эйнар сын рабыни.

[88] Первоначальный поселенец или фригольдер, чье имя и имущество были зарегистрированы в *Ланднама-бок*.

[89] Этого стихотворения больше не существует. Его объект, *Хафгердингар*, описывается как устрашающий водоем, "который иногда поднимается в море близ Гренландии таким образом, что три больших ряда волн перекрывают часть моря, так что корабль, оказавшийся внутри, подвергается наибольшей опасности". — *Гренландский историк мышления*, том i, стр. 264. По-видимому, нет лучшего основания для этого движения Хафгердингара, чем старые сообщения о Водовороте, который, как предполагалось, когда-то существовал у берегов Норвегии. Хафгердингар, возможно, возник из-за наблюдения мощного эффекта пересечения моря, воздействующего на прилив.

[90] К этому переводу может быть добавлен другой перевод в метре, сделанный Бимишем:

О ты, испытывающий святых людей!
Теперь направь меня по моему пути;
Владыка широких сводов земли, протяни
мне Твою милостивую руку.

По-видимому, это самая ранняя христианская молитва, найденная на сегодняшний день в связи с этим периодом американской истории.

[91] *Эйрар*. Это название не места — ибо Хериульф жил в Исландии в местечке под названием Дропсток, — а естественной особенности местности; *эйри*, до сих пор называемый эйром на Оркнейских островах, представляет собой плоский песчаный участок суши, пригодный для высадки и спуска лодок. Все древние жилища на этих островах, и, вероятно, также в Исландии, расположены таким образом, чтобы иметь преимущество такого рода естественной пристани, а на косе, называемой айре, очень часто есть небольшое озеро или пруд внутри нее, в котором укрываются лодки.— *Лэйнг*.

[92] Подробности этого путешествия очень просты, но тот, кто отбросит свои старые предрассудки и рассмотрит весь предмет со всей тщательностью, которой он заслуживает, не может не быть убежден, что Бьярне был изгнан на этот Континент и что увиденная земля была побережьем той огромной территории, которая простирается между Массачусетсом и Ньюфаундлендом, ибо нет другой земли, соответствующей описанию. Конечно, нельзя утверждать, что это открытие имеет какую-то особую заслугу. Оно также было случайным, чем-то вроде открытия Америки Колумбом, который в поисках Ост-Индии наткнулся на новый свет. Однако открытие Бьярне вскоре привело к существенным результатам.

[93] В разное время было высказано немало возражений против этих сообщений, поскольку крупный рогатый скот и овцы, а иногда и лошади упоминаются в связи с Гренландией. Некоторые предположили, что по этим причинам Сага, должно быть, неверна. Тем не менее, в более современные времена ничто не мешало людям содержать таких животных, хотя было сочтено, что лучше заменить лошадей собаками. Кранц говорит, что в "1759 году один из наших миссионеров привез с собой трех овец из Дании в Нью-Херрнхут. Они настолько увеличились, принося по два-три ягненка в год, что с тех пор им удавалось каждый год забивать по несколько ягнят, отправлять некоторых в Лихтенфельс для начала там и, в конце концов, в настоящее время перезимовать десятерым. Мы можем судить о том, насколько сладка и питательна здешняя трава, по следующим признакам: хотя от одной овцы бывает три ягненка, они крупнее, даже осенью, чем годовалая овца в Германии". Он говорит, что летом они могли бы пасти двести овец в окрестностях Нью-Херрнхута; и что раньше они держали коров, но это оказалось слишком хлопотным делом.—*История Гренландии*, том i, стр. 74.

[94] Должно быть, он перешел в Гренландию из Норвегии, затем, как и в 1000 году, вернулся и ввел христианство в Гренландии. Используемый язык является неопределенным.

[95] В одном из пересказов Саги об Эрике Рыжем говорится, что он отправился с Лейфом в его путешествие в Винланд. Финн Магнусен говорит, что ошибка возникла из-за изменения одной буквы в паре коротких слов. См. *Historiske Mindesmærker Гренланда*, том i, стр. 471.

[96] Лошадей теперь можно содержать в Гренландии, только с большими затратами. Похоже, что в древности это было не так. Несомненно, климат в большей или меньшей степени изменился. Геологи находят свидетельства того, что в какой-то период в северных регионах, должно быть, существовал тропический климат.

[97] Суеверие было проклятием жизни северянина. Он также твердо верил в Судьбу. Доктрины Судьбы держали лучшие умы Севера в тисках, подобных тискам смерти, так что во многих случаях их жизнь постоянно омрачалась великой печалью. Одну из самых печальных иллюстраций этой веры можно найти в *Sage о Греттире Сильном* (приведенной в работе Бэринг-Гулда об Исландии), Саге, в которой доктрина предстает с силой, почти ужасающей.

[98] Некоторые предполагают, что он был немцем, другие утверждают, что он был турком, на что может указывать его имя.

[99] Снежные горы, *Еклар миклир*, такие, о которых упоминает Чаппелл, были замечены на побережье 14 июня 1818 года.

[100] Хеллулэнд, из *Хеллы*, плоского камня, в изобилии встречающегося на Лабрадоре и в окрестностях.

[101] Это соответствует общим особенностям страны. *Североамериканский пилот* описывает местность вокруг Галифакса как "в целом низкую, и ее не видно на расстоянии двадцати миль; разве что со шканцев семьдесят четвертого лайнера. Холмы Апостогон имеют вытянутый, ровный вид, между мысом Леав и Порт-Медузем, побережье со стороны моря ровное и низкое, а берега с белыми скалами и низкими, бесплодными выступами; оттуда до Шелбурна и Порт-Розвея растут леса. Близ Порт—Холдимана есть несколько бесплодных мест, а оттуда - к мысу Сейбл, который на юго-западе переходит в залив Баррингтон, низкий и лесистый остров". - *"Древности Америки"*, стр. 423.

[102] Предполагается, что Маркленд - это Новая Шотландия, так хорошо описанная как в Саге, так и в "*Береговом пилоте*". Маркленд означает "лесная местность". Через два дня плавания оттуда они увидели Кейп-Код, хотя, скорее всего, время отплытия указано неверно.

[103] Этот остров доставил переводчикам немало хлопот из-за того, что, как говорят, он расположен к северу от суши. И профессор Рафн, чтобы отождествить этот остров с Нантакетом, показывает, что северная стрелка исландского компаса направлена на восток. Но это не совсем соответствует действительности. Возможно, не возникло бы никаких трудностей в интерпретации, если бы северные антиквары были знакомы с фактом, что в древние времена к северу от Нантакета, на противоположном берегу Кейп-Кода, существовал остров. Этот остров вместе с большим участком суши, который сейчас также исчез, существовал во времена Госнольда, который обогнул Кейп-Код в 1602 году. Положение этого острова вместе с точкой суши указано на карте, приведенной в Приложении. Одно время существовали некоторые сомнения в правдивости рассказов по той причине, что описанных участков земли больше не существовало. Тем не менее, их местоположение было определено с научной точностью; внешняя часть острова называлась Пойнт Кэр, в то время как другая точка называлась Пойнт Гилберт. Ни Арчер, ни Бреретон в своих отчетах о путешествии Госнольда не приводят названия острова, но капитан Джон Смит в 1614 году называет его "остров Навсет". *История Вирджинии* Смита, том. ii, стр. 183. Этот остров принадлежал к формации дрифт, и еще полвека назад его часть все еще сохранялась и называлась Слат-Буш. Эта тема была очень тщательно рассмотрена мистером Отисом в его брошюре *онаходке древнего корабля на Кейп-Коде*. Профессор Агассис в письме от 17 декабря 1863 года пишет: "Какими бы удивительными и, возможно, невероятными никазались *заявления мистера* Амоса Отиса, тем не менее они являются прямым и естественным выводом из наблюдений, которые можно легко провести вдоль восточного побережья Кейп-Кода. Почувствовав в последнее время особый интерес к геологическому строению этого замечательного региона, я неоднократно посещал его прошлым летом и однажды вместе с мистером Отисом с величайшей тщательностью исследовал свидетельства прежнего существования острова Навсет и мыса Гилберт. Я счел это настолько удовлетворительным, насколько могут быть удовлетворены любые геологические данные. Помимо научного интереса, - добавляет он, - этот результат имеет некоторое историческое значение. Во всяком случае, это полностью подтверждает рассказ Арчера об облике Кейп-Кода во время его открытия в 1602 году и показывает, что он был правдивым и аккуратным наблюдателем". Но, возможно, подтверждение может распространиться даже на северян, которых ученый профессор и его сотрудники не имели в виду; тем более что это открытие очень существенно поможет объяснить их описания. Итак, в первом рассказе о путешествии Торфинна Карлсефне вокруг этой части Винланда говорится, что они называли берег *Чудо-стрэндом*, "потому что они так долго плыли мимо", однако любой, кто проплывает мимо побережья сегодня, не будет поражен его протяженностью. Но, взглянув на реконструированную карту Кейп-Кода (см. Приложение), читатель обнаружит, что береговая линия сильно увеличена, так что для того, чтобы обогнуть мыс, мореплавателю приходится проплывать большое расстояние; и, сравнивая это пройденное расстояние с фактически пройденным, северяне вполне могли бы устать и назвать его Уандер-стрэнд. Это в значительной степени снимает затруднение, с которым столкнулся профессор Рафн, который потрудился показать, что рассматриваемый остров был Нантакетом, несмотря на тот факт, что он находился слишком далеко на востоке. Для получения более полных сведений об острове Навсет см.

Исторический и генеалогический регистр Новой Англии, том. xviii, стр. 37; и *Исторические собрания Массачусетса*, том. viii, серия iii, стр. 72-93.

[104] Говоря о непосредственной близости от *Уандер-стрэнда*, во втором отчете об экспедиции Торфинна говорится: "Там были места без гаваней", что было всегда, поскольку это побережье было опасным; однако выше сказано, что "они высадились, чтобы дожидаться хорошей погоды". *Сейчас* это было бы практически невозможно, разве что в Чатеме; но в те дни, несмотря на отсутствие гаваней, они могли бы найти пристанище для своего маленького судна где-нибудь между островом и материком. Из "*Истории Брэдфорда*", стр. 217, мы узнаем, что в 1626-7 годах на этом месте была "небольшая глухая гавань", которая "лежит примерно в середине залива Манамояке", которая сегодня заполнена недавно образовавшимися песчаными пустошами и соляными лугами. Эта "слепая гавань" имела в устье предательскую песчаную косу. Если бы эта гавань существовала во времена северян, они бы не обязательно обнаружили ее; и, следовательно, в то время как Лейф мог бы высадиться здесь и найти защиту, Торфинн на своем гораздо большем корабле, возможно, счел бы необходимым бросить якорь, что он, по-видимому, и сделал, на территории между островом Наусет и мысом Гилберт, пока велись исследования суши.

[105] "Медвяная роса, — говорит доктор Уэбб, - встречается в этом районе". - *Американские древности*, стр. 443.

[106] Этот звук, возможно, издавала вода между мысом Гилберт и островом Наусет.

[107] Арчер говорит в своем отчете о путешествии Госнольда: "В двенадцати лигах от [конца] Кейп-Кода мы заметили мыс [Пойнт Гилберт] с небольшим пляжем на приличном расстоянии". Говорят, что несс, или мыс, уходил *на север*, но мы должны помнить, что имеется в виду *направление на восток*.

[108] Это именно тот курс, которым они будут следовать после того, как удвоят тот мыс, который существовал во времена Госнольда и который он назвал Пойнт Гилберт. Автор не согласен с профессором Рафном в том, что этот пункт находится у восточного входа в бухту Баззардс. Если бы он знал о существовании острова Наусет, то не стал бы искать его по соседству. В то время мыса Малабар, вероятно, еще не существовало, поскольку мы знаем, как быстро формируется суша в этих окрестностях; и все же он не привлек бы внимания по сравнению с большой широкой точкой, упомянутой Арчером.

[109] После прохождения Пойнт-Гилберт мелководье можно найти практически в любом месте, что, по-видимому, имело место в древности.

[110] Река, очевидно, была проливом Сиконнет и рекой Покассет.

[111] Это озеро называется залив Маунт-Хоуп. Автор Саги опускает ту часть путешествия, которая следует сразу за удвоением несса. Турист, путешествующий таким образом по железной дороге, сначала примет залив Маунт-Хоуп за озеро.

[112] Лосось раньше был настолько многочисленным в этих окрестностях, что, как говорят, было введено правило, согласно которому мастера не должны обязывать своих учеников есть эту рыбу чаще двух раз в неделю.

[113] Хорошо известно, что крупный рогатый скот в этих окрестностях может провести зиму практически без укрытия, а овцы на Нантакете могут, при необходимости, позаботиться о себе сами.

[114] Это преувеличение, или, возможно, автор, который не был с экспедицией, хотел донести мысль о том, что морозов не было по сравнению с тем, что было в Гренландии и Исландии. Первый рассказчик о путешествии, несомненно, пытался произвести хорошее впечатление о климате. При этом за ним последовали почти все, кто пришел после него. Эрик Рыжий рассказал несколько почти сказочных историй о климате Гренландии; и все же, поскольку его рассказы не согласуются с фактами, кто настолько глуп, чтобы отрицать, что он когда-либо видел Гренландию? И с таким же основанием мы могли бы отрицать, что Лейф приезжал в Винланд. С таким же основанием мы могли бы отрицать, что Мортон играл бунтовщика в "Мерри Маунт", поскольку он сообщает нам в своем "*Новоанглийском Ханаане*", что кашель и простуда неизвестны в Новой Англии. Вице-губернатор Массачусетса Дадли в свое время жаловался на эти ложные представления.

[115] Этот отрывок был неправильно понят Торфеем, первым автором, который исследовал эти вопросы, и за ним последовали Перингскиольд, Мальтебран и другие, которые, по их подсчетам, определили широту Винланда где-то недалеко от Новой Шотландии. Тем не менее, недавние исследования Рафна и Финна Магнуссена прояснили этот момент: "Северяне разделили небеса, или горизонты, на восемь основных разделов и время суток в соответствии с видимым движением солнца через эти разделы, прохождение через каждый из которых, как они предполагали, занимало три часа. Таким образом, день был разделен на отрезки времени, соответствующие этим восьми подразделениям, каждый из которых назывался *эйкт*, что означает восьмую часть. Этот *эйкт* был снова разделен, подобно каждому из великих подразделений небес, на две меньшие и равные части, называемые *станд* или *мал*. Чтобы определить эти временные интервалы, житель каждого места внимательно наблюдал за суточным ходом солнца и отмечал земные объекты, над которыми оно, казалось, стояло. Такой объект, будь то искусственный или естественный, исландцы называли *дагсмарк* (дневная метка). К нанесению этих дневных отметок их также подтолкнуло деление горизонта в соответствии с основными ветрами, а также потребности их внутренней экономики. Время подъема пастуха, например, называлось *Hirdis rismál*, что соответствует половине пятого утра, и это было началом естественного двадцатичетырехчасового дня. Отсчет от *Хирдиса рисмала* восьмая *стадия* или восьмая половина *эйкта*, закончилась ровно в половине пятого вечера; и поэтому этот конкретный период был назван *икт эξοχήν*, *эйкт*. Этот *эйкт*, строго говоря, начался в три часа пополудни и закончился в половине пятого, когда, как говорили, наступил *эйктарштадт* или окончание *эйкта*. Точный момент появления солнца в этом месте указывал на окончание искусственного дня (*дагр*) и половины естественного дня (*дагр*), и поэтому считался особенно заслуживающим внимания: предполагается, что часы труда также заканчивались в это время. Шесть часов утра назывались *мидр моргун*; половина восьмого утра - *Дагмал*; девять утра - *Дагвердармал*. Считалось, что зима в Исландии начинается примерно семнадцатого октября, и епископ Торлациус, составитель астрономического календаря, фиксирует восход солнца на юге Исландии семнадцатого октября в половине восьмого утра. В этот час, согласно Саге, оно взошло в Винланде в самый короткий день и зашло в половине пятого вечера, данные которого фиксируют широту этого места на уровне 41 ° 43 10, что почти соответствует широте залива Маунт-Хоуп". См. *Заметку. Antiq. du Nord*, 1836-7, p. 165. По расчетам Rafn, положение составляет 41 ° 24' 10. Это основано на представлении о том, что наблюдение было сделано в

Винланде, когда над горизонтом показалась только верхняя часть диска. Разница, конечно, не важна. Таким образом, мы знаем положение исландского поселения в Новой Англии. См. *"Древности Америки"*, стр. 436.

[116] В те беспокойные времена детей не воспитывали дома, а отправляли на обучение в семьи надежных друзей. Это было сделано, чтобы сохранить семейную линию. Часто в результате какой-нибудь кровавой распри разрушалась целая семья; однако дети, находившиеся в приемных семьях, сохранялись и в свое время становились представителями семьи. Во времена Лейфа язычество и беззаконие были в упадке. У нас есть правдивая картина, данная нам Дасентом, о том, как обращались с детьми в языческую эпоху.

Он говорит: "У нас старый дом может стоять как на кривой, так и на прямой опоре. Но в Исландии в десятом веке, как и во всех ветвях этой великой семьи, жить разрешалось только здоровым детям. Изуродованные, ставшие обузой для самих себя, своих друзей и общества, были обречены на разрушение из-за насилия стихии. Это было суровое право отца, и, хотя матери того возраста, как правило, были благословлены крепким потомством, все же этим правом часто пользовались. Как только он родился, младенца положили на голую землю, и, пока отец не пришел и не посмотрел на него, не услышал и не увидел, что у него крепкие легкие и конечности, он взял его на руки и передал кормилице; его судьба висела на волоске, и жизнь или смерть зависели от приговора его родителя. Когда опасность миновала, он был должным образом вымыт, подписан священным молотом Громовержца [Тора] — символом мужественности и силы - и торжественно принят в семью как верный защитник древних богов. Когда пришло время давать ему название, появилось то, что мы должны были бы назвать крещенским элем. Родные и близкие занимались седловкой, садились верхом и ездил верхом. Кузены съезжались группами со всех сторон света: иждивенцы, вольноотпущенники и рабы - все были очень сильными. Эль поднят, стол накрыт, и скамейки заполнены гостями; веселье и разгул достигают высшей точки, когда в зал широкими шагами входит существо ужасающей силы, в которое этот простой век вселил полную веру. Это была Норна, странствующая пророчица, сивилла, предсказательница судьбы, женщина, которой было дано познать странности людей, и которая пришла оказать честь ребенку и предсказать ему судьбу.... После того, как ребенку дали имя, его часто отдавали на воспитание к какому-нибудь соседу, уступавшему его отцу во власти, и там он рос с детьми дома и завязывал те дружеские отношения, которые считались лучшими и более связывающими, чем кровные узы". - *Северные антиквары*, 1859, стр. 8-9.

[117] В этом нет ничего, указывающего на то, что Тайркер находился в состоянии алкогольного опьянения, как некоторые абсурдно предположили. В этой далекой стране он нашел виноград, который сильно напомнил ему о его родной стране, и ассоциация идей настолько сильна, что когда он впервые встречает Лейфа, тот раздражается языком своего детства и, подобно обычным эпикурам, выражает свою радость, которая тем более заметна из-за его гротескной внешности. Разве это не проявление подлинной натуры, нечто такое, о чем писатель, сочиняющий рассказ о вымышленном путешествии, и мечтать не мог?

[118] Почти повсюду на этом побережье растет дикий виноград. Их можно найти созревающими на Кейп-Коде среди низкорослых дубов, даже в пределах досягаемости океанских брызг, где автор часто собирал их.

[119] В "*Хеймскрингле*" *Перингсвольда*, которому Лэйнг следовал при переводе "Путешествия Лейфа" для своего приложения, это утверждение о вырубке леса дополнено следующим утверждением: "На полях также была самосеянная пшеница и дерево, которое называется массур. Из всего этого они взяли образцы; и некоторые деревья были настолько большими, что их использовали в домах". Считается, что лес массур был разновидностью клена. Другие заявляли, что это, должно быть, было красное дерево, и поэтому сообщение об открытии Лейфа является ложным. Они забывают, что даже Джордж Попхэм в письме домой своему покровителю из Сагадахока в 1607 году говорит, что среди продуктов, производимых в стране, есть "мускатный орех и корица". И все же должны ли мы из этого сделать вывод, что Попхэм никогда не видел Новой Англии?

[120] Смотрите свидетельство Адама Бременского во Введении.

[121] Следует заметить, что они находились недалеко от побережья Гренландии.

[122] Очевидно, это были норвежские торговцы, потерпевшие кораблекрушение при приближении к побережью и следовавшие в порты Гренландии.

[123] Гиссур по прозвищу Белый был одним из величайших юристов Исландии. Мы читаем, что "жил-был человек по имени Гиссур Уайт, он был сыном Тейта, сына Кеттлбьярна Старого, из Моссфелла [Исландия]. Епископ Ислейф был сыном Гиссура. Гиссур Белый содержал дом в Моссфелле и был великим Вождем". — *Сага о сожженном Нуале*, том i, стр. 146.

[124] Хьялте, несомненно, был тем же человеком, который участвовал в соревновании по плаванию с королем Олафом. Смотрите "*Сагу об Олафе Трюггвессоне*".

[125] Это ошибка, если только автор не имеет в виду, что путешествие в Винланд, предпринятое впоследствии, было частью той же общей экспедиции. Лейф первым отправился в Гренландию, как мы уже видели.

[126] Эти язычники не всегда уступали даже с такой готовностью, как Эрик. Некоторые в Норвегии стали мучениками за веру в Одина. См. "*Сагу об Олафе Трюггвессоне*" (*passim*), в т. я из *Хеймскрингла*.

[127] Смотрите примечание к предыдущему сообщению.

[128] Судя по всему, это были женатые мужчины или светское духовенство.

[129] Это явно указывает на плавание вокруг Кейп-Кода.

[130] Очевидно, этот мыс был не Пойнт-Гилберт, а конечной точкой Кейп-Кода, известного как Рейс-Пойнт, опасного места для судоходства. Казалось бы, это было то самое место, о котором шла речь, по той причине, что следующим упомянутым местом является восточный берег, то есть берег близ Плимута, который в ясный день хорошо виден с окрестности Кейп-Кода. Несомненно, именно окрестности Рейс-Пойнта они называли Киаларнессом, или Килевым мысом.

[131] Здесь приводится версия из "*Древностей Америки*", стр. 42, вместо Перингскиолда, в версии которого точка суши не упоминается. Это место считается Пойнт Олдертон, ниже

Бостонской гавани. Торвальд, очевидно, плыл вдоль берега к этому месту, которое является самым примечательным на восточном побережье.

[132] Эти экраны были сделаны из досок, которые можно было быстро установить над фальшбортами, обеспечивая тем самым дополнительную защиту от стрел и камней.

[133] Этих людей иногда называют смеллингарами, или маленькими человечками. Другие выводят свое название от *skræla*, что означает "сушить", намекая на их сморщенный вид; а другие от *skrækia* *кричать*. Из рассказов Эгед и Кранца очевидно, что они раньше населяли эту часть страны, но постепенно были вынуждены уйти на север. Хорошо известно, что в других частях Америки подобные миграции были обычным явлением. И эти люди с большей вероятностью находили убежище в Гренландии, чем сами северяне.

[134] Поведение Торвальда указывает на великодушие характера, на то, что он думал в первую очередь о своих людях, а затем о себе.

[135] Христианство было введено Лейфом, братом Торвальда, в 1001-2 годах.

[136] Это, очевидно, ошибка, поскольку христианство было введено Лейфом *перед* отплытием в Винланд. Подобные ошибки изобилуют во всех ранних летописях, и почему исландские хроники должны быть свободны от них? Каждый такой случай будет беспристрастно отмечен. Трактровка этого отрывка Смитом в его *Диалогах о норманнах*, стр. 127, далека от искренности. Он переводит этот отрывок так: "Но Эрик Рыжий умер, не исповедуя христианства", и отправляет английского читателя к "Саге о Торфинне Карлсефне", *"Древности Америки"*, стр. 119-20, как будто он найдет там причину для своего перевода текста, который недвусмыслен и переведен буквально выше. Обращаясь к авторитетному источнику, о котором идет речь, мы не находим ничего большего, чем то, что "Эрик не спешил отказываться от своей [языческой] религии", и что этот роман стал причиной разрыва между ним и его женой. То, что он *немедленно* отказывался от своей языческой веры, по-видимому, указывает на то, что в конце концов он *все же* отказался от нее. Более того, у нас есть прямое утверждение, что он был крещен. Второе повествование о Лифе, стр. 38.

[137] Норвегия лежала к востоку от Исландии, и поэтому жителей этой страны иногда называли восточниками.

[138] Зима началась 17 октября. См. стр. 32, примечание 6.

[139] Вероятно, в Гренландии были низкорослые лошади, как сегодня в Исландии.

[140] Торстейн Блэк был язычником, который, тем не менее, видел высшую ценность новой веры.

[141] Здесь следует вспомнить о простоте нравов, которая тогда (как и сейчас) преобладала среди исландцев. Туриста в Исландии всегда удивляет отсутствие всякой чопорности.

[142] Тот, кто склонен отвергать все это повествование как досужий вымысел, должен помнить, что вся история более или менее пронизана подобными историями. Преподобный Коттон Мазер в своей *"Магналии Новой Англии"* рассказывает о множестве сверхъестественных событий не лучшего характера, чем то, что описано в Саге. Некоторые из них до крайности нелепы, а другие ужасны как по своему началу, так и по концу. Среди других историй есть история мистера

Филипа Смита, дьякона церкви в Хэдли, штат Массачусетс, и члена Общего суда, который, по-видимому, был околдован. В конце концов ему пришлось убирать свою постель. Затем говорится, что люди "иногда видели огонь на кровати; и когда созерцатели начали говорить о нем, он исчез. Многие люди действительно чувствовали, как что-то шевелится в постели на значительном расстоянии от мужчины; это казалось размером с кошку, но они никогда не могли ухватить это. Некоторые пытались опереться на изголовье кровати, хотя больной лежал совершенно неподвижно, кровать тряслась так, что они неприятно стукались головами. Очень сильный человек не смог бы поднять больного, чтобы ему было легче лежать, хотя бы он и приложил к этому все свои силы; и все же вскоре он мог пойти и поднять кровать, а также лежащего на ней человека, вообще не напрягаясь. Мистер Смит умирает.... После того, как всеобщее мнение, что он мертв, выражение его лица оставалось таким же оживленным, как если бы он был жив.... В комнате, где лежал труп, были слышны различные звуки, такие как грохот стульев и табуреток, причину которых невозможно было объяснить". —*Magnalia*, изд. 1853, т. i, стр. 455. За этот рассказ ручается автор, который был одним из самых образованных богословов своего времени. Приводится другой рассказ, среди множества которого у него было самое убедительное доказательство. Он пишет: "Это было второго мая 1687 года, когда самый изобретательный, образованный и благонамеренный молодой джентльмен, мистер Джозеф Бикон по имени, около 5 часов утра, когда он лежал, спал или бодрствовал, он не мог сказать (но он судил о последнем из них), увидел своего брата, находившегося тогда в Лондоне, хотя сам он был в нашем Бостоне, удаленном от него на тысячу лиг. Этот его брат явился ему утром (я говорю) около 5 часов в Бостоне, одетый в бенгальский халат, который он обычно носил, с салфеткой, повязанной вокруг головы; его *лицо* было очень бледным, ужасным, смертельно опасным, и у него была кровавая рана на лбу. "Брат, - говорит испуганный Джозеф, - Брат", - ответило видение. Джозеф сказал: "В чем дело, брат? как ты сюда попал?" Видение ответило: "Брат, я был самым варварским и бесчеловечным образом убит развратным парнем, которому я в своей жизни не сделал ничего плохого". После чего он дал конкретное описание убийцы, добавив: "Брат, этот парень, сменив имя, пытается перебраться в Новую Англию, в *Фойе* или *Уайлд*: я бы умолял тебя по прибытии любого из них получить приказ от губернатора схватить человека, которого я сейчас описал, и тогда ты предъявишь обвинение". его обвинили в убийстве твоего брата". И с этими словами он исчез". Затем Мазер добавляет отчет, который показывает, что брат Бикона на самом деле был убит, как описано, умерев в тот самый час, когда его явление появилось в Бостоне. Он говорит, что убийцу судили, но с помощью своих друзей он спас ему жизнь. Сам Джозеф, по словам нашего автора, умер "благочестивой смертью, полной надежд", и передал ему отчет, написанный и подписанный его собственной рукой. И теперь, когда история Новой Англии изобилует подобными историями, люди склонны сомневаться в исландском писателе, потому что он время от времени предается фантазиям подобного рода. Скорее, мы должны искать их как подлинные современные знаки.

[143] Церковь Торхильд. См. "*Древности Америки*", стр. 119.

[144] Буквально "Бьярне" *Масленка*, из чего мы, возможно, можем сделать вывод о его личных особенностях.

[145] На протяжении всего повествования о Торфинне имя Эрика встречается там, где следовало бы указать имя Лейфа. Эрик умер за пять лет до того, как Торфинн прибыл в Гренландию. Поскольку этот рассказ был написан в Исландии, автор допустил вполне

естественную ошибку, предположив, что Эрик все еще был главой семьи. В перевод были внесены соответствующие изменения, чтобы избежать путаницы.

[146] *Йоль* был языческим праздником, первоначально проводившимся в честь Тора, бога войны, в начале февраля, который был открытием года северянина. Но поскольку христианство утвердилось в Гренландии в течение пяти лет, теперь праздник, вероятно, перенесли на декабрь и проводили в честь Христа.

[147] Вдова Торстейна Эриксона. Рафн считает, что, поскольку она упоминается в этой Саге под двумя именами, Гудрид и Турид, одно из них было ее именем в детстве, а другое - в более зрелые годы, когда христианство приобрело практическое значение. Имя ее отца было Торбьорн, производное от Тор. Предполагалось, что те, кто носил имена богов, найдут в этих именах очарование или особую защиту от опасности.

[148] Это ошибка, сын Эрика был мертв. Должно быть, это был другой Торвальд.

[149] У северян было два способа считать сотню: короткая и длинная. Длинная сотня равнялась ста двадцати. Мы читаем в "*Saga о Фритьофе*" Тегнера:

"Но домом сам по себе был банкетный зал, сделанный из елового дерева;
Не пятьсот человек, хотя говорили, что *десять дюжин* на каждую сотню,
заполняли эту огромную комнату, когда они собирались на святочные кутежи".

Американское изд., глава iii, стр. 13.

Профессор Рафн делает вывод, что здесь имелась в виду длинная сотня, потому что он думает, что надпись на Дайтон-Рок указывает на количество людей, которые были с Карлсефне после потери девяти.

[150] Нынешний остров Диско, также называемый северянами Бьярни или Медвежьим островом.

[151] Северное побережье Америки называлось Хеллуленд Великий, а Ньюфаундленд - Хеллуленд или Малый Хеллуленд.—*Древности Америки*, стр. 419.

[152] Издалека предполагается, что это остров Сейбл.

[153] Лейф оставил киль своего судна здесь, на оконечности этого мыса, который был Кейп-Код. Назвав это так, они просто последовали его примеру.

[154] Эта бухта была бухтой, расположенной тогда между мысом Гилберт и островом Наусет, существование которого, как доказывает профессор Агассис, существовало. Авторы не упоминают этот остров ни в одном из отчетов о путешествии Торфинна; но было показано, что остров Наусет находился недалеко от берега, так что они не узнали бы, что это *был* остров, без специального исследования; и если бы они знали о его существовании, не было необходимости говорить о нем. Лейф высадился на нем, поэтому он был упомянут автором, написавшим отчет о его путешествии. И все же хронисты Торфинна помогают доказать его существование,

показывая, что за Уандер-стрэндом была бухта, где они могли безопасно стоять на якоре в течение трех дней.

Следует отметить, что события изложены не в точном порядке, поскольку после того, как автор заводит суда в бухту, он возвращается к рассказу о высадке шотландцев. Госнольд бросил якорь в этом же месте ночью, а утром обратил внимание на количество бухт, или, как он их называет, "брешей" в суше. Сага упоминает то же самое, говоря, что земля "стала изрезанной бухтами". Сейчас эти бухты исчезли, но свидетельство Госнольда показывает, насколько точно северяне наблюдали за этой частью побережья. Как и Госнольд, они сочли удобным и безопасным полежать здесь некоторое время.

[155] Мы впервые слышим о том, что рабов привозят в Винланд. Мы уже видели, что для гордого северянина рабство было реальностью. Один из ближайших родственников Ингольфа, первого северянина, поселившегося в Исландии, был убит своими шотландскими (ирландскими) рабами.

[156] Это был Нантакет или Мартас-Винъярд, тогда, вероятно, объединенные, образовавшие один остров.

[157] Остров Нантакет, который затем, вероятно, был объединен с Мартас-Винъярдом.

[158] *Страуми*, или остров Страум, что, возможно, указывает на их знание Гольфстрима.

[159] Здесь имеется в виду чайка или какая-то подобная птица.

[160] Бухта Баззардс. Общее положение определено астрономическими расчетами на основе данных, приведенных в "Путешествии Лейфа". См. Примечание к стр. 33.

[161] Берег напротив Мартас-Винъярд.

[162] Из дальнейшего следует, что он был занят языческим заклинанием. Это единственный зарегистрированный случай почитания этого языческого бога на берегах Новой Англии, и все же мы невольно узнаем его каждый раз, когда произносим четверг, то есть День Тора.

[163] В старину определенная часть каждого кита, выброшенного на берег на Кейп-Коде, составляла привилегию духовенства.

[164] Буквально Рыжебородый, поскольку предполагается, что у Тора была борода такого цвета. Главным божеством северян был Один, король, который умер в своей постели в Швеции и впоследствии был апофеозирован. Его называли "Ужасным богом". Души людей, убитых в битве, были приняты им в чертог богов. Следующей была Фригга, или Фрей, его жена, считавшаяся богиней земли и матерью богов. Наконец, она заняла место, занимаемое классической Венерой. Следующим был Тор Рыжебородый, синоним Юпитера. Эти трое составляли верховный совет богов. Затем пришел добрый и кроткий Бальдр, Христос северян; затем пришел Браге, покровитель красноречия и поэзии, и его жена Идуна, которой было поручено ухаживать за некоторыми яблоками, с Хеймдалем, привратником богов и строителем радуги, и Локе, своего рода сатаной или злым началом, которому помогали его дети, Волк Фенрис, Змей Мидгард и Хела, или Смерть.

[165] Из другой части этой работы мы увидим, что торговля в тот период между Ирландией и Исландией была очень большой.

[166] Это точно соответствует заливу Маунт-Хоуп. Через него протекает река Тонтон, а оттуда впадает в море через реку Покассет и пролив Сиконнет. Хмель происходит от исландского / *Hóri*, отступать, следовательно, образовывать залив. Совпадение в названиях поразительно.

[167] Возможно, пшеница. *Сиалфсана хвейтиакрар*.

[168] В Исландии палтуса называют священной рыбой. Плиний использует то же название, что указывает на то, что вода там, где они были найдены, безопасна. Палтус и большинство плоских рыб, таких как камбала, в изобилии водятся в этих окрестностях. Камбалу легко поймать, и те, кто знает как это сделать, часто находят ее на очень мелководье, когда она зарывается прямо под поверхность песка, как камчатский краб.

[169] Это язык, который может использовать исландец, чтобы указать на разницу между новой страной и его собственной. Возможно, это было намеренное преувеличение, подобное тому, которое Эрик использовал при описании Гренландии. И все же, даже если бы это была серьезная попытка исследовать историю, ее нельзя было бы считать более далекой от истины, чем описание климата Новой Англии доктором Коттоном Мазером, где он сообщает нам, что вода, поднятая в воздух, превратилась в лед; и что в одном месте в Массачусетсе действительно выпал снег на шерсть, часть которой, по его словам, он хранил в коробке в своем кабинете.

[170] Красный щит был знаком войны, а белый - мира.

[171] Вряд ли можно объяснить эту учетную запись. У этих людей, несомненно, были свои представления о наилучшем методе ведения боя. Очевидно, это были эскимосы, и раньше, по словам Кранца, они, по-видимому, жили на этом побережье до того, как оно было занято индейцами, которые, будучи высшей расой, вскоре изгнали их.

[172] Это кажется ребячеством, но ничто не указывает на то, что это было не так.

[173] Опыт Тиорфинна был похож на опыт большинства первых колонистов Америки.

[174] Это, скорее всего, была короткая разведка в заливе Наррагансетт.

[175] Древние мексиканцы смешивали человеческую кровь с хлебом, приносимым на алтарь их божеств.

[176] Строки, заключенные в скобки, передают то, что автор считал простым слухом. Это сообщение, очевидно, не соответствовало действительности, но оно показывает его честные намерения.

[177] Они, по-видимому, обогнули Кейп-Код, затем направились в Плимут, поднялись по берегу в направлении Пойнт-Олдертон и вошли в гавань Скитуэйт или в устье какой-либо другой реки на этом побережье.

[178] *Einfoetingr*, from *ein*, one, and *fótr* Этот термин, по-видимому, был дан некоторыми древними авторами одному из африканских племен из-за особенности одежды, которую Вормскиолд описывает как треугольную ткань, свисающую так низко, как спереди, так и сзади, что ноги были скрыты. В старом труде под названием *Римбиглата* описывается племя этого класса,

живущее в Блаланде, Эфиопия.—*"Северяне" Бимиша*, стр. 101. Мы не говорим, насколько далеко автор Саги вкладывает свою фантазию в Одноплановое, но это вполне простительно, учитывая слабость современных писателей. В 1634 году Ханс Эгед написал следующее об отвратительном чудовище: "6 июля было замечено самое отвратительное морское чудовище, которое поднялось так высоко над водой, что его голова перекрывала наш грот.... Вместо плавников у него были широкие щитки, похожие на крылья; его тело, казалось, обросло раковинами.... Сзади он был похож на змею, и когда нырял, ... поднимал свой хвост над водой на целую длину корабля". —*"Гренландия" Эгед*, стр. 85; *"Гренландия"* Кранца, т. iii, стр. 116. Хадсон даже описывает русалку.

Преподобный доктор Коттон Мэзер, которого мы цитировали ранее, приводит среди других примечательных фактов в своей *"Магналии"*, заявлении, что в июне 1682 года Мэри Хортадо из Салмон-Фоллс плыла со своим мужем "через реку в своем каноэ, когда они увидели голову мужчины и примерно в трех футах от себя хвост кошки, плывущей перед каноэ, но тела, которое могло бы присоединиться к ним, не было.... Камень, брошенный невидимой рукой после этого, вызвал опухоль и болезненность в ее голове; и она была укушена в обе руки, черные и синие, и ее грудь была поцарапана. Отпечаток зубов, которые были похожи на зубы человека, видели многие". — *Magnalia*, том i, стр. 454.

[179] См. стр. 41. Это может быть неверной версией смерти сына Эрика.

[180] Голубые холмы, которые простираются до горы Хоуп.

[181] То есть они убежали в свои жилища.

[182] Расположение этого места будет обсуждаться во Второстепенных Повествованиях.

[183] Это было тередо, которое часто бывает таким разрушительным, и которое заставило Колумба покинуть корабль в *Пуэрто-Бельо*, потому что он не мог удержать его на плаву. См. *"Колумб"* Ирвинга, стр. 287.

[184] Это действительно соответствовало благородному духу великих северян, которые не боялись смерти, которая для героев - сияющие врата Валгаллы.

[185] Это одно из свидетельств того, что история культивировалась в Гренландии.

[186] Здесь автор прав. См. Примечание 2, стр. 51.

[187] См. стр. 52.

[188] Та самая бухта, о которой говорилось в предыдущем отчете и которая лежала между мысом Гилберт и островом Наусет. Арчер в своем отчете о путешествии Госнольда говорит, что, когда они обогнули мыс Кэр, оконечность острова Наусет, "Мы снова приблизились к суше и ночью встали на якорь на глубине восьми морских саженей, грунт был хороший". Здесь будет видно, что северяне пролежали в безопасности три дня.

[189] В первом аккаунте это называется Киафалом.

[190] Соглашение с первым аккаунтом является существенным.

[191] Вероятно, это был Мартас-Винъярд.

[192] В первом повествовании говорится, по сути, то же самое, что Торхолл умер в Ирландии.

[193] В первом повествовании говорится о отмелях. Острова и мели, несомненно, существовали в то время. С тех пор в физических аспектах этого региона произошли большие изменения.

[194] Так могло бы быть в какой-нибудь замечательный сезон.

[195] Этот хребет простирается до Голубых холмов Массачусетса, что указывает на значительную активность в разведке.

[196] Также называется Ирландским морем и морем перед Винландом.

[197] В экспедиции было три корабля, и это, несомненно, была компания, отправившаяся на одном из них.

[198] Их можно было легко нести, тем более что их скот был небольшим. Все ранние португальские экспедиции брали с собой живой скот. См. *Принца Генриха Мореплавателя*.

[199] Различные события здесь излагаются с некоторой быстротой, и мы, кажется, добираемся до палаток Лейфа раньше, чем это необходимо. Согласно двум предыдущим сообщениям, они добрались до места, где находились будки Лейфа, только летом после того, как нашли кита. Эти будки находились в заливе Маунт-Хоуп. Это либо результат путаницы в сознании автора, либо основано на том факте, что Лейф возвел жилища в *обоих* местах. В двух первых отчетах об экспедиции Торфинна Карлсефне на них нет ссылок. В конце концов, реального противоречия, возможно, и нет.

[200] В других сообщениях говорится, что они заболели от кита; но это произошло не потому, что мясо кита было испорчено. Бимиш в своем переводе "Песни о Торхолле" действительно заставляет этого неприятного язычника сказать своим товарищам, что, если они пожелают, они

"Зловонные киты могут вариться
Здесь, на Фурдустранде,
Вдали от Отечества";

но в тексте нет ничего, что могло бы бросить подозрение на кита. Проблема заключалась в том, что внезапное перекармливание вызвало тошноту, и кита впоследствии выбросили из-за религиозного отвращения. Однако это событие выбивается из хронологического порядка и по праву относится к рассказу о следующем году.

[201] Это событие относится к предыдущему году. Эти факты не приводятся в других отчетах, поскольку автор, по-видимому, располагает другой информацией.

[202] Это еще одно несколько удивительное событие, подобное тем, которыми Коттон Мазер и другие привыкли приукрашивать историю Новой Англии.

[203] Предыдущие версии этой истории с топором см. на стр. 60. Этот последний отчет кажется немного более понятным.

[204] Это правда, что он решил покинуть страну, но он не осуществлял своего намерения до следующего 1010 года. В этом повествовании перескакиваются все события третьего года. Тем не менее, оно приведено для того, чтобы читатель имел как можно более полное представление о любых недостатках, которые могут существовать в рукописях. Это делается с большей уверенностью по той причине, что нет никаких сомнений в том, что все повествования содержат широкий субстрат твердой правды.

[205] Из заявления в конце путешествия Фрейдис (см. стр. 80) мы узнаем, что летом, когда он вернулся из Исландии, Карлсефне отправился в Норвегию, а следующей весной - в Исландию. Это не противоречит утверждению из приведенного выше повествования, хотя поначалу может показаться, что это так. В нем не говорится, что следующим летом он отправился из Гренландии в Исландию, но что тем летом он *отправился* в Исландию, что совершенно верно, хотя и плохо изложено, а его предыдущее путешествие в Норвегию игнорируется.

[206] См. стр. 48.

[207] Гарда была епископальной резиденцией Гренландии. Фрейдис и ее муж отправились в Винланд вместе с Карлсефне. Это она напугала скреллингов.

[208] Похоже, что путь в Винланд стал настолько хорошо известен, что авторы Саг больше не считали нужным описывать его.

[209] Залив Маунт-Хоуп до сих пор часто называют озером. Эти воды всегда выглядят как озера. Бреретон в своем отчете о путешествии Госнольда называет те же самые заливы озерами. Он пишет: "С этого острова [Элизабет] мы направились прямо к Мэйну, где некоторое время стояли, восхищенные красотой и утонченностью *sweetnesse*, а также озерами *divers clear*, которым не было конца".

[210] Фрейдис, очевидно, была главной во всем.

[211] По исландскому законодательству женщина может расстаться со своим мужем по незначительной причине.

[212] Согласно этому заявлению, экспедиция вернулась очень рано, поскольку Карлсефне отправился в Норвегию в тот же сезон, как сообщалось ранее.

[213] Если бы эта сделка произошла в предыдущем столетии, когда повсеместно господствовало язычество, этот зверский поступок хладнокровной Фрейдис стал бы прелюдией к почти бесконечной борьбе.

[214] Это сообщение дополняет предыдущее и взято из той же работы. Карлсефне, конечно же, приплыла из Гренландии.

[215] *Húsasnotru* переведено как "метла в доме". Точное значение неизвестно. Древко для метлы было бы слишком маленьким, какой бы редкой ни была древесина, чтобы из него можно было сделать что-то ценное. Засов для запираания входной двери был настолько распространен, насколько это было необходимо в каждом доме, и, возможно, именно об этом идет речь.

[216] См. примечание 1, стр. 36.

[217] На севере Исландии.

[218] Недалеко от Скагафьорда.

[219] Понятно, что она уехала в Рим. Можно спросить, почему она не распространила весть о путешествии своего сына в тех частях Европы, куда сама отправилась, и не сообщила об открытии Нового Света. На это можно ответить, что исландцы понятия не имели, что они открыли Новый Мир, и не оценили ценности своих географических знаний. Кроме того, ничто не доказывает, что Гудрид и другие, побывавшие в Европе в этот период, *не* сделали известными исландские открытия. В то время подобные темы не вызывали интереса, и поэтому мы не имеем права ожидать найти следы обсуждения того, что в очень узком классе было бы расценено в лучшем случае как любопытная история. Смотрите заметку об Адаме Бременском в Общем введении.

[220] Следует помнить, что все это было предсказано ее бывшим мужем, Торстейном Эриксоном, когда он вернулся к жизни в доме Торстейна Блэка в Гренландии; из чего мы должны сделать вывод, что "Путешествие Торстейна Эриксона" было написано после или во время второго вдовства Гудрид, и что обстоятельства пророчества Торстейна, в частности, в соответствии с духом эпохи, придуманный для того, чтобы соответствовать обстоятельствам дела. См. стр. 46.

[221] То есть норвежец.

[222] *Хвитраманна-земля*. Следует помнить, что в "Саге о Торфинне Карлсефне" (стр. 63) эту землю упоминали туземцы, которых он взял в плен. Они описывали это как землю, населенную людьми, которые носили белые одежды, несли перед собой шесты и кричали. Однако автор Саги там говорит не более чем о том, что люди *думают*, что это было место, известное как Ирландия Великая. То, что говорят скреллинги, не отождествляет его с землей Аре Марсон. И все же, чтобы профессор Рафн, который считал, что эта страна - Америка, мог в полной мере воспользоваться своей теорией, мы приводим следующий отрывок из *путешествия* Вафера, из которого видно, что в 1681 году, когда он посетил Дарьенский перешеек, среди местных жителей были люди, которые сносно соответствовали описанию, данному в рассказе Карлсефне. Вафель говорит: "Они белые, и они обоего пола; но их было немного по сравнению с медноокрасными, возможно, всего один против двух или трех сотен. Они отличаются от других индейцев главным образом цветом кожи, хотя и не только этим. Их кожа не такая белая, как у светловолосых европейцев, с некоторым оттенком румянца или сангвинического цвета лица; и цвет их лица не похож на цвет наших более бледных людей, но он скорее молочно-белый, светлее, чем у любого европейца, и очень похож на цвет белой лошади.... Их тела более или менее покрыты тонким, коротким, молочно-белым пушком.... У мужчин, вероятно, была бы белая щетина вместо бород, если бы им не мешал их обычай выщипывать молодую бороду с корнем.... Брови у них тоже молочно-белые, как и волосы на голове". стр. 107.

Он также добавляет, что "Мужчины ценят плащи, и если бы у кого-нибудь из них была старая рубашка, подаренная ему кем-нибудь из нас, он бы обязательно надел ее и расхаживал с необычным видом. Кроме того, у них есть что-то вроде собственных длинных хлопчатобумажных одежд, одни белые, другие ржаво-черные, по форме напоминающие наши возничьи платья, ниспадающие до пят, с бахромой из того же хлопка, примерно в пядь длиной, и короткими широкими открытыми рукавами, достигающими только до середины их рук.... Их надевают в некоторых торжественных случаях.... Когда они собраны, они иногда прогуливаются по месту или плантации, где они находятся, в этих одеждах. И однажды я увидел, как Тацента таким

образом шел в сопровождении двух или трех сотен таких же людей, как он, словно собирал их. И я обратил внимание, что те, кто был в черных одеждах, шли перед ним, а белые - за ним, и у каждого были копья того же цвета, что и их одежды". Но, несмотря на это сходство, историки требуют более веских доказательств идентичности этих двух людей.

[223] Профессор Рафн в книге "Как кажется автору, его ненужное беспокойство по поводу определения местоположения земли белого человека в Америке" говорит, что, поскольку эту часть рукописи трудно расшифровать, оригинальные буквы, возможно, были изменены, и вместо хх или хі вставлено vi, цифры, которые позволили бы "вояджеру" достичь вовремя побережье Америки, в окрестностях Флориды. Смит в своих *Диалогах* даже зашел так далеко, что вообще the term six" и заменил его словами "на неизвестное количество дней плавания". Это просто шутливое отношение к предмету. В *Historiske Mindesmærker* Гренланды, в основном работе Финна Магнуссена, никаких вопросов по этому поводу не ставится. Во всех различных версиях приводится цифра шесть, которая ограничивает путешествие окрестностями Азорских островов. Шенинг, которому мы во многом обязаны лучшим изданием "Хеймскрингла", описывает приключения Марсона на этих островах и предполагает, что в то время они могли занимать большую территорию, чем сейчас, и что они могли пострадать от землетрясений и наводнений, добавляя: "Вполне вероятно, и все обстоятельства показывают, что упомянутая земля была частью Северной Америки". Это смелая, хотя и не очень необоснованная гипотеза, тем более что вулканический характер островов хорошо известен. В 1808 году вулкан поднялся на высоту 3500 футов. Однако в предложении Шенинга нет необходимости. Тот факт, что острова не были заселены, когда их открыли португальцы, однако, ничего не говорит против Шенинга, потому что в течение пятисот лет люди могли либо мигрировать, либо быть сметены эпидемией. В *"Историческом размышлении Гренланды"* (том i, стр. 150) просто говорится, что "Считается, что он (Аре Марсон) закончил свои дни в Америке или, во всяком случае, на одном из крупных островов запада. Некоторые думают, что это был один из Азорских островов".

[224] Тот факт, что Аре Марсон, как говорят, был крещен в Ирландии Великой, не доказывает, что это место, где бы оно ни находилось, было заселено колонией ирландских христиан. Однако эту точку зрения отстаивали профессор Рафн и другие, которые считали, что Великая Ирландия расположена во Флориде. Традиция шаванцев приводится для доказательства того, что Флорида была рано заселена белыми людьми из-за моря. Мы читаем, что в 1818 году "шаванцы обосновались в Огайо, куда они пришли из Флориды, Черное Копыто, которому тогда было восемьдесят пять лет, родился там и помнил, как купался в море. Он сказал индейскому агенту, что у людей его племени была традиция, что их предки пришли из—за моря и что долгое время они ежегодно приносили жертвы ради их благополучного прибытия". -*Американская археология*, том i, стр. 273. Однако эти индейцы, предполагаемые потомки в высшей степени благочестивых христиан из Ирландии, были ярыми противниками христианства и не имели христианских традиций. Такая точка зрения требует слишком большой доверчивости. Не разумнее ли, особенно с учетом того факта, что это повествование не требуется для демонстрации доколумбова открытия Америки, искать землю белого человека на каком-нибудь острове Атлантики; ибо, если бы мы допустили, что шесть дней плавания означают одиннадцать или двадцать дней плавания, нам было бы ненамного лучше, поскольку так трудно найти белых людей на рассматриваемой земле.

[225] Из этого генеалогического отчета следует, что Аре Марсон не был малоизвестным или мифологическим персонажем. В 981 году он был одним из выдающихся людей Исландии, и о

нем много говорят. И все же его связь с Ирландией Великой, хотя и несомненно реальная, вряд ли *доказывает*то, что, тем не менее, может быть правдой — открытие ирландцами Америки до скандинавии. Эта точка зрения, которая не является невероятной, требует более четких доказательств и окупит исследование. Другие упомянутые персонажи столь же хорошо известны. См. "*Древности Америки*", стр. 211-12.

[226] Священник или *Бог*. Это был языческий священник Исландии, в обязанности которого входило приносить храмовые подношения, для чего каждая ферма в окрестностях делала свой вклад. Эта должность также была объединена с должностью главного судьи и адвоката, и за дела, которые он вел в Thing, он получал обычные гонорары; тем не менее, он был вынужден зависеть в своей поддержке, главным образом, от продуктов своей фермы. Должность передавалась по наследству, но могла быть продана, переуступлена или утрачена.

[227] Это был запад по отношению к Норвегии, поскольку люди привыкли использовать это выражение.

[228] Убит в Ирландии в битве, 1013.

[229] Буквально, *женщина*, со ссылкой на Йорд, Землю, одну из жен Одина, а также мать Тора.

[230] Погребальные кубки.

[231] Мать Бьерна.

[232] Это выпад в адрес Торродда Собирателя Дани.

[233] Это показывает, что, хотя Бирн убил мужчин в целях самообороны, суд счел, что он не получил того, чего заслуживал.

[234] Йомсберг был штаб-квартирой ордена викингов или пиратов, где замок также был построен королем Дании Гарольдом Блаатандом. Он был расположен на одном из устьев Одера, на побережье Померании. Вероятно, он был идентичен Юлиану, основанному венедами, и был признан островом Валлин, который Адам Бременский в одиннадцатом веке описал как самый большой и процветающий торговый город в Европе. Бурислав, король вендов, передал соседнюю территорию в руки Пальнатоки, великого вождя Фионии, который был обязан его поддержке. Соответственно, он построил здесь крепость и организовал банду пиратов, *обычно* называемых викингами, хотя следует отметить, что, хотя каждый викинг был пиратом, не каждый пират был викингом. Только пиратов королевской крови должным образом называли викингами, или морскими королями. Йомсвикинги отличались редкой храбростью и бесстрашием, с которым они смотрели в лицо смерти. Они подчинялись строгим законам и были ограничены точными требованиями, а также, как говорят, дали обет безбрачия. Йомсберг был разрушен около 1175 года датчанином Вальдемаром Великим при содействии принцев Германии и короля Барбароссы. Те из пиратов, кто выжил, бежали в местечко недалеко от устья Эльбы, где несколько лет спустя они были уничтожены датчанами, которые в правление Канута VI полностью разрушили их крепость. Отчеты об их достижениях можно найти в "Саге о короле Олафе Трюггвессоне", в первом томе "*Хеймскрингла*" *Лэйнга*. Исландцы иногда присоединялись к норвежским пиратам, как это было в случае с Бьерном, но они не снаряжали пиратские корабли. Пальнатоки умер в 993 году.

[235] Стирбьерн, сын короля Олафа, правил Швецией в связи с Эриком, прозванным Победоносным. Честолюбие Стирбьерна, к которому добавилось преступление в виде убийства, привело к его позору. Он присоединился к викингам, пополнив их силы шестьюдесятью кораблями. Он был убит, как уже говорилось, в 984 году в битве со своим дядей близ Упсулы.

[236] Дасент говорит, описывая побережье: "Теперь мы приближаемся к огромным скалам Хофдабрекка, Хедбринк, где горы почти переходят в мейн".

[237] Имеется в виду кровь мертвеца.

[238] В Исландии женщины привыкли брать с собой сухую одежду для путешественников.

[239] Все эти стихи чрезвычайно туманны и эллиптичны, хотя и гораздо более понятны современному уму, чем сочинения, относящиеся к еще более древнему периоду. Все знатные люди Исландии практиковались в сочинении стихов. Чосер заставляет своего Священника извиниться за свою неспособность подражать этой практике.

[240] Смотрите Сагу о сожженном Ниале.

[241] Эти сани использовались для перевозки сена, поскольку дороги тогда, как и сейчас, были слишком плохими для телег.

[242] Это единственный абзац, который относится непосредственно к рассматриваемой теме. Следующий рассказ снова привлечет внимание к Бьерну.

[243] Мало кто сделает из этого много выводов; нет ничего проще, чем найти сходство в языке.

[244] Язык указывает на то, что они ехали верхом, хотя это не является окончательным. И в указанный период в Америке не было лошадей, поскольку они были завезены испанцами после открытия Колумба. По крайней мере, таково распространенное мнение.

[245] Это находится в *Annales Islandorum Regii*, в которых излагается история Исландии с начала до 1307 года. Также в *Annales Flateyensis* и в *Annales Reseniini*. Эрик был назначен епископом Гренландии, но после своей хиротонии не исполнял никаких обязанностей и в конце концов оставил этот престол, чтобы отправиться с миссией в Винланд. В двух работах также говорится, что он отправляется в Винланд с титулом епископа Гренландии, титулом, который он носил за несколько лет до своего фактического посвящения.

[246] В рукописи здесь недостача.

[247] Острова Фезер упоминаются в "Анналах Легманнов", или "Анналах губернаторов Исландии", и "Анналах Скалхольтини", или "Анналах епископства Скалхольт", написанных в середине четырнадцатого века, задолго до того, как Колумб отправился в Исландию. Бимиш предполагает, что это острова Пингвинов и Бакалоа.

[248] "Уведомления о земле Ниджа и Дюнейяре, по-видимому, относятся к повторному открытию некоторых частей восточного побережья Америки, которые ранее посещались более ранними путешественниками. Первоначальное название земли Ниджа, или *Ньягафунду-ленд*, естественным образом привело бы к современному английскому названию Ньюфаундленда,

данному Кэботом, насколько известно, открытие могло бы [могло бы?] прийти благодаря торговым отношениям между Англией и Исландией в пятнадцатом веке".—*Бимиш*.

[249] Смотрите "Закат Гренландии" во введении.

[250] Маркленд (Лесная местность) был Новой Шотландией, как мы знаем из описания Лейфа и других. Эти суда, несомненно, отправлялись за древесиной. Все эти свидетельства показывают, что в середине четырнадцатого века по Западному океану в основном плавали.

[251] Перед лицом этого и множества подобных заявлений мистер Бэнкрофт пытается убедить своих читателей, что местонахождение Винланда было неопределенным. С таким же основанием он мог бы сказать нам, что местоположение самого Массачусетса было неопределенным, поскольку, согласно первоначальному гранту, оно простиралось до Тихого океана.

[252] См. примечание 1, стр. 81.

[253] Это грубая ошибка. Автор, должно быть, был скорее географом, чем историком. См. "Сагу о Лейфе", стр. 36.

[254] Часть, заключенная в квадратные скобки, представляет собой интерполяцию недавней даты без каких-либо подтверждений.

[255] Не путать с одноименным местом на Кейп-Коде.

[256] Это еще один отрывок, на который опирается Бэнкрофт, чтобы доказать, что местоположение Винланда было неизвестно, хотя в Сагах его местоположение подробно описано, ситуация там так же хорошо известна, как и в Гренландии.
